3 1761 08821273 3

I. Чаша жизни. — Братья. — При дорогѣ. — Святые. — Весенній вечеръ. — Святочный разсказъ. — Пыль.

II. Стихи.

LR
B9423ch

Bunin, Ivan Alekseevich

(И. А. БУНИНЪ)

ЧАША ЖИЗНИ

Chasha zhizni

HS 9.94
13.3.47

ПАРИЖЪ
1921

Типографія «Франко-Русская Печать»
Imprimerie « Presse Franco-Russe »
:: :: 216, Bd Raspail, Paris :: ::

ПРОИЗВЕДЕНІЯ 1913-1914 г.

I.

ЧАША ЖИЗНИ.

I.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда уѣздный городъ Стрѣлецкъ былъ еще проще и просторнѣй, семинаристъ Киръ Іорданскій, сынъ псаломщика, влюбился, пріѣхавъ на каникулы, въ Саню Діесперову, дочь заштатнаго священника, за которой отъ-нечего-дѣлать ухаживалъ консисторскій служащій Селиховъ, пользовавшійся отпускомъ. Саня была особенно беззаботна и безъ причины счастлива въ то лѣто, каждый вечеръ ходила гулять въ городской садъ или кладбищенскую рощу, носила цвѣтистый мордовскій костюмъ, большимъ бантомъ красной шелковой ленты завязывала конецъ толстой русой косы и, чувствуя себя красивой, окруженной вниманіемъ, все напѣвала и откидывала голову назадъ. Изъ всѣхъ ея поклонниковъ нравился ей одинъ Іорданскій. Но его-то одного и боялась она. Онъ пугалъ ее своей молчаливой любовью, огнемъ черныхъ глазъ и синими волосами. она вспыхивала, встрѣчаясь съ нимъ взгля-

дами, и притворялась надменной, не видящей его. Съ Селиховымъ ей было легче. Селиховъ былъ губернскій франтъ, онъ держался всѣхъ любезнѣе, смѣшилъ ея подругъ, былъ остроуменъ, находчивъ и заносчиво, играя тросточкой, поглядывалъ на Іорданскаго, даромъ что малъ былъ ростомъ. Да и заштатному священнику казался онъ пріятнымъ и дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, не то что Іорданскій, дюжій и нищій семинаръ. И однажды, въ іюльскій вечеръ, когда въ городѣ всѣ катались, всѣ гуляли, и въ золотистой пыли, поднятой стадомъ, садилось въ концѣ Долгой улицы солнце, когда шла Саня въ кладбищенскую рощу подъ руку съ Селиховымъ, а сзади, среди подругъ Сани, шагалъ сумрачный Іорданскій и, покачиваясь, гудѣлъ великанъ Горизонтовъ, тоже семинаристъ, Селиховъ небрежно глянулъ на нихъ черезъ плечо и, наклоняясь къ ея лицу, нѣжно прижимая ея руку, вполголоса сказалъ:

– Я желалъ-бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

II.

Тридцать лѣтъ, избѣгая встрѣчаться, почти никогда не видя другъ друга, не забывали другъ о другѣ Іорданскій и Селиховъ. Всѣ свои силы

употребили они на состязаніе въ достиженіи извѣстности, достатка и почета. Давнымъ-давно жили они оба въ Стрѣлецкѣ и, состязаясь, многаго достигли. Іорданскій сталъ протоіереемъ и весь уѣздъ дивилъ своимъ умомъ, строгостью и ученостью. А Селиховъ разбогатѣлъ и прославился безпощаднымъ ростовшичествомъ. Іорданскій купилъ домъ на Песчаной улицѣ. Не отсталъ отъ него и Селиховъ: на зло ему купилъ домъ вдвое больше и какъ разъ рядомъ съ нимъ. Встрѣчаясь, они не кланялись, дѣлали видъ, что даже не помнятъ другъ друга; но жили въ непрестанной думѣ другъ о другѣ, во взаимномъ презрѣніи. Презирали они, не замѣчали и женъ своихъ. Іорданскій на десятомъ году супружества равнодушно лишился своей некрасивой жены. А Селиховъ почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ засталъ ее однажды заплаканной: въ мордовскомъ костюмѣ, съ косой, заплетенной по-дѣвичьи, она стояла въ спальнѣ передъ своимъ комодомъ, передъ раскрытой вѣнчальной шкатулкой, гдѣ лежали фотографическія карточки, — между ними и карточка Іорданскаго, — пудрила свое распухшее лицо и покусывала губы, чувствуя приступъ новыхъ слезъ. Онъ зналъ, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лѣту,

что единожды выпадаетъ въ жизни каждой дѣвушки, что не въ Іорданскомъ тутъ дѣло. Но простить ей этихъ слезъ не могъ. И всю жизнь ревновалъ ее къ о. Киру, самолюбивый, какъ всѣ маленькіе ростомъ. А тотъ всю жизнь чувствовалъ къ ней тяжелую, холодную злобу.

И шли дни за днями, годы за годами, и осталась у Александры Васильевны одна дума, одна мечта — о домѣ.

III.

Она была уже слаба, полна и склонна къ слезамъ, къ грусти. Состарился и Селиховъ. Но о своей посмертной волѣ онъ упрямо молчалъ. Аккуратный, спокойный и безкровный, въ коричневой парочкѣ безъ единой пушинки, чуть горбясь и заложивъ холодные пальцы своихъ дрожащихъ рукъ въ немодные, прямые карманы панталонъ, онъ похаживалъ по своимъ чистымъ, пустымъ комнатамъ, среди мебели въ чехлахъ, да насмѣшливо что-то обдумывалъ. Жизнь прошла, прошла и злоба на глупость людскую, — осталось одно презрѣніе. Онъ дѣлался все суше и меньше, вынималъ золотое пенснэ все небрежнѣе и прикладывалъ его къ переносицѣ при осмотрѣ вещей, приносимыхъ въ закладъ, все мимо-

летнѣе: всему цѣну зналъ онъ теперь! Домъ купилъ онъ у помѣщика, старый, съ деревянными колоннами, съ садомъ. Домъ попался ему удивительный. На дворѣ въ морозномъ пару краснѣло солнце — въ домѣ было тепло. На дворѣ палилъ лѣтній зной — въ домѣ было прохладно и смѣшивался съ прохладой мирный запахъ нафталина. Лѣтомъ часовъ съ десяти до трехъ пекло какъ разъ ту сторону, на которой стоялъ домъ; но спасали зимнія рамы — онѣ никогда не вынимались. Весь домъ дрожалъ и гудѣлъ, звеня люстрой и лампами, когда вскачь неслись съ вокзала и на вокзалъ извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала всѣ крыши, всѣ стѣны и окна на Песчаной улицѣ. Но Селиховъ на улицу никогда не выходилъ. Бродя по комнатамъ, онъ обдумывалъ и все измѣнялъ завѣщаніе. Александра же Васильевна сидѣла въ своей спальнѣ окнами во дворъ и вязала чулокъ. Она думала о прошломъ, о будущемъ, порою привычно, не бросая работы, плакала. Подъ мѣрный стукъ часовъ мужъ мѣрно ходилъ изъ комнаты въ комнату, равнодушно поджидая закладчиковъ, то слезливыхъ, то не въ мѣру развязныхъ, и съ загадочной усмѣшкой поглядывалъ въ кабинетъ, на желѣзный несгораемый шкапъ, окованный стальною рѣшеткою, съ большими

желѣзными шишками на скрѣпахъ, похожими на большіе глаза. Но порою наступала полная тишина: онъ останавливалъ часы, садился за громадное старинное бюро — и слышался въ домѣ только неторопливый и прилежный скрипъ гусинаго пера... Но что писалъ Селиховъ? Что готовилъ онъ ей подъ старость?

Она знала только, что ему ничего не стоило обречь ее на нищету, на позоръ передъ цѣлымъ городомъ, лишить ее не только денегъ, вещей, но и этого дома, своего угла. Онъ вѣдь не замѣчалъ, не видѣлъ ее. Онъ сперва на «ты», а потомъ и совсѣмъ запретилъ ей разговаривать съ нимъ. При гостяхъ онъ былъ иной: со всѣми любезенъ, шутливъ, мѣтокъ на слово, милъ и сдержанъ даже въ карточныхъ спорахъ. Но гости — два-три человѣка и все одни и тѣ же: помощникъ исправника, податной инспекторъ и нотаріусъ Вишневскій — бывали не больше двухъ-трехъ разъ въ году.

IV.

О. Киръ пилъ. Вѣчный хмель свой онъ оправдывалъ своимъ умомъ и тѣмъ, что живетъ онъ въ Стрѣлецкѣ, въ этомъ полустепномъ городишкѣ, гдѣ только возлѣ неуклюжаго собора и базарной площади бѣлѣютъ

каменные дома хлѣботорговцевъ, а по окраинамъ — просторъ, безлюдье и нищета.

Высокій, дородный, онъ похожъ былъ на боярина; долго былъ силенъ и красивъ. Въ женской прогимназіи, гдѣ онъ преподавалъ, въ него влюблялись самыя восторженныя дѣвушки, тѣ, полныя, волоокія, до времени развившіяся, у которыхъ бываютъ такіе чудесные пепельные волосы, такой нѣжный цвѣтъ лица и такой горячій румянецъ застѣнчивости: не могли онѣ спокойно видѣть его черныхъ соколиныхъ глазъ, его синихъ кудрей, свободно лежавшихъ по плечамъ, осыпаннымъ перхотью, по коричневому подряснику, сладко пропахнувшему ладаномъ и табачнымъ дымомъ. Портили его только легкія опухоли возлѣ носа и зубы, коричневые отъ неумѣреннаго куренія.

Всегда и всѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній, онъ говорилъ «ты»: вѣдь были-же пастыри, говорившіе такъ вельможамъ и князьямъ, даже царю самому. Они поучали, наставляли ихъ сурово, порою обрывали ихъ:

— Благослови, пастухъ, — сказалъ какъ-то одинъ вельможа одному такому пастырю.

— Благословляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, самую глупую овцу стада моего, — отвѣтствовалъ пастырь.

Съ купцами о. Киръ былъ грубъ, съ началь-

никами скоръ и находчивъ на рѣзкое слово, съ вольнодумцами кратокъ и безпощадно логиченъ. Въ Стрѣлецкѣ рѣдко попадали въ руки адресатовъ цвѣтныя открытки. Но, о. Киръ исправно получалъ даже самыя красивыя, съ видами Кавказа и Крыма — отъ племянника, молодого, но уже виднаго чиновника при губернаторѣ: о. Киръ пригрозилъ почтмейстеру лишеніемъ мѣста за пропажу хотя-бы одного письма къ нему. И весь городъ говорилъ объ этомъ съ восхищеніемъ. Весь городъ восторгался о. Киромъ, какъ человѣкомъ необыкновеннаго ума и рѣдкой учености. За великую честь считали принять и угостить его. Но приглашенія о. Киръ принималъ разборчиво, въ свой-же домъ никого не пускалъ.

Домъ его, длинный и невысокій, по кирпичу бѣленый мѣломъ, былъ далеко виденъ по широкой улицѣ. Нигдѣ не росло ни единаго деревца — развѣ какая-нибудь кривая яблонька на мѣщанскомъ пустырѣ. Но за желѣзной крышей протоіерейскаго дома пыльно и блѣдно зеленѣли верхушки молодыхъ тополей. Вездѣ входомъ служили калитки. У о. Кира былъ подъѣздъ, къ которому, впрочемъ, никто не подъѣзжалъ, а на двери блестѣла мѣдная дощечка: «Киръ Іорданскій».

Вѣчно заперты были ворота о. Кира, под-

воротня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда пріѣзжалъ водовозъ, старичокъ въ кумачной рубахѣ. Только онъ одинъ могъ свободно вывѣдывать о домашней жизни о. Кира у плечистой стряпухи въ сапогахъ, когда она подставляла подъ бочку ушатъ, а онъ пускалъ въ него толстую струю воды. Только къ водовозу былъ снисходителенъ о. Киръ. Онъ шутилъ надъ нимъ, шутками отвѣчалъ ему и водовозъ: это былъ удивительный человѣкъ — онъ никого не боялся, ни о чемъ не тужилъ, доволенъ былъ рѣшительно всѣмъ.

— Желудь! — громко и строго кричалъ о. Киръ, выходя на крыльцо.

— Аюшки? — беззаботно отзывался старичокъ, подъѣхавшій на бочкѣ къ воротамъ и съ трудомъ, согнувшись въ три погибели, поднимавшій тесину.

— Опять не полную привезъ?

— Опять.

— Смотри: отколочу!

— И то не плохо! Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ...

Но однажды, узнавъ, что Желудь привезъ бочку воды и Селихову, о. Киръ и Желудя лишилъ своего благоволенія, навсегда прогналъ его со двора долой.

V.

Зимой на Песчаной улицѣ было много снѣгу, было сѣро и пустынно, весной — солнечно, весело, особенно при взглядѣ на бѣлую стѣну протоіерейскаго дома, на чистыя стекла, на сѣро-зеленыя верхушки тополей въ голубомъ небѣ. Лѣтомъ было очень жарко. Отъ пыли небо и солнце тускло серебрились. Въ полдень вскачь неслись извозчики, поспѣшая къ вокзалу, стоявшему за городомъ подъ горой. Въ часъ они медленно тянулись назадъ и везли пріѣзжихъ, чаще всего купцовъ съ ковровыми сумками, которыя и теперь еще называются сакъ-де-войяжами, а не то распространителей граммофоновъ, молодыхъ бритыхъ евреевъ въ англійскихъ картузахъ, съ англійскими трубочками въ зубахъ. Встрѣчаясь съ о. Киромъ, кажется, одни эти евреи глядѣли безъ страха, хотя онъ не терпѣлъ ихъ, особенно ихъ языка: онъ однажды, на вокзалѣ, запретилъ евреямъ разговаривать на своемъ языкѣ, сказавъ:

— Здѣсь вамъ не синагога.

Дородный и строгій, проходилъ онъ по Песчаной улицѣ, въ коричневомъ подрясникѣ, въ палевой соломенной шляпѣ, поглаживая кончиками пальцевъ наперсный крестъ, — и всѣ боялись его. Подъ заборомъ сапожника

когда-то по цѣлымъ днямъ играли въ лодыжки мѣщанскіе подростки; тамъ, бывало, стучали въ заборъ свинчатки и раздавались крики: «Плоца! Жогъ! Ника!». Подростки эти были лодыри дерзкіе. Но отъ протоіерея они ушли играть подальше — къ хибаркамъ на спускѣ къ вокзалу. Бѣгали ватагой мальчишки — запускали въ небо змѣя, постоянно цѣплявшагося за струны телеграфныхъ столбовъ и оставлявшаго на нихъ свой мочальный хвостъ. Но, завидя о. Кира, они разсыпались, куда попало. Пробиралась по тѣневой сторонѣ, по ухабистому тротуару, мимо воротъ и окошечекъ съ цвѣтами, какая-нибудь старуха, настолько переломленная, склоненная къ землѣ, что было удивительно, какъ можетъ итти этотъ прямой уголъ. Но совсѣмъ не изъ-за тѣни, жидкой и короткой, пробиралась она тамъ, а лишь-бы не попасть на глаза о. Киру: онъ не любилъ старухъ, этихъ страстныхъ поклонницъ юродиваго Яши, обитавшаго въ старой часовнѣ надъ склепомъ въ кладбищенской рощѣ, онъ ненавидѣлъ человѣческое безобразіе. Загорѣлый мѣщанинъ, потѣвшій въ черномъ картузѣ и толстой чуйкѣ, шелъ по срединѣ улицы какъ будто вольно, заложивъ руки назадъ: что-жъ ему, онъ вѣдь не здѣшній, онъ шелъ съ вокзала. Но поплевывалъ онъ мысленно, увидавъ о. Кира, а порою съ

рѣшимостью отчаянія вдругъ обнажалъ голову и быстро направлялся къ нему. Въ лѣвой рукѣ о. Кира была высокая палка съ серебрянымъ набалдачникомъ. Правой, пріостановясь, онъ благословлялъ — широко и властно. А благословивъ, совалъ къ губамъ, покорно искавшимъ ее.

— Откуда? — громко спрашивалъ онъ.

— Липецкій, — бормоталъ мѣщанинъ.

— Надѣнь картузъ. Какъ у васъ нынче сады?

— Цвѣли дивно, ваше преподобіе, но вѣтеръ, Господь съ нимъ... Всю завязь обилъ.

— Садоводы, а безтолочь. Не знаете своего дѣла. Ну, ступай съ Богомъ...

Не терпѣлъ отецъ Киръ и бродягъ, безпаспортныхъ, пришлыхъ людей. Песчанная улица была не избалована зрѣлищами. Однажды, когда появился на ней сербъ съ бубномъ и обезьяной, несмѣтное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое, рябое лицо, синеватые бѣлки дикихъ глазъ, серебряная серьга въ ухѣ, пестрый платочекъ на тонкой шеѣ, рваное пальто съ чужого плеча и женскіе башмаки, на худыхъ ногахъ, тѣ ужасные башмаки, что даже въ Стрѣлецкѣ валяются на пустыряхъ. Стуча въ бубенъ, онъ тоскливо-страстно пѣлъ то, что поютъ всѣ они съ поконъ вѣку, — о родинѣ. Онъ, думая о ней,

далекой, знойной, разсказывалъ Стрѣлецку, что есть гдѣ-то сѣрыя каменистыя горы, козы и оливы, синее море, бѣлый пароходъ...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младенецъ, звѣрь съ человѣческими печальными глазами, глубоко запавшими подъ вогнутымъ лобикомъ, подъ высоко поднятыми облѣзлыми бровями. Только до половины покрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые въ розовыхъ полоскахъ подштаники, изъ которыхъ смѣшно торчали маленькія черныя ножки и тугой голый хвостъ. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрѣлецку, привычно скакала, подкидывала задъ подъ пѣсни, подъ удары въ бубенъ, а сама все хватала съ тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала ихъ, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Лохматый сапожникъ, прибѣжавшій позднѣе всѣхъ, крикнулъ, что надо бить и обезьяну и серба, что этотъ сербъ — непремѣнно воръ. Всѣ подхватили его слова, зашумѣли. Но показался вдали о. Киръ. И улица мгновенно опустѣла: всѣ скрылись по калиткамъ. Онъ-же, приблизясь къ сербу, запретилъ ему ходить по улицамъ Стрѣлецка. Онъ строго и

кратко приказалъ ему уйти вонъ изъ города, постараться добраться до родины, исправиться и заняться честнымъ трудомъ.

VI.

Александрѣ Васильевнѣ порою казалось, что была въ ея жизни большая любовь: что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велѣла итти разными дорогами съ любимымъ и искать отрады лишь въ покорности. Но, можетъ, не о. Кира любила она, а только свою дѣвичью косу, свой мордовскій нарядъ, свою недолгую беззаботность въ то, далекое лѣто? Нечѣмъ было питаться ея любви къ о. Киру! О. Киръ служилъ въ соборѣ; но она никогда не бывала тамъ, ходила въ Никольскую церковь, — Селиховъ запретилъ ходить въ соборъ. Не будь о. Киръ священникомъ, могла-бы она мечтать о тайной грѣховной связи съ нимъ; но Богу предстоялъ онъ, тайны рожденія, брака, причастія и смерти были въ его рукахъ. И страшныя слова слышала однажды Александра Васильевна: уже больной, мрачный, во хмелю, встрѣтился о. Киръ съ Селиховымъ возлѣ его дома и сказалъ, грозя посохомъ:

— Селиховъ! Помни часъ, его-же не минуетъ

ни единое дыханіе: это я, — слышишь-ли, Селиховъ? — я, облеченный въ трауръ, въ оный день воздамъ тебѣ послѣднее земное цѣлованіе, окружу тебя кадильнымъ дымомъ и осыплю лицо твое могильной перстью.

— Кто знаетъ, отецъ Киръ, — отвѣтилъ ему Селиховъ съ усмѣшкой. — Кто знаетъ, не придется-ли *мнѣ* стоять у возглавія вашего? Не забывайте, что вы пьяница, отецъ Киръ.

Тѣмъ и кончился ихъ первый и послѣдній споръ. Но каково было Александрѣ Васильевнѣ — быть между ними, всю жизнь состязавшимися о первенствѣ, уступающими другъ другу только къ могилѣ дорогу! Одна мечта, одна дума оставалась у нея — о домѣ.

Имѣть домъ, свой, собственный, гдѣ-бы-то ни было, хотя-бы къ слободѣ, на буеракахъ, и какой угодно, — это было завѣтнѣйшее желаніе каждаго чиновника, каждаго мѣщанина, каждаго сапожника въ Стрѣлецкѣ. И всѣ имѣли дома, и всѣ переводили ихъ на женъ: чуть не весь Стрѣлецкъ принадлежалъ женщинамъ. Одна Александра Васильевна лила слезы безплодно.

Всѣ сосѣди говорили: «мой домъ», «у меня въ домѣ». Одна она дѣлала видъ, что не нуждается домомъ. А сколько разъ, придя отъ обѣдни, усталая, съ потомъ въ складкахъ горла, начинала она стучать въ полъ зонти-

комъ и, рыдая, требовать, чтобы отдали хоть приданное ея! Сколько разъ говорила она, что вѣдь выгонятъ ее вонъ изъ дому родные Селихова, только умри онъ!

— Не безпокойся, — отвѣчалъ ей Селиховъ. — Ты раньше меня умрешь. Не забывай, что у тебя грудная жаба.

Онъ становился все страннѣе. Онъ иногда по часамъ смотрѣлся въ зеркало, удивленно, испуганно исказивъ брови; дня по два не притрогивался ни къ одному кушанію ни за обѣдомъ ни за ужиномъ, говоря, что все пахнетъ тѣломъ. Онъ купилъ граммофонъ — и никогда не заводилъ его. Но однажды, когда Александра Васильевна воротилась отъ всенощной раньше времени, не достоявъ, по слабости, службы, и вошла въ домъ съ чернаго хода, услыхала она крикливые, плясовые звуки. А заглянувъ въ залу, обомлѣла отъ страха: Селиховъ, легкій, старенькій, одинъ во всемъ полутемномъ домѣ, дико вскидывалъ ноги передъ трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: «Ай, ай, караулъ, батюшки мои, разбой!..»

Только одна яблоня въ саду, возлѣ бесѣдки, знала, какъ много пролито слезъ старыми глазами Александры Васильевны, какъ тряслась болѣвшая отъ слезъ голова, какъ прикладывались къ темени мокрыя полотенца!

А надъ калиткой селиховскаго дома все не мѣнялась надпись: «Сей домъ принадлежитъ Петру Семеновичу Селихову. Свободенъ отъ постоя».

VII.

Однимъ изъ тѣхъ, что когда-то, томясь любовью, ходили за Александрой Васильевной въ городской садъ, былъ и Горизонтовъ. Теперь, почти тридцать лѣтъ проживъ въ губернскомъ городѣ, выслуживъ пенсію, возвратился и онъ въ Стрѣлецкъ, а возвратясь, сталъ извѣстенъ Стрѣлецку не менѣе, чѣмъ о. Киръ и Селиховъ.

Горизонтовъ кончилъ семинарію, кончилъ академію. Въ молодости онъ обладалъ сверхестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Голосъ у него былъ такой, что, напѣвая свое любимое: «Et tonat, et sonat, et pluvium coelum dat...» — онъ потрясалъ, какъ говорится, стекла. Великъ ростомъ и широкъ въ кости онъ былъ настолько, что на улицахъ въ изумленіи останавливались при встрѣчѣ съ нимъ прохожіе. Далеко могъ-бы пойти этотъ человѣкъ! Но избралъ онъ путь скромный — учительство, а, пройдя его, воротился на родину и сталъ сказкой города: поражалъ городъ своей внѣшностью,

своимъ аппетитомъ, своимъ желѣзнымъ постоянствомъ въ привычкахъ, своимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ и — своей философіей.

Онъ ходилъ въ крылаткѣ, въ широкополой шляпѣ, въ широконосыхъ кожаныхъ, или, вѣрнѣе, чугунныхъ калошахъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и громаднымъ парусиновымъ зонтомъ въ другой. Къ старости онъ еще болѣе раздался въ кости, сталъ еще болѣе великъ, сутулъ, неуклюжъ — и былъ прозванъ въ Стрѣлецкѣ Мандриллой. Вся купальня дивилась на него, когда въ первый разъ появился онъ въ ней. Медленно вошелъ онъ, подъ зонтомъ, въ калошахъ, насупивъ свои сѣрыя брови и слегка согнувшись, какъ-бы напруживая свои и безъ того страшныя плечи, свои руки, подобныя дубовымъ корнямъ. Старомодно со всѣми раскланявшись, внушительно-серьезный и спокойный, онъ сталъ раздѣваться — и всѣ ахали, видя, какъ обнажается его сизо-сѣрое тѣло, его чудовищныя ступни, безобразно искривленные, лежащіе другъ на другѣ пальцы и ногти ихъ, похожіе на раковины. А онъ хоть-бы глазомъ моргнулъ — не спѣша раздѣлся, не спѣша окунулся ровно пятнадцать разъ... Съ тѣхъ поръ его видѣли въ купальнѣ каждый день. Каждый день вплоть до Покрова купался онъ. Уже дулъ осенній вѣ-

теръ въ щели пустой купальни, тучи висѣли за рѣчкой надъ полями, оловянная рябь шла по водѣ; а Горизонтовъ купался. Бѣлѣлъ снѣгъ по берегамъ, по блѣдной синевѣ тучъ тянулись на югъ послѣдніе гуси; но, какъ только било на соборѣ часъ, съ косогора, тяжело опираясь на костыль, спускался къ рѣчкѣ сутулый гигантъ въ сѣрой крылаткѣ.

Ѣлъ онъ за десятерыхъ. Квартирныя хозяйки изъ себя выходили, отказывали ему. Но вѣдь онъ предупреждалъ! Твердо отчеканивая слоги, уговаривался онъ:

— Супъ, борщъ, лапшу прошу подавать мнѣ не въ тарелочкахъ: предпочитаю въ мисочкахъ. Живность — штучно, а не кусочками. Жаркое обязательно съ картофелемъ, съ овощами. Кашу гречневую, равно какъ и пшенную — чугунчиками...

— Мандрилла, мандрилла! — орали мальчишки, стаями гоняясь за нимъ по Стрѣлецку. Но онъ даже не удостаивалъ ихъ взглядомъ, онъ шелъ такъ-же мѣрно, какъ изо дня въ день входилъ, бывало, въ буйный классъ, чтобы начать своей неизмѣнной фразой:

— Итакъ, повторимъ сначала предыдущее. Вспомнимъ, что именно предпринялъ Цезаръ, узнавъ отъ лазутчиковъ о грозящей ему опасности со стороны непріятеля...

А философія его заключалась въ томъ, что

всѣ силы каждаго человѣка должны быть направлены исключительно на продленіе жизни, для чего и потребно: полное воздержаніе отъ сношеній съ женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствіе во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, самое точное выполненіе своихъ разумныхъ, продуманныхъ привычекъ и строжайшій уходъ за своимъ тѣломъ — прежде всего въ смыслѣ питанія его и освѣженія водою.

— Nullus enim locus sine genio est! — насмѣшливо сказалъ однажды больной и сумрачный о. Киръ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ. — Давно слышу я, Горизонтовъ, о причудахъ твоихъ. Отвѣть мнѣ: юродъ ты или мудрецъ? Зачѣмъ живешь ты на свѣтѣ, уподобляясь тѣмъ, которые жили во времена зоологическія, на первыхъ ступеняхъ развитія?

Горизонтовъ, держа надъ головой зонтъ и опираясь на костыль, долго думалъ, глядя въ землю и насупя свои ежомъ торчащія, сѣрыя брови.

— Но скажите и вы мнѣ, отецъ Киръ, — отвѣтилъ онъ наконецъ: — зачѣмъ *вы* живете?

— Я тебя не о цѣли жизни спрашиваю, — сказалъ о. Киръ. — Я тебя спрашиваю о ея образѣ.

— Но вѣдь образъ соотвѣтствуетъ цѣли?

— Ага! Цѣли! Ну, допустимъ. Въ чемъ-же заключается твоя цѣль?

— Въ долголѣтіи и наслажденіи имъ.

— Но наслаждаешься-ли ты?

— По мѣрѣ силъ и возможностей. Крѣпко и заботливо держу въ своихъ рукахъ драгоцѣнную чашу жизни.

— Чашу жизни? — строго перебилъ с. Киръ и широко повелъ рукой по воздуху. — Жизни здѣсь? На этой улицѣ? Я не могу спокойно говорить съ тобой! Ты достоинъ своей позорной клички!

— Въ землѣ не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго, — отвѣтилъ Горизонтовъ и медленно двинулся по улицѣ, опираясь на костыль.

VIII.

И вотъ смолкли наконецъ шаги въ пустыхъ комнатахъ селиховскаго дома. На тридцать первомъ году замужества Александры Васильевны, великопостнымъ вечеромъ, вытащили изъ толпы, наполнявшей Никольскую церковь, бѣлаго, какъ мѣлъ, старичка, хорошо и чисто одѣтаго, въ крахмальной рубашкѣ съ отложнымъ тугимъ воротомъ, въ дорогой шубѣ, въ дорогихъ золотыхъ часахъ. Черезъ два дня его уже отпѣвали.

Была пятница, базарный день, началась весна, —мука была извозчикамъ нырять на колесахъ по ухабамъ грязныхъ улицъ, мука мужикамъ тащиться на розвальняхъ по базару, по мокрому навозу! Трудно было и Александрѣ Васильевнѣ итти за гробомъ до собора: ее подъ руки вели дальніе родственники Селихова, — лысый, остроглазый человѣчекъ въ николаевской шинели, у котораго вѣтеръ все заворачивалъ ленту крашеныхъ волосъ, вкось отъ затылка положенную на лысину, и его жена, женщина въ траурѣ, высокая и сильная, никогда не терявшая присутствія духа. Воздухъ былъ сырой, острый. И Александра Васильевна была пьяна и отъ воздуха и отъ слезъ. Поставили у дверей парчевую, желтую съ бѣлымъ крестомъ крышку гроба, внесли покойника въ зимній придѣлъ, теплый, низкій, старинный, со многими сводами... Какими радостными рыданіями гремѣлъ подъ ними громогласный хоръ! Какъ зловѣще возносилъ руку толстоплечій дьяконъ, возглашая о упокоеніи новопреставленнаго! Какъ смиренно, подъ рыданія хора, поклонялся усопшему обступившій его траурный синклитъ іереевъ въ скуфьяхъ и камилавкахъ, и какъ тяжело, сотрясая полъ своею тяжестью, ходилъ вокругъ гроба и кадилъ на блестящій носъ, на риссвое лицо пьяный и торжественно-мрачный, исполнявшій

свое предсказаніе о. Киръ! Но, Боже, что сталось и съ нимъ за послѣдній годъ! Уже не страшны были его возгласы, его кажденіе и поклоны, которыми провожалъ онъ изъ этого бреннаго міра того, съ кѣмъ столкнула его судьба на порогѣ жизни. Страшенъ былъ самъ онъ, его ноги, раздутыя водянкой, его животъ, выпиравшій подъ ризой, его отекшее, почернѣвшее лицо, остеклѣвшіе глаза, посѣдѣвшіе, ставшіе прямыми и масляными волосы, трясущіяся руки... Все нѣжнѣе и страстнѣе взглядывала на покойника, — какъ-бы не видя о. Кира, — изнемогавшая отъ слезъ Александра Васильевна, и все суровѣе отводилъ отъ нея глаза о. Киръ. А когда ударила по сердцамъ скорбно ликующая пѣснь о жизни вѣчной, идѣ-же нѣсть печали и воздыханія, Александра Васильевна вскрикнула и потеряла сознаніе.

Ее понесли на паперть, на воздухъ. И Горизонтовъ, стоявшій у входа, среди нищихъ старухъ, вѣжливо посторонился — и опять загудѣлъ, подтягивая хору и оглядывая низкіе своды, расписанные крестами и шестикрылыми серафимами.

IX.

Въ большихъ, ветхихъ сѣняхъ съ тремя ступеньками и тремя выгорѣвшими на солнцѣ окнами перестала дергаться ржавая проволока, пересталъ длинькать подъ руками закладчиковъ разбитый звонокъ. Теперь свободно могла ходить Александра Васильевна по большимъ пустымъ комнатамъ среди мебели въ чехлахъ, столиковъ, комодовъ съ инкрустаціей. Теперь все это было ея: и комнаты, и мебель, и драгоцѣнныя вещи на желѣзныхъ красныхъ полочкахъ въ глазастомъ несгораемомъ шкапу, и дворъ, и корова въ сараѣ, и садъ, и завалившійся заборъ сада: въ двадцать первый разъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти переписанное завѣщаніе сдѣлало ее полной хозяйкой всего этого, къ великому ея удивленію и даже растерянности. Всѣ въ городѣ говорили, что вотъ можетъ она пожить наконецъ въ свое полное удовольствіе. А она была сбита съ толку, жизнь для нея стала прѣсна, какъ та просфора, которую съ усталымъ лицомъ ѣла она за чаемъ, воротясь отъ обѣдни...

На Святой, на ѳоминой по цѣлымъ днямъ трезвонили колокола надъ городомъ — и казалось, что стоитъ этотъ трезвонъ въ честь ея новой жизни, ея первой радостной весны. А вкуса къ жизни уже не было! Она обходила

комнаты, и порой жалостная улыбка довольства морщила ей губы. Но дрожала голова, дрожали руки — что ей было дѣлать съ этими комнатами? Приходила кухарка. Александра Васильевна была ласкова съ ней — и не знала, что заказать на обѣдъ, на ужинъ. Почти каждый день она бывала въ Никольской церкви — и всегда ужасно утомлялась. Была она полна при низкомъ ростѣ, съ жидкими пепельно-сѣдыми волосами и грустнымъ взглядомъ безцвѣтныхъ, слизистыхъ глазъ. Дома она носила темное старушечье платье, старушечьи туфли. Къ обѣднѣ собиралась долго и выходила съ зонтикомъ, въ крохотной шляпѣ на макушкѣ, въ черномъ бурнусѣ со стекляруссомъ. Все слеза набѣгала на ея лѣвый глазъ, и все подтирала она ее за обѣдней батистовымъ платочкомъ, устало глядя на иконы надъ царскими вратами. Ноги ныли, въ церкви было жарко, душно, многолюдно. Горячо пылали свѣчи, горячо лился солнечный свѣтъ на толпу изъ купола. Страшно заносилъ руку дьяконъ, поднимая толстыя плечи и готовясь оглушить многолѣтіемъ царствующему дому и святѣйшему правительствующему синоду. Но какое лѣло было ей до синода? Съ тоской чувствовала она, что не о чемъ стало ей молиться. Только о царствѣ небесномъ развѣ? Да, но какія пра-

ва были у нея на него? Что она такое сдѣлала? За что было награждать ее?

Однажды въ апрѣльскій день она пошла въ кладбищенскую рощу — хотѣла просто погулять, развлечься, вспомнить прежнее, молодое время, а сказала кухаркѣ, что хочетъ посмотрѣть могилу мужа. Было тепло, легко, все радовало — и воздухъ, и небо, и бѣлыя облака, и весенній просторъ. Но сколько разъ останавливалась она на зеленомъ выгонѣ, поднимаясь на отлогій изволокъ къ рощѣ и смотря на городъ, на его крыши и колокольни, на овраги, на сѣро-зеленый дымокъ одѣвающихся лозинъ и мѣщанскія избушки по оврагамъ! А въ рощѣ еще голой, зазеленѣвшей только снизу, было еще очень сыро, въ проходахъ между могильными памятниками стояла жидкая грязь. Хорошо, пріятно, молодо, но все-таки черезчуръ буйно шумѣли грачи, въ несмѣтномъ количествѣ наполнявшіе вершины старыхъ деревьевъ. Нужно было проходить мимо розовой часовни надъ склепомъ купца Ершова, гдѣ сидѣлъ Яша, а онъ могъ высунуться изъ окошечка и крикнуть что-нибудь иносказательное, зловѣщее... И, спотыкаясь, горбясь, придерживая спереди подолъ, Александра Васильевна спѣшила, спѣшила мелкими шажками пройти дальше — и сама не замѣтила, какъ пришла къ могилѣ мужа! Вовсе

не желала она того, шла за другимъ, а пришла. И, усталая, опустилась на ближній могильный камень, тупо глядя на еще неоправленную могилу Селихова — длинную, бурую кучу суглинка, похожую на простую муравьиную кучу... Все сложилось не такъ, какъ мечталось, не было ни думъ, ни воспоминаній. Было только чувство пріятной усталости и весенней нѣжности къ кому-то — не то къ себѣ, не то къ о. Киру, не то къ Селихову... Да, да, и къ нему!

А когда она возвращалась домой, думая только одно: дай Богъ встрѣтить извозчика! — Яша таки-подстерегъ ее. Изъ часовни выходили и крестились бабы и мѣщане, нѣкоторые со слезами. И вдругъ выскочилъ на порогъ самъ Яша. Онъ былъ небольшой, тощій, — ему было уже лѣтъ восемьдесятъ, — въ длинномъ халатикѣ, подпоясанномъ веревкой, въ алой бархатной шапочкѣ, надѣтой набекрень. Усы, бородку онъ выстригалъ — они торчали у него колючими, сѣрыми пучками возлѣ глубоко запавшихъ пепельныхъ губокъ. Глазки у него были хитрые-прехитрые. Поглядѣвъ на Александру Васильевну, онъ сдѣлалъ изъ руки щитокъ надъ глазами и быстро засѣменилъ къ ней.

— Радуйся, Афродита розоперстая! — закричалъ онъ старчески- дѣтскимъ голосомъ.

И, подбѣжавъ, поплевалъ и сунулъ ей въ ру-

ку, — какъ бы украдкой и надѣясь обрадовать, — четыре щепочки, связанныя лычкомъ.

Александра Васильевна разсердилась, что онъ испугалъ ее, и, оттолкнувъ его руку, почти побѣжала отъ него. А потомъ долго думала: что значатъ — эта Афродита и эти четыре щепочки? И почему онѣ связаны?

Часто въ эти апрѣльскіе дни она горевала, что Богъ лишилъ ее дѣтей, думала, какъ-бы, если-бы у нея былъ мальчикъ, назвала она его; не разъ переглядывала портреты въ вѣнчальной шкатулкѣ. Странно было видѣть дѣвушку въ мордовскомъ костюмѣ, съ невиннымъ, дѣтски-милымъ взглядомъ, кокетливо облокотившуюся на какую-то, будто бы крестьянскую изгородь, и крѣпкаго, плечистаго семинариста, съ густой шевелюрой надъ большимъ лбомъ, съ такими мрачными и все-таки лучистыми глазами, съ такимъ упрямымъ, даже злымъ выраженіемъ стиснутыхъ скулъ и такимъ нѣжнымъ очеркомъ пухлыхъ губъ! Былъ и портретъ Селихова. Онъ снимался съ какими-то молодыми чиновниками. Они кружкомъ, въ дѣланно-непринужденныхъ позахъ расположились на креслахъ, а онъ, — тоже молоденькій, щеголеватый, — зачѣмъ-то сѣлъ у ихъ ногъ на полу.

Разъ она встрѣтила возлѣ городского сада

Горизонтова и слабо окрикнула его. Тотъ вѣжливо раскланялся, но не отвѣтилъ. Она долго съ робостью и удивленіемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

X.

На сороковой день никольскій причтъ служилъ панихиду въ селиховскомъ домѣ. Повисъ въ комнатахъ густой запахъ ладана, и велѣла Александра Васильевна, боясь, что у нея разболится голова отъ этого запаха, подать самоваръ подъ свою любимую яблоню въ саду. Былъ майскій день, зеленѣлъ садъ, кипѣлъ расчищенный самоваръ, бѣлѣла скатерть, блестѣла посуда, бодро велъ житейскую бесѣду веселый, съ большими ноздрями, никольскій священникъ, здоровый мужчина съ широкой тугой поясницей, въ широкомъ, вышитомъ розанами поясѣ по серебристому подряснику. Отвѣчая ему, слабо улыбалась и наливала чай Александра Васильевна. Но передвигалась жидкая тѣнь яблони, пекло горячее солнце темя Александры Васильевны, — и вдругъ отнялись ея руки, ноги, поплыла красная муть передъ глазами... Когда, распахнувъ всѣ двери, внесли ее въ гостиную и положили на диванъ, она все ползла съ него, цѣплялась пухлой рукой за

золотую бахрому тяжелой старинной скатерти и, захлебываясь, стонала, силясь что-то выговорить. Но отваливалась челюсть, языкъ не ворочался, въ безсмысленныхъ, безцвѣтныхъ глазахъ стояли свѣтлыя слезинки...

Однако напрасно качали надъ ней головами — ударъ былъ легкій. Видно, была еще какая-то капля меда въ чашѣ ея жизни, какъ сказалъ-бы Горизонтовъ. Еще жаждало старое сердце этой капли, — и Александра Васильевна стала поправляться. Сладко утѣшаясь возврату жизни, лежа въ постели, она застѣнчиво разсказывала кухаркѣ, что подъ сороковой день всю свѣтлую майскую ночь кричала она, — чувствовала, что кричитъ, и никакъ не могла очнуться, подавленная страннымъ сномъ: вошли будто въ ея спальню два молодыхъ монаха, стали раздѣвать ее, а она отбивалась, противилась — и такъ радостно, страшно и стыдно ей было, какъ никогда въ жизни не было. Монахи одолѣли, раздѣли ее догола, положили на полъ, и она уже не могла двинуться и все только кричала — отъ стыда, страха и радости... И когда разсказывала Александра Васильевна, не выходила изъ ея души нѣжность къ о. Киру. Казалось ей, что съ восторгомъ отдала-бы она эту снова обрѣтенную жизнь за одинъ только взглядъ на него, больного,

одинокаго, за одно только свиданіе съ нимъ — послѣднее... Нѣтъ, не возгласы его, не кажденіе, не поклоны усопшему врагу страшны были тогда, въ соборѣ. Страшно было глядѣть на нихъ на обоихъ, страшно было вспоминать ту радость, тотъ страхъ, ту любовь, что когда-то горячей краской заливали дѣвичье лицо, чувствовать, какъ доходитъ до сердца эта далекая, еще не истлѣвшая любовь — и въ одно сливаетъ и того, кого любила она, и того, съ кѣмъ, нелюбимымъ, — а все-таки когда-то носившимъ ея зонтикъ и накидку! — прожила она всю жизнь, кто такъ нѣжно сказалъ ей когда-то, прижимая къ сердцу ея руку:

— Я желалъ-бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

XI.

Цѣлый мѣсяцъ она жила затаенной мечтой увидать о. Кира десятаго іюня: десятаго долженъ былъ пріѣхать въ Стрѣлецкъ одинъ очень важный человѣкъ, которому готовили торжественную встрѣчу, для котораго на перекресткахъ сооружали и бѣлили мѣломъ тріумфальныя арки, чтобы потомъ увить ихъ гирляндами зелени. Съ рыжей, худой модисткой

Александра Васильевна сходила въ магазинъ «Общая польза» и набрала шерстяной коричневой матеріи на новое платье. Разъ, когда примѣряли это платье, донеслось въ открытыя окна глухое громыханіе бубна, заунывное пѣніе, потомъ шумъ, крики. И модистка, и Александра Васильевна, въ кофтѣ съ однимъ рукавомъ, выскочили на крыльцо: по улицѣ бѣжалъ народъ, а возлѣ калитки о. Кира шумѣла толпа, и лохматый сапожникъ билъ бубномъ по головѣ кричавшаго серба, опять появившагося въ Стрѣлецкѣ... И Александра Васильевна горько заплакала: Боже мой, какъ, значитъ, ослабѣлъ о. Киръ!

А десятаго была страшная жара. Въ новомъ платьѣ, въ бурнусѣ, въ разноцвѣтныхъ перстняхъ на пальцахъ, Александра Васильевна поѣхала на извозчикѣ къ вокзалу. На этомъ-же извозчикѣ и привезъ ее обратно городовой — мертвой: ее задавили, замяли въ толпѣ.

На панихидахъ никто не плакалъ, кромѣ модистки, очень мало знавшей покойную. Опять пріѣхалъ лысый, остроглазый господинъ, въ домѣ всѣмъ распоряжалась его властная жена. Они привезли съ собой дѣтей — большеротую бойкую дѣвочку и реалиста, все затѣвавшихъ возню и бѣготню по дому. Покойница, подъ коленкоромъ, лежала на сто-

лѣ въ залѣ, и ея никто не боялся. Завѣсили зеркала въ знакъ печали. Строго, точно вразумляя неразумную, читала псалтырь рясофорная монахиня, родственница Александры Васильевны, нарочно пріѣхавшая изъ монастыря, изъ уѣзда, — толстая, свѣжая старуха въ очкахъ, съ большимъ бѣлымъ лицомъ, точно обрѣзаннымъ чернымъ головнымъ уборомъ. Но ни печали, ни строгости въ домѣ не было. Не унимались дѣти, беззаботно залетали мухи и шмели въ открытыя окна гостиной, за которыми сіялъ горячій день, въ которыя лился радостный свѣтъ.

Послѣ похоронъ домъ пустовалъ. Всю мебель вынесли изъ него и увезли на вокзалъ ломовые. Старухи закидали мокрымъ осиновымъ листомъ и вымыли полы, растворили всѣ двери, и вѣтеръ ходилъ по голымъ комнатамъ, которыя стали казаться темнѣе и меньше. Прилѣпили бѣлые билетики на тонкія старыя стекла — и нашелся постоялецъ, прожившійся дворянинъ Хитрово, пьяница съ висячими усами, въ котелкѣ и засаленной визиткѣ съ круглыми полами. Перебираясь на новую квартиру, онъ ѣхалъ на извозчикѣ и держалъ за ошейникъ черно-атласнаго гордона. Ломовой везъ два стула, кухонный столъ и огромный красный шкапъ — больше мебели у Хитрово не было. Занялъ дворянинъ

только одну комнату и окна завѣсилъ газетами. Противъ солнца газетные листы скоро выгорѣли, порыжѣли.

XII.

Былъ іюньскій вечеръ, накрапывалъ дождь. Шелъ поѣздъ по Стрѣлецкой желѣзной дорогѣ. Въ сѣромъ темнѣющемъ вагонѣ второго класса сидѣли разные господа и говорили — нѣкоторые о томъ, кто куда ѣдетъ, нѣкоторые о непорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и вообще о Россіи, о ея богатствахъ и некультурности. Вагонъ грохоталъ и раскачивался, а жерло вагоннаго вентилятора прерывисто гудѣло, и слышно было, какъ стрекочетъ въ немъ мелкій предвечерній дождь.

Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая рѣчка а за рѣчкой, на скатѣ полей — Стрѣлецкъ, желѣзныя и тесовыя крыши его низкихъ домовъ, колокольни, темная кладбищенская роща... По мосту поѣздъ пошелъ тише — мостъ весь визжалъ, нылъ и скрипѣлъ. Рѣчка была мутная, мелкая, городъ былъ запыленъ, казался очень бѣднымъ. Ярко заблестѣли сквозь дождь ранніе огни на станціи...

Постоявъ пятнадцать минутъ, снова тро-

нулись. Кондукторъ зажигалъ одна объ одну короткія свѣчи. Онѣ пылали ярко, но, попадая въ тусклые фонари, сразу меркли. Перезнакомившіеся пассажиры курили, располагались на ночь и оживленно бесѣдовали. Но вотъ отворилась дверь — и съ большимъ сакомъ въ одной рукѣ, съ парусиновымъ зонтомъ въ другой, вошелъ въ вагонъ Горизонтовъ, такой большой и неуклюжій, что многіе смолкли и уставились на него. Старомодно всѣмъ раскланявшись, онъ сѣлъ въ уголокъ на маленькій диванчикъ возлѣ двери.

Больше всѣхъ говорилъ, стоя у поднятой спинки дивана и отстегивая подъ жилетомъ подтяжки, щуплый господинъ въ очкахъ, человѣкъ, какъ можно было понять изъ его словъ, московскій, извѣстный Москвѣ и придерживающійся въ вопросахъ общественныхъ мнѣній крайнихъ. Онъ выпилъ на вокзалѣ въ Стрѣлецкѣ. Измятое его лицо было красно и возбужденно. Строго блестѣли его очки, энергично падали въ разныя стороны рога сальныхъ волосъ, энергично и рѣзко лилась рѣчь. Внимательно и удивленно оглядѣвъ новаго пассажира, онъ долго притворялся, что не думаетъ о немъ, и наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ:

— А вы далеко изволите ѣхать?

— А въ Москву, — не спѣша отвѣтилъ Го-

ризонтовъ, держа свои желѣзныя руки на зонтѣ, поставленномъ между колѣнъ.

Господинъ въ очкахъ подумалъ, оглядывая его.

— А жить, вѣроятно, изволите въ томъ городкѣ, который мы только-что проѣхали?

— Да, я изъ Стрѣлецка.

— И въ Москву, конечно, по дѣламъ?

— По дѣламъ, — сказалъ Горизонтовъ. — Веду переговоры съ анатомическимъ театромъ московскаго Императорскаго университета. Московскій Императорскій университетъ, получивъ отъ меня фотографическую карточку во весь ростъ и предложеніе купить послѣ смерти моей мой костякъ, отвѣтилъ мнѣ принципіальнымъ согласіемъ.

— Какъ? — съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ въ очкахъ. — Вы продаете собственный скелетъ?

— А почему-бы и нѣтъ? — сказалъ Горизонтовъ. — Разъ эта сдѣлка увеличиваетъ мое благосостояніе и не наноситъ мнѣ никакого ущерба...

— Но позвольте! — перебилъ господинъ въ очкахъ. — И вамъ не странно... да скажу даже — не жутко совершать подобную сдѣлку?

— Ничуть, — отвѣтилъ Горизонтовъ. — Надѣюсь, что московскому Императорскому

университету придется еще не скоро воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Надѣюсь, судя по тому запасу силъ, который есть во мнѣ, прожить не менѣе девяноста пяти лѣтъ.

Въ окнѣ, куда поглядывалъ онъ, отвѣчая, уже отражалась свѣча, горѣвшая въ вагонномъ фонарѣ, и, отражаясь, какъ-бы висѣла въ воздухѣ за окномъ. Проходили мимо косогоры въ зеленыхъ хлѣбахъ, низко висѣло надъ ними облачное небо. Гудѣло жерло вентилятора, говорили и смѣялись въ вагонѣ... А тамъ, въ Стрѣлецкѣ, на его темнѣющихъ улицахъ, было пусто и тихо. На лавочкѣ возлѣ хибарки сапожника сидѣлъ квартировавшій у него Желудь, гнутый старичокъ въ кумачной рубашкѣ, и напѣвалъ что-то беззаботное. Лежалъ въ своемъ темномъ домѣ уже давно невстающій съ постели, сѣдовласый, распухшій, съ заплывшими мрачными глазами о. Киръ. Дворянинъ Хитрово былъ трезвъ и осторожно ходилъ за своимъ гордономъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, по мокрымъ овсамъ возлѣ кладбищенскей рощи, выпугивая перепеловъ и наугадъ стрѣляя въ сумеречный воздухъ, въ мелкій дождь. Вѣчнымъ сномъ спали въ кладбищенской рощѣ Александра Васильевна и Селиховъ — рядомъ были бугры ихъ могилъ. А Яша работалъ въ своей часовнѣ надъ склепомъ купца Ершова. Отпу-

стивъ посѣтителей, весь день плакавшихъ передъ нимъ и цѣловавшихъ его руки, онъ зажегъ восковой огарокъ и освѣтилъ свой засаленный халатикъ, свою ермолку и заросшее сѣдой щетинкой личико, съ колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Онъ работалъ пристально: стоялъ онъ возлѣ стѣны, плевалъ на нее и затиралъ апельсинами, дарами своихъ поклонницъ.

1913 г.

БРАТЬЯ.

Взгляни на братьевъ, избивающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата.

Дорога изъ Коломбо вдоль океана идетъ въ густыхъ кокосовыхъ лѣсахъ. Справа, въ ихъ тѣнистой глубинѣ, испещренной солнечнымъ свѣтомъ, подъ высокимъ навѣсомъ перистыхъ метелокъ-верхушекъ, разбросаны сингалезскія хижины, полускрытыя блѣдно-зелеными лопастями банановъ, похожихъ на гигантскую кукурузу, такія низенькія по сравненію съ окружающимъ ихъ тропическимъ лѣсомъ. Слѣва, среди высокихъ и тонкихъ, въ разныя стороны и причудливо изогнутыхъ темнокольчатыхъ стволовъ, стелются глубокіе, шелковистые пески, блещетъ золотое, жаркое зеркало водной глади и стоятъ на ней, какъ-бы мѣшаются со стволами грубые паруса первобытныхъ пирогъ, утлыхъ сигароподобныхъ дубковъ. На пескахъ, въ райской наготѣ, валяются кофейныя тѣла черноволосыхъ подростковъ. Много этихъ тѣлъ плещется со смѣ-

хомъ, крикомъ и въ теплой прозрачной водѣ каменистаго прибрежья... Казалось-бы, зачѣмъ имъ, этимъ лѣснымъ людямъ, прямымъ наслѣдникамъ земли прародителей, какъ и теперь еще называютъ Цейлонъ, зачѣмъ имъ города, центы, рупіи? Развѣ не все даютъ имъ лѣсъ, океанъ, солнце? Однако, входя въ лѣта, одни изъ нихъ торгуютъ, другіе работаютъ на рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ, третьи — на сѣверѣ острова — ловятъ вмѣстѣ съ неграми жемчугъ, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда съ кровавыми глазами, четвертые замѣняютъ лошадей, — возятъ европейцевъ по городамъ и окрестностямъ ихъ, по темно-краснымъ тропинкамъ, осѣненнымъ громадными сводами лѣсной зелени, по тому «кабуку», изъ котораго и былъ созданъ Адамъ: лошади плохо переносятъ цейлонскій зной, — даже австралійскія, — всякій богатый резидентъ, который держитъ лошадь, отправляетъ ее на лѣто въ горы, въ Кэнди, въ Нурилью.

На лѣвую руку рикши, между плечемъ и локтемъ, англичане, нынѣшніе хозяева острова, надѣваютъ бляху съ номеромъ. Есть простые номера, есть особенные. Старику-сингалезу, рикшѣ, жившему въ одной изъ лѣсныхъ хижинъ подъ Коломбо, достался особенный, седьмой номеръ. «Зачѣмъ, — сказалъ-бы Возвышенный: — зачѣмъ, монахи, захотѣлъ

этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести?» — «Затѣмъ, — отвѣтили бы монахи: — затѣмъ, Возвышенный, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести, что былъ онъ движимъ земной любовью, тѣмъ, что отъ вѣка призываетъ всѣ существа къ существованію». Онъ имѣлъ жену, сына и много маленькихъ дѣтей, не боясь того, что «кто имѣетъ ихъ, тотъ имѣетъ и заботу о нихъ». Онъ былъ черенъ, очень худъ и невзраченъ, похожъ и на подростка и на женщину; посѣрѣли его длинные волосы, въ пучокъ собранные на затылкѣ и смазанные кокосовымъ масломъ, сморщилась кожа по всему тѣлу, или, лучше сказать, по костямъ; на бѣгу потъ ручьями лилъ съ его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокругъ жидкаго таза, узкая грудь дышала со свистомъ и хрипомъ; но, подкрѣпляя себя дурманомъ бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пѣну, пачкая усы и губы, бѣгалъ онъ быстро, и бѣлые, катавшіеся въ его черной, лакированной колясочкѣ по знойному городу, по темно-краснымъ, мягкимъ отъ солнца и пахнущимъ цвѣточнымъ перегноемъ и нефтью мостовымъ, были довольны.

Движимый любовью, онъ не для себя, а для семьи, для сына хотѣлъ счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому. По-

англійски онъ зналъ плохо, названія мѣстъ, куда надо было бѣжать, разбиралъ не сразу — и часто бѣжалъ наугадъ. Колясочка рикши очень мала; она съ откиднымъ верхомъ, колеса ея тонки и высоки, оглобли не толще хорошей трости. И вотъ влѣзаетъ въ нее большой бѣлоглазый человѣкъ, весь въ бѣломъ, въ бѣломъ шлемѣ, въ грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладетъ нога на ногу и сдержанно-повелительно, въ горло себѣ, каркаетъ. Подхвативъ оглобли, старикъ припадаетъ къ землѣ и стрѣлой летитъ впередъ, едва касается земли легкими ступнями. Человѣкъ въ шлемѣ, держа палку въ конопатыхъ рукахъ, задумался о дѣлахъ, заглядѣлся — и вдругъ злобно выкатываетъ глаза: да онъ мчится совсѣмъ не туда, куда надо! Короче сказать, не мало палокъ влѣтало ему въ спину, въ черныя лопаточки, вѣчно сдвинутыя въ чаяніи удара. Но не мало и лишнихъ центовъ сорвалъ онъ съ англичанъ: осадивъ себя на всемъ бѣгу у подъѣзда какого-нибудь отеля или конторы и бросивъ оглобли, онъ такъ жалостно морщился, такъ поспѣшно выкидывалъ впередъ длинныя, тонкія руки, сложивъ ковшикомъ мокрыя обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Разъ прибѣжалъ онъ домой совсѣмъ не въ урочное время: въ самый жаръ полдня, когда

золотыми стрѣлами снуютъ въ лѣсахъ тѣ лимонныя птички, что называются солнечными, когда такъ весело и рѣзко вскрикиваютъ зеленые попугаи, срываясь съ деревьевъ и радугой сверкая въ пестротѣ лѣсовъ, въ ихъ тѣни и лаковомъ блескѣ, когда такъ сладко и тяжело пахнутъ въ оградахъ старыхъ буддійскихъ вихаръ, крытыхъ черепицей, сливочные цвѣты безлиственнаго жертвеннаго дерева, похожіе на маленькія туберозы, такими яркими самоцвѣтами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладкимъ, и по кольчатымъ, какъ хоботъ слона, стволамъ деревьевъ, такъ много рѣетъ и замираетъ на солнцѣ огромныхъ пышныхъ бабочекъ и агатовымъ зерномъ кишатъ, текутъ горячіе, бурые холмики муравьевъ. Все въ лѣсахъ пѣло и славило бога жизни-смерти Мару, бога «жажды существованія», все гонялось другъ за другомъ, радовалось краткой радостью, истребляя другъ друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавшій, кромѣ прекращенія своихъ мученій, легъ въ душномъ сумракѣ своей мазанки, подъ ея пересохшей лиственной крышей, шуршащей красными змѣйками, и къ вечеру умеръ — отъ ледяныхъ судорогъ и водянаго поноса. Жизнь его угасла вмѣстѣ съ солнцемъ, закатившимся за сиреневой гладью великихъ водныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу, въ пурпуръ,

пепелъ и золото великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ облаковъ, — и настала ночь, въ которую въ лѣсахъ подъ Коломбо остался отъ рикши только маленькій скорченный трупъ, потерявшій свой номеръ, свое имя, какъ теряетъ свое названіе рѣка Келани, достигнувъ океана. Солнце, заходя, переходитъ въ вѣтеръ; а во что переходитъ умершій?.. Ночь быстро гасила сказочно-нѣжныя, розовыя и зеленыя краски минутныхъ сумерекъ, летучія лисицы безшумно проносились подъ вѣтвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись лѣса, загораясь міріадами свѣтящихся мухъ и таинственно, знойно звеня цикадами и цвѣтами, въ которыхъ живутъ мелкія, древесныя лягушки. Въ далекой лѣсной кумирнѣ, передъ лампадкой, чуть мерцавшей на черномъ жертвенникѣ, облитомъ кокосовымъ масломъ и усыпанномъ рисомъ и увядшими цвѣточными лепестками, на правомъ боку, кротко подложивъ ручку подъ голову, покоился Возвышенный, гигантъ изъ сандальнаго дерева, съ широкимъ позолоченнымъ лицомъ и длинными косыми глазами изъ сапфира, съ улыбкой мирной грусти на тонкихъ губахъ. На спинѣ лежалъ въ темной хижинѣ рикша, и смертная мука искажала его жалкія черты, ибо не дошелъ до него голосъ Возвышеннаго, призывавшій къ отреченію отъ земной любви, ибо

за могилой ждала его новая скорбная жизнь, слѣдъ неправой прежней. Зубастая старуха, сидѣвшая у порога хижины, у костра подъ котелкомъ, плакала въ эту ночь, скорбь свою питая все той-же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобилъ-бы ея чувства мѣдной серьгѣ въ ея правомъ ухѣ, имѣвшей видъ боченка: серьга была велика и тяжела, она такъ оттянула разрѣзъ мочки, что образовалась порядочная дыра. Рѣзко бѣлѣла ея короткая кофточка изъ бумажной матеріи, надѣтая прямо на голое кофейное тѣло. Голыя дѣти, какъ чертенята, играли, визжали, гонялись другъ за другомъ возлѣ. А сынъ, легконогій юноша, стоялъ въ полутьмѣ за огнемъ. Онъ вечеромъ видѣлъ свою невѣсту, кругллликую тринадцатилѣтнюю дѣвочку изъ сосѣдняго селенья. Онъ испугался и удивился, услыхавъ о смерти отца, — онъ думалъ, что это будетъ еще не скоро. Но, вѣрно, былъ онъ слишкомъ взволнованъ другою любовью, которая сильнѣе любви къ отцамъ. «Не забывай, — сказалъ Возвышенный: — не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его — отъ любви». Но уже безъ остатка, какъ скорпіонъ въ свое гнѣздо, вошла любовь въ юношу. Онъ

стоялъ и смотрѣлъ на огонь. Какъ у всѣхъ дикихъ, ноги его были не въ мѣру тонки. Но и Шива позавидовалъ-бы красотѣ его торса цвѣта темной корицы. Блестѣли при огнѣ его черно-синіе конскіе волосы, гладко натянутые и собранные на макушкѣ, блестѣли глаза изъподъ длинныхъ рѣсницъ, и блескъ ихъ былъ подобенъ блеску кокса противъ горна.

На другой день сосѣди отнесли мертваго старичка въ глубину лѣса, положили въ яму, головой на западъ, къ океану, торопливо, но стараясь не шумѣть, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичокъ отбѣгался; съ его тонкой, посѣрѣвшей и сморщившейся руки сняли мѣдную бляху—и, любуясь ею, раздувая тонкія ноздри, юноша надѣлъ ее на свою, круглую и теплую. Сперва онъ только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылаютъ ихъ сѣдоки, запоминалъ названія улицъ и англійскія слова; потомъ и самъ сталъ возить, самъ сталъ зарабатывать, готовясь къ своей семьѣ, къ своей любви, желаніе которой есть желаніе сыновей равно какъ желаніе сыновей есть желаніе имущества, а желаніе имущества—желаніе благополучія. Но однажды, прибѣжавъ домой, онъ наткнулся на другую страшную вѣсть: невѣста его исчезла — пошла на Невольничій Островъ, въ лавку, и не вернулась.

Отецъ невѣсты, хорошо знавшій Коломбо, часто ходившій туда, дня три разыскивалъ ее и, должно-быть, что-нибудь узналъ, потому что вернулся успокоенный. Онъ вздыхалъ и опускалъ глаза, выражая покорность судьбѣ; но это былъ большой притворщикъ, старикъ лукавый, какъ всѣ, у кого есть достатокъ, кто торгуетъ въ городѣ. Онъ былъ полонъ, съ женскими грудями, съ матовой сѣдиной, зачесанной и украшенной дорогимъ черепаховымъ гребнемъ; ходилъ онъ босикомъ, но подъ зонтомъ, бедра обертывалъ кускомъ хорошей пестрой матеріи; кофта на немъ была пикейная. Отъ него нельзя было добиться правды, а женщины, дѣвушки всѣ слабы, какъ всѣ рѣки извилисты, и молодой рикша понималъ это. Въ столбнякѣ просидѣвъ двое сутокъ дома, не притрогиваясь къ пищѣ, только жуя бетель, онъ, наконецъ, очнулся и опять убѣжалъ въ Коломбо. О невѣстѣ онъ, казалось, совсѣмъ забылъ. Онъ бѣгалъ, жадно копилъ деньги — и нельзя было понять, во что больше онъ влюбленъ: въ свою бѣготню или въ тѣ серебряные кружочки, что собиралъ за нее. Одинъ русскій морякъ снялся съ нимъ въ фотографіи и подарилъ ему карточку. Долго послѣ того молодой рикша радостно дивился на свое изображеніе: онъ стоялъ въ оглобляхъ, повернувъ лицо къ воображаемымъ зрителямъ, и

всякій сразу могъ узнать его, — вышла даже бляха на рукѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо проработалъ онъ такъ съ полгода.

И вотъ сидѣлъ онъ какъ-то утромъ, вмѣстѣ съ другими рикшами, подъ многоствольнымъ баніаномъ на той длинной улицѣ, что идетъ онъ Невольничьяго Острова къ Парку Викторіи. Горячее солнце только-что показалось изъ-за деревьевъ со стороны Мараданы. Но высоко разросся баніанъ, и уже не было тѣни у его корней, осыпанныхъ сожженной листвой. Колясочки накалялись отъ зноя, тонкія оглобли ихъ лежали на темно-красной разогрѣтой землѣ, пахнущей и нефтью, и такъ, какъ пахнетъ теплый отъ размола кофе. Съ этимъ запахомъ мѣшались густые сладкіе запахи вѣчно-цвѣтущихъ окрестныхъ садовъ, камфары, мускуса и того, что ѣли рикши; а ѣли они бананы, маленькіе, теплые, нѣжно-розовые, въ золотистой кожѣ, ѣли тѣ оранжевые плоды, мясо которыхъ похоже на дѣтское тѣло съ привкусомъ терпентина, и болтали, сидя на землѣ, до подбородка поднявъ острыми углами колѣни, положивъ на нихъ руки, а на руки — свои женскія головы. Вдругъ вдалекѣ, возлѣ бѣлыхъ оградъ бунгалоу, испещренныхъ свѣтотѣнью, показался человѣкъ въ бѣломъ. Онъ шелъ по срединѣ улицы той упрямой и твердой походкой, которой хо-

дятъ только европейцы. И, молніей вскочивъ съ земли, вперегонки кинулась къ нему вся стая этихъ голыхъ длинноногихъ людей. Они налетѣли на него со всѣхъ сторонъ, и онъ грозно крикнулъ, взмахнувъ тростью. Робкіе и обидчивые, они со всего разбѣга осадили себя вокругъ него. Онъ взглянулъ на нихъ, — и седьмой номеръ съ его смоляными конскими волосами показался ему сильнѣе прочихъ. На седьмой номеръ и палъ его выборъ.

Онъ былъ не высокъ и крѣпокъ, въ золотыхъ очкахъ, съ черными сросшимися бровями, въ черныхъ короткихъ усахъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, на которомъ тропическое солнце и болѣзнь печени уже оставили свой смуглый слѣдъ. Шлемъ на немъ былъ сѣрый, глаза какъ-то странно, будто ничего не видя, глядѣли изъ угольной тьмы бровей и рѣсницъ сквозь блестящія стекла. Онъ сѣлъ умѣло — сразу нашелъ въ колясочкѣ ту точку, при которой рикшѣ свободнѣе бѣжать, и, взглянувъ на татуированную кисть лѣвой руки, короткой и сильной, на маленькіе часики въ кожаной лункѣ, назвалъ Йоркъ-Стритъ. Деревянный голосъ его былъ твердъ и спокоенъ, но взглядъ страненъ. И рикша подхватилъ оглобли и понесся впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ требовалось, поминутно пошелкивая звонкомъ, прикрѣпленнымъ на концѣ оглобли,

и тасуясь съ пѣшеходами, арбами и другими рикшами, бѣгущими взадъ и впередъ.

Былъ конецъ марта, самое знойное время. Не прошло и трехъ часовъ съ восхода солнца, а ужъ казалось, что близокъ полдень, — такъ жарко, свѣтло было всюду и такъ многолюдно возлѣ лавокъ въ концѣ улицы. Земля, сады, вся та высокая, раскидистая растительность, что зеленѣла и цвѣла надъ бунгалоу, надъ ихъ мѣловыми крышами и надъ старыми черными лавками, пресытили воздухъ теплomъ и благовоніемъ, а дождевыя деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавокъ, вѣрнѣе, навѣсовъ, крытыхъ черной черепицей, увѣшанныхъ огромными связками банановъ, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожихъ банщиковъ. Рикша, подавшись впередъ, мелькая длинными ногами, бѣжалъ быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовымъ масломъ спинѣ, на его округлыхъ плечахъ, среди которыхъ тонкій стволъ дѣвичьей шеи граціозно держалъ смоляную голову, накаляемую солнцемъ. Въ самомъ концѣ улицы онъ вдругъ остановился. Чуть повернувъ лицо, онъ быстро проговорилъ что-то по-своему. Англичанинъ, его сѣдокъ, увидалъ концы изогнутыхъ рѣсницъ,

уловилъ слово «бетель» и поднялъ брови. Какъ? Такой молодой, крѣпкій пробѣжалъ какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и уже бетель? Не отвѣтивъ, онъ ударилъ рикшу тростью по лопаткамъ. Но тотъ, — трусливый, какъ всѣ сингалезы, но порой и настойчивый, — только дернулъ плечомъ и стрѣлой полетѣлъ вкось по улицѣ, къ лавкамъ.

— Бетель! — повторилъ онъ, поворачивая къ англичанину гнѣвные глаза и по-собачьи оскалившись.

Но англичанинъ уже забылъ о немъ. И черезъ минуту рикша выскочилъ изъ лавочки, держа на узкой ладони листъ перечнаго дерева, намазывая его известью и завертывая въ него кусочекъ арековаго плода, похожій на кусочекъ кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодѣйствуй, не лги и ничѣмъ не охмеляйся, заповѣдалъ Возвышенный. Да, но что зналъ о Немъ рикша? Смутно звучало въ его сердцѣ то, что было смутно воспринято несмѣтными сердцами его предковъ. Въ дождливое время года онъ ходилъ съ отцомъ къ священнымъ шалашамъ и тамъ, среди женщинъ и нищихъ, слушалъ жрецовъ, читавшихъ на древнемъ, всѣми забытомъ языкѣ, и ничего не понималъ, только подхватывалъ общее радостное восклицаніе при имени Возвышеннаго. Не разъ случалось, что молился при

немъ отецъ на порогѣ кумирни: онъ преклонялся передъ лежачей деревянной статуей, бормоча ея заповѣди, поднимая соединенныя ладони ко лбу, а потомъ клалъ на жертвенникъ самую мелкую и старую изъ своихъ тяжко заработанныхъ монетъ. Но бормоталъ онъ равнодушно, — онъ вѣдь только боялся картинъ на стѣнахъ кумирни, изображеній муки грѣшниковъ; онъ преклонялся и передъ другими богами, передъ ужасными индусскими статуями, онъ и въ нихъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу демоновъ, змѣй, звѣздъ, мрака...

Сунувъ бетель въ ротъ, рикша, въ чувствахъ своихъ рѣзко измѣнчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватилъ оглобли и, оттолкнувшись лѣвой ногой, опять побѣжалъ. Солнце слѣпило, сверкало въ золотѣ и стеклахъ очковъ, когда англичанинъ поднималъ голову. Солнце жгло его руки и колѣни, земля горячо дышала, было даже видно, что надъ ней, какъ надъ жаровней, дрожитъ воздухъ, — но онъ сидѣлъ неподвижно, не дотронулся до верха колясочки. Двѣ дороги вели въ городъ, или, какъ называютъ его резиденты, въ Фортъ: одна вправо, мимо малайскаго капища, по дамбѣ между лагунами, другая влѣво, къ океану. Англичанину хотѣлось послѣдней. Но рикша обернулся на бѣгу, показывая свои окровавленныя губы, и сдѣ-

лалъ видъ, что не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. И англичанинъ опять уступилъ, — онъ разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя. Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепахъ и гнили, окаймленная вдали кокосовой рощей, лежала справа. По дамбѣ шли, ѣхали, бѣжали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши въ фескахъ, бѣлыхъ кителяхъ и короткихъ бѣлыхъ панталонахъ. Европейцы, сидѣвшіе въ колясочкахъ, были блѣдны послѣ томительной ночи, высоко задирали свои бѣлые башмаки, положивъ колѣно на колѣно. Прокатила двуколка, запряженная сѣрымъ горбатымъ бычкомъ, — подъ ея навѣсомъ, въ легкой жаркой тѣни, сидѣлъ парсъ, желтолицый старикъ, похожій на евнуха, въ халатѣ и бархатномъ черепенникѣ, шитомъ золотомъ. Великанъ-афганецъ въ бѣлыхъ шароварахъ, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, въ бѣломъ казакинѣ и огромномъ розовомъ тюрбанѣ, неподвижно стоялъ надъ лагуной, глядя на черепахъ, въ теплую жидкую воду. Безъ конца тянулись влекомыя волами длинныя крытыя арбы. Подъ ихъ узкими соломенными сводами навалены были тюки товаровъ, а порою — цѣлая куча коричневыхъ тѣлъ, молодыхъ рабочихъ. Тощіе, сожженные зноемъ старики, съ красными отъ красной пыли ногами, шагали у колесъ, точно муміи старухъ.

Шли каменьщики, дюжіе черные томилы... «Пагода» — разумѣя чайный домъ, сказалъ англичанинъ подъ тѣми патріархальными деревьями, что растутъ при въѣздѣ въ Фортъ, подъ необъятными навѣсами ихъ зелени, свѣтлой отъ солнца, проникающаго ее.

Возлѣ стараго голландскаго зданія съ аркадами въ нижнемъ этажѣ остановились. Англичанинъ посмотрѣлъ на часы и ушелъ пить чай и курить сигару. А рикша сдѣлалъ полукругъ по широкой тѣнистой улицѣ, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмій, и, бросивъ оглобли у древесныхъ корней, съ разбѣгу сѣлъ. Онъ поднялъ колѣни и положилъ на нихъ локти, жарко дыша баннымъ, благовоннымъ тепломъ полдня и безсмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынулъ изъ-за передника тряпку, вытеръ ею окровавленныя бетелемъ губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложивъ ее бинтомъ, приложилъ ко лбу, повязалъ голову: это было совсѣмъ некрасиво, придавало ему видъ больного, но вѣдь многіе рикши дѣлаютъ такъ. Онъ сидѣлъ и, можетъ-быть, думалъ... «Тѣла наши, Господинъ, различны, но сердце, конечно, одно», — сказалъ Ананда Возвышенному, и, значитъ, можно представить себѣ, что долженъ думать или чувствавать юноша, выросшій въ райскихъ

лѣсахъ подъ Коломбо и уже вкусившій самой сильной отравы — любви къ женщинѣ, уже вмѣшавшійся въ жизнь, быстро бѣгущую за радостями или убѣгающую отъ печалей. Мара уже ранилъ его, но вѣдь Мара и залѣчиваетъ раны. Мара вырываетъ изъ рукъ человѣка то, что схватилъ человѣкъ, но вѣдь Мара и разжигаетъ человѣка снова схватить отнятое, или другое что-нибудь, подобное отнятому... Напившись чаю, англичанинъ бродилъ по улицѣ, заходилъ въ магазины, разсматривалъ въ витринахъ драгоцѣнные камни, слоновъ и буддъ изъ эбеноваго дерева, всякія пестрыя ткани, золотыя въ черныхъ крапинахъ шкуры пантеръ. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался съ другими рикшами и ходилъ позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно въ полдень англичанинъ далъ ему рупію, чтобы онъ купилъ себѣ поѣсть, а самъ ушелъ въ контору большого европейскаго пароходства. Рикша купилъ дешевыхъ папиросъ, сталъ курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, какъ дѣлаютъ это женщины, и выкурилъ подъ-рядъ цѣлыхъ пять штукъ. Сладко одурманенный, сидѣлъ онъ въ сквозной тѣни противъ трехъэтажнаго дома, гдѣ была контора, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ, что на балконѣ подъ бѣлой маркизой появился его сѣдокъ и еще человѣкъ

пять европейцевъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли на гавань, — и вотъ за крышами пристани показались одна за другой и медленно поплыли три высокія, тонкія мачты, слегка отклоненныя назадъ. Съ балкона замахали платками, а изъ-за крышъ мрачно, могуче и величаво, отзываясь по рейду и въ городѣ, заревѣла труба: пароходъ изъ далекой Европы, котораго ожидалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой, прибылъ. Съ англійской точностью вошелъ онъ послѣ двадцатидневнаго плаванія въ Коломбо, — и то, чего совсѣмъ не ожидалъ рикша, еще полный надеждъ и желаній, этотъ роковой для него обѣдъ въ домѣ на лагунѣ, у агента пароходства, былъ рѣшенъ.

Но до обѣда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышелъ на улицу этотъ ничего не видящій человѣкъ въ очкахъ. Онъ простился съ тѣми двумя, что вышли съ нимъ и направились къ бѣлой статуѣ Викторіи, къ крытой пристани, и опять побрелъ по улицѣ рикша — на этотъ разъ къ отелю, гдѣ въ эту пору, въ полутемной залѣ, знойную духоту которой развѣвали, мѣшали съ запахомъ кушаній вертѣвшіяся подъ потолкомъ весла, ѣло и пило много богатыхъ резидентовъ и туристовъ. И опять, какъ собака, сѣлъ рикша на мостовую, на лепестки кетмій. Сквозная тѣнь соединяющихся свѣтло-зелеными верши-

нами деревьевъ осѣняла улицу, и шли мимо него въ этой тѣни женоподобные сингалезы, навязывая европейцамъ цвѣтныя открытки, черепаховые гребни, драгоцѣнные камни, — одинъ даже таскалъ за собой на шнуркѣ и продавалъ звѣрька въ шубкѣ изъ длинныхъ колючекъ, — и все бѣжали, бѣжали по богатой европейской улицѣ эти полудикіе люди, рикши... Вдали, среди открытой площади, горѣла бѣлизной большая мраморная женщина, гордая, съ двойнымъ подбородкомъ, въ порфирѣ и коронѣ, возсѣдавшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. И оттуда толпой шли только-что прибывшіе изъ Европы. На подъѣздъ отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывали изъ рукъ у нихъ трости, мелкія вещи, и поклонами, сдержанными и граціозными, встрѣчалъ ихъ на порогѣ человѣкъ, блестѣвшій напомаженнымъ проборомъ, глазами, зубами, запонками, крахмальнымъ бѣльемъ, пикейнымъ смокингомъ, пикейными панталонами и бѣлой обувью. «Люди постоянно идутъ на пиршества, на прогулки, на забавы, — сказалъ Возвышенный, нѣкогда посѣтившій этотъ райскій пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желанія. — Видъ, звуки, вкусъ, запахи опьяняютъ ихъ, — сказалъ Онъ, — желаніе обвиваетъ ихъ, какъ ползучее растеніе, зеленое, красивое и смертонос-

ное, обвиваетъ дерево Шала»... Слѣды усталости, истомы отъ зноя, морской качки и болѣзней были на сѣрыхъ лицахъ шедшихъ къ отелю. У всѣхъ видъ былъ полумертвый, всѣ говорили, не двигая губами, но всѣ шли, осматривались и одинъ за другимъ скрывались въ сумракѣ вестибюля, чтобы разойтись по своимъ комнатамъ, вымыться, ободриться, а потомъ, до красноты лица опьянивъ себя ѣдой, питьемъ, сигарами и кофе, покатить на рикшахъ на берегъ океана, въ Сады Корицы, къ индусскимъ храмамъ и буддійскимъ вихарамъ. У каждаго, у каждаго въ душѣ было то, что заставляетъ человѣка жить и желать сладкаго обмана жизни! А рикшѣ, рожденному на землѣ первыхъ людей, развѣ не вдвойнѣ былъ сладокъ этотъ обманъ? Мимо него шли взадъ и впередъ джентльмены и лэди, пожилыя, некрасивыя, такія-же длиннозубыя, какъ его черная мать, сидѣвшая въ далекой лѣсной хижинѣ, но порою проходили и дѣвушки, миловидныя, въ бѣлыхъ нарядахъ, въ небольшихъ шлемахъ, опутанныхъ легкими вуалями, и, возбуждая въ немъ вожделѣніе, пристально глядѣли на его поднятыя великолѣпныя рѣсницы, на тряпку вокругъ его смоляной головы и на окровавленный ротъ. А развѣ она, та, что пропала въ этомъ городѣ, была хуже ихъ? Тепло тропическаго солнца взрастило ее. Отъ

бѣлой, въ голубыхъ цвѣточкахъ, короткой кофты и такой-же юбки, надѣтыхъ на голое, чуть полное, но крѣпкое, небольшое тѣло, она казалась чернѣе. У нея была круглая головка, выпуклый лобикъ, круглые сіяющіе глаза, въ которыхъ дѣтская робость уже смѣшивалась съ радостнымъ любопытствомъ къ жизни, съ затаенной женственностью, нѣжной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шеѣ, маленькія руки и ноги въ серебряныхъ браслетахъ... Вскочивъ съ мѣста, рикша побѣжалъ въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, гдѣ въ старомъ одноэтажномъ домѣ подъ черепицей, съ толстыми деревянными колоннами, былъ простонародный баръ. Тамъ онъ положилъ на прилавокъ двадцать пять центовъ и за это вытянулъ цѣлый стаканъ виски. Смѣшавъ этотъ огонь съ бетелемъ, онъ обезпечилъ себя блаженнымъ возбужденіемъ почти до самаго вечера, до той поры, когда лѣса подъ Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенятъ журчаніемъ и стономъ несмѣтныхъ цикадъ и древесныхъ лягушекъ, а чащи бамбука затрепещутъ миріадами огненныхъ искръ.

Пьянъ былъ и англичанинъ, выйдя съ сигарой изъ отеля, — глаза его были сонны, порозовѣвшее лицо стало какъ будто полнѣе. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо,

не зная, какъ убить время, онъ въ нерѣшительности постоялъ возлѣ отеля, потомъ приказалъ везти себя сперва на почту, гдѣ опустилъ въ ящикъ три открытки, а отъ почты — къ саду Гордона, куда даже не зашелъ, — только посмотрѣлъ въ ворота на монументъ и на аллеи, — а отъ сада Гордона — куда глаза глядятъ: къ Черному Городу, къ рынку въ Черномъ Городѣ, къ рѣкѣ Келани... И пошелъ, пошелъ мотать его пьяный и съ головы до ногъ мокрый рикша, возбужденный и бетелемъ и водкой и надеждой получить цѣлую кучу центовъ и еще какими-нибудь волнующими и душу и тѣло мечтами, никогда не оставляющими человѣка. Въ самый истомный часъ послѣполуденнаго тепла и свѣта, когда, посидѣвъ двѣ минуты на скамьѣ подъ деревомъ, оставляешь на ней темный кругъ пота, онъ, въ угоду англичанину, не знавшему, какъ дотянуть до обѣда, пробѣжалъ весь Черный Городъ, старый, многолюдный, пряно-пахучій, — и много видѣлъ полусонный англичанинъ голыхъ цвѣтныхъ тѣлъ и разноцвѣтныхъ тканей на бедрахъ, много парсовъ, индусовъ, желтолицыхъ малайцевъ, вонючихъ китайскихъ лавокъ, черепичныхъ и тростниковыхъ крышъ, храмовъ, мечетей и капищъ, праздныхъ матросовъ изъ Европы и буддійскихъ монаховъ — бритыхъ, худыхъ, съ безумными

глазами, въ канареечныхъ тогахъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и опахалами изъ листвы священной пальмы. Рикша и его сѣдокъ неслись среди этой тѣсноты и грязи древняго Востока быстро, быстро, точно спасались отъ кого-то, — вплоть до самой рѣки Келани, узкой, густой и глубокой, перегрѣтой солнцемъ, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися съ ея береговъ, любимой крокодилами, все дальше уходящими въ глубь дѣвственныхъ лѣсовъ отъ баржъ съ соломенными сводами, нагруженныхъ тюками чая, рисомъ, корицей, еще не обработанными драгоцѣнными камнями и особенно медлительно плывущихъ въ золотомъ, густомъ блескѣ предвечерняго солнца... Потомъ англичанинъ приказалъ вернуться въ Фортъ, уже опустѣвшій, закрывшій всѣ свои конторы, агентства и банки, побрился въ цирульнѣ и непріятно помолодѣлъ, покупалъ сигары, заходилъ въ аптеку... Рикша, весь въ поту, похудѣвшій, смотрѣлъ на него уже непріязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бѣшенства... Въ шестомъ часу, пробѣжавъ мимо маяка въ концѣ Квинсъ-Стритъ, пробѣжавъ тихіе и чистые военные кварталы, онъ выскочилъ на берегъ океана, вольно глянувшаго ему въ глаза своимъ просторомъ и зелено-золотистымъ глянцемъ отъ

низкаго солнца, и побѣжалъ по плацу Гольфэсъ, къ Невольничьему Острову.

«Изъ жажды рождается желаніе радости, — сказалъ Возвышенный, — изъ радости рождается скорбь, изъ радости и скорби возникаетъ страхъ». И вотъ уже появились въ глазахъ рикши и скорбь, и страхъ, и злоба. Онъ ошалѣлъ отъ бѣга, не разъ тоскливо оборачивался на своего мучителя, трудно дышалъ, отмѣривая длинными ногами широкую укатанную дорогу по плацу. Плацъ этотъ огромный, пустой и печальный на закатѣ. Кончивъ дѣла, англичане гуляютъ здѣсь передъ обѣдомъ, катаются или катаютъ своихъ женъ, любовницъ и дѣтей на лошадяхъ, въ дорогихъ экипажахъ, играютъ въ теннисъ, футболъ и любуются океаномъ и пышной красотой тропическаго, чуждаго имъ заката. Рикша бѣжалъ, дико глядя на тѣхъ жилистыхъ, рыжихъ людей въ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ и пестрыхъ фуфайкахъ, что носились по плацу по своей доброй волѣ, взапуски летѣли другъ за другомъ, подпрыгивали за взвивающимися боллами и гулко били въ нихъ грубыми носками тяжелыхъ башмаковъ. Солнце опускалось, небо надъ закатомъ зеленѣло, легкое пушистое облако, таявшее въ его глубинѣ, стало совсѣмъ розовое... «Карлтонъ-Отелъ!» — мертво сказалъ англичанинъ, все время печально и сонно

глядѣвшій на западъ, на океанъ, на мягко шумящую зыбь его, разсыпавшуяся геліотроповой пѣной по прибрежнымъ валунамъ. Рикша на бѣгу оскалялся, ему уже хотѣлось грызть этого человѣка, загнавшаго его; но не бѣжать нельзя было: англичанинъ, не мѣняя выраженія сонно-печальнаго лица, все чаще тыкалъ рикшу концомъ трости, да уже и перешло блаженное возбужденіе рикши въ какое-то другое, — въ напряженную покорность, въ столбнякъ безостановочнаго бѣга. Всѣ отели въ Фортѣ были полны, англичанинъ жилъ въ простомъ, за Невольничьимъ Островомъ, — и тутъ еще разъ пробѣжалъ рикша мимо баніана, подъ который сѣлъ онъ нынче утромъ въ жаждѣ заработка отъ этихъ безпощадныхъ и загадочныхъ бѣлыхъ людей, въ упрямой надеждѣ на счастье. Пошли знакомые сплошные сады, каменныя ограды и голландскія крыши бунгалоу, низкихъ, приземистыхъ по сравненію съ деревьями, раскидывающимися надъ ними... Вскочивъ во дворъ одного такого бунгалоу, рикша съ полчаса отдыхалъ возлѣ широкой террасы, пока англичанинъ переодѣвался къ обѣду. Сердце у него колотилось, какъ у отравленнаго, губы побѣлѣли, черты темно-коричневаго лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернѣли и расширились, тряпка на головѣ такъ намок-

ла, что онъ сорвалъ ее и далеко отшвырнулъ прочь. Запахъ его разгоряченнаго тѣла сталъ непріятенъ — это былъ запахъ теплаго чая, смѣшаннаго съ кокосовымъ масломъ и еще съ чѣмъ-то, спиртуознымъ, какъ если взять и растереть въ рукахъ кучку муравьевъ.

Солнце межъ тѣмъ закатилось. Пожилая дѣвушка полулежала подъ навѣсомъ терассы въ качалкѣ, читая при послѣднемъ свѣтѣ дня молитвенникъ. Увидя ее съ улицы, во дворъ безшумно вошелъ нѣмой индусъ изъ Мадуры, высокій черный старикъ съ сѣдыми кудрями на груди и на животѣ, худой, какъ скелетъ, въ нищенскомъ тюрбанѣ, въ длинномъ передникѣ изъ ткани, бывшей когда-то красной, въ желтыхъ поперечныхъ полоскахъ. На рукѣ у старика была закрытая корзина изъ пальмоваго лыка. Подойдя къ террасѣ, онъ подобострастно поклонился, приложивъ руку ко лбу, и присѣлъ на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая въ качалкѣ, махнула рукой. Но онъ уже вынималъ изъ-за пояса тростниковую дудку. И тутъ рикша вдругъ вскочилъ на ноги и въ непонятной ярости громко крикнулъ на него. Вскочилъ и старикъ, захлопнулъ корзину и, оборачиваясь, побѣжалъ къ воротамъ. Но у рикши еще долго были круглые глаза, — совсѣмъ какъ у той, страшной, которую онъ предста-

вилъ себѣ — медленно, тугимъ жгутомъ выползающую изъ корзины и съ шипѣніемъ раздувающую свое голубымъ отблескомъ мерцающее горло. Быстро падала темнота — уже въ темнотѣ вышелъ на террасу размытый, въ бѣломъ смокингѣ англичанинъ. И рикша покорно кинулся къ оглоблямъ. Бодро крикнулъ англичанинъ названіе того мѣста, куда надо бѣжать, — и, можетъ-быть, жутко отдалось его приказаніе въ сердцѣ рикши. Была уже ночь, особенно жаркая, какъ всегда передъ наступленіемъ дождей, еще болѣе пахучая, чѣмъ день. Еще гуще сталъ теплый и приторный ароматъ мускуса, смѣшанный съ запахомъ теплой земли, тучной отъ цвѣточнаго перегноя. Такъ было черно среди садовъ, гдѣ бѣжалъ рикша, что только по тяжелому дыханію и по скудному фонарику на оглоблѣ можно было понять, что несется впереди встрѣчный. Потомъ слабо замерцала подъ черными навѣсами деревьевъ гнилая лагуна, а тамъ и красные огни, длинно отражавшіеся въ ней. Большой двухъэтажный домъ, въ которомъ жилъ агентъ, насквозь свѣтился въ этой тропической чернотѣ прорѣзами оконъ. Во дворѣ было темно. Много рикшъ, сливавшихся съ темнотой своими тѣлами и слабо бѣлѣвшихъ передниками, набѣжало въ этотъ дворъ съ гостями. А большой, откры-

тый на лагуну балконъ сіялъ свѣчами въ стекляныхъ колпакахъ, осыпанныхъ несмѣтной мошкарой, блестѣлъ скатертью длиннаго стола, установленнаго посудой, бутылками и вазами со льдомъ, и бѣлѣлъ смокингами сидѣвшихъ, которые ѣли, пили и немолчно, хотя и сдержанно бормотали себѣ въ горло, межъ тѣмъ какъ босоногіе полные слуги, похожіе на нянекъ, шуршали голыми подошвами, прислуживая имъ, а громадная китайская цыновка, ребромъ привѣшенная надъ ними къ потолку, все махалась и махалась, приводимая въ движеніе малайцами, сидѣвшими за стѣной, не доходящей до потолка, и все вѣяла, вѣяла вѣтромъ на обѣдающихъ, на ихъ холодные, мокрые лбы. Рикша номеръ седьмой подлетѣлъ къ балкону. Сидѣвшіе за столомъ привѣтствовали вновь прибывшаго гостя радостнымъ ропотомъ. Гость выскочилъ изъ колясочки и вбѣжалъ на балконъ. А рикша понесся вокругъ дома, чтобы опять попасть къ воротамъ, во дворъ, къ другимъ рикшамъ, и, обѣгая домъ, вдругъ такъ шарахнулся назадъ, точно его ударили въ лицо палкой: стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна второго этажа, — въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ, — на него глядѣла

круглыми сіяющими глазами его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса! Его, внизу, въ темнотѣ, она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее — и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ.

Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слишкомъ молодо и сильно. Постоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю, подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно-зеленыхъ искръ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока она не повернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли и, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота, опять, опять пустился бѣжать — на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и уже самъ управляя своей сразу освободившейся волей.

— Проснись, проснись! — кричали въ немъ тысячи беззвучныхъ голосовъ его печальныхъ, стократъ истлѣвшихъ въ этой райской землѣ предковъ. — Стряхни съ себя обольщенія

Мары, сонъ этой краткой жизни! Тебѣ-ли спать, отравленному ядомъ, пронзенному стрѣлой? Стократно страдаетъ имѣющій стократно милое, всѣ скорби, всѣ жалобы — отъ любви, отъ привязанностей сердца — убейже ихъ! Недолгій срокъ пребудешь ты въ покоѣ отдыха, снова и снова, въ тысячѣ воплощеній, исторгнетъ тебя твоя эдемская земля, пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желаніе, но онъ, этотъ краткій отдыхъ, всеже настанетъ для тебя, слишкомъ рано выбѣжавшаго на дорогу жизни, страстно погнавшагося за счастьемъ и раненаго самой острой стрѣлой — жаждой любви и новыхъ зачатій для этого древняго міра, гдѣ отъ вѣка побѣдитель крѣпкой пятой стоитъ на горлѣ побѣжденнаго!

Показались подъ черными навѣсами сросшихся вершинами деревьевъ огни въ открытыхъ лавочкахъ Невольничьяго Острова. Рикша жадно съѣлъ въ одной изъ нихъ чашечку теплаго варенаго риса, пересыщеннаго перцемъ, и кинулся дальше. Онъ зналъ, гдѣ живетъ старикъ изъ Мадуры, часъ тому назадъ приходившій во дворъ отеля: онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, при его большой фруктовой лавкѣ, въ низкомъ домѣ съ толстыми деревянными колоннами. Племянникъ, въ грязномъ европейскомъ костюмѣ изъ по-

лотна, съ громаднымъ колтуномъ черной вьющейся шерсти на головѣ, перетаскивалъ корзины съ плодами въ глубину лавки, морщась отъ дыма папиросы, прилѣпленной къ его нижней губѣ. Онъ не обратилъ вниманія на бѣшенный видъ мокраго, горячаго рикши. И рикша молча вскочилъ подъ навѣсъ среди столбовъ, взялъ налѣво и ногой толкнулъ дверку, за которой надѣялся найти нѣмого старика. Въ потной рукѣ рикша крѣпко держалъ завѣтный золотой, который онъ еще на бѣгу досталъ изъ-за передника, изъ кожанаго гамана, привѣшеннаго къ поясу. И золотой быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ съ большой коробкой отъ сигаръ, перевязанной шнуркомъ. Онъ заплатилъ за нее большую цѣну, зато она была не пустая: то, что въ ней лежало, — билось, извивалось, стукало въ крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачѣмъ онъ захватилъ съ собой колясочку? А онъ таки-захватилъ ее — и ровнымъ, сильнымъ махомъ полетѣлъ на берегъ океана, на плацъ Голь-Фэса. Плацъ былъ пустъ, далеко темнѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ. За нимъ были разсыпаны рѣдкіе огоньки Форта, и въ небѣ медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымныя полосы бѣлаго свѣта только въ сторону рейда. Слабый про-

хладный вѣтеръ потянулъ на рикшу съ океана, ровный, сонный шумъ котораго былъ чуть слышенъ. Добѣжавъ до прибрежья, до средины дороги, рикша въ послѣдній разъ бросилъ тонкія оглобли, въ которыя рано, но не надолго впрягла его жизнь, и сѣлъ уже не на землю, а на скамью, сѣлъ смѣло, какъ резидентъ.

Онъ, отдавая индусу цѣлый фунтъ, требовалъ самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была,—помимо того, что сказочно-красива, вся въ черныхъ кольцахъ съ зелеными каемками, съ темно-голубой круглой головой, съ изумрудной полосой на затылкѣ и траурнымъ хвостомъ, — она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, послѣ того, какъ ее помотали въ деревянной пахучей коробкѣ, особенно. Она судорожно, какъ стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стукала въ крышку. И онъ быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ... Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно, или нѣтъ? А послѣ того долго-ли колебался? Долго-ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопусъ? Оскалился-ли по-собачьи на городъ резидентовъ, на богатый отель, свѣтившій вдали своимъ подъѣздомъ? Вѣрно, онъ сразу рас-

крылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь.

А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ, — онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человѣка несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и разражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. Рикша, вѣрно, не вскрикнулъ и не зарыдалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ, на что идетъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, ощутивъ этотъ огненный ударъ, онъ колесомъ перевернулся на скамьѣ, и коробка полетѣла отъ него въ сторону. А затѣмъ тотчасъ же распахнулась подъ нимъ бездонная тьма, и все понеслось передъ его глазами куда-то вкось, вверхъ: и океанъ, и звѣзды, и огни отеля. Шумъ океана хлынулъ ему въ голову — и сразу оборвался: глубокій обморокъ бываетъ всегда послѣ этого удара. Но вслѣдъ за обморокомъ человѣкъ всегда быстро приходитъ въ себя, какъ будто только за тѣмъ, чтобы его тяжко, съ кровью стошнило — и опять повергло въ небытіе. Ихъ, этихъ обмираній, бываетъ нѣсколько, и каждое изъ нихъ, ломая человѣка, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія

способности и чувства: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть — и то послѣднее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то.

Дней черезъ десять, въ темныя, жаркія сумерки передъ грозой, къ большому русскому пароходу, готовому отплыть въ Суэцъ, двѣ пары гребцовъ гнали въ гавани Коломбо шлюпку, въ которой полулежалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой. Пароходъ уже гудѣлъ отъ грохота якорной цѣпи, когда, выскочивъ возлѣ громадной желѣзной стѣны пароходнаго бока, взбѣжалъ онъ по длинному трапу на палубу. Капитанъ сперва наотрѣзъ отказался принять его: пароходъ грузовой, заявилъ онъ, агентъ уже уѣхалъ, — это невозможно. «Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу васъ!» — возразилъ англичанинъ. Капитанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него: на видъ крѣпокъ, энергиченъ, но на лицѣ налетъ нездороваго загара, а глаза за блестящими очками стоячіе, какъ будто ничего не видящіе и безпокойные. «Подождите до послѣзавтра, — сказалъ капитанъ: — послѣзавтра будетъ нѣмецкій почтовый пароходъ». — «Да, но провести еще двѣ

ночи въ Коломбо мнѣ очень трудно, — отвѣтилъ англичанинъ. — Этотъ климатъ изнуряетъ меня, я нервно боленъ. Кромѣ того, нѣмецкій пароходъ, какъ это всегда бываетъ, будетъ биткомъ набитъ, а мнѣ хочется одиночества. Я измученъ этими цейлонскими ночами, безсонницей и всѣмъ тѣмъ, что чувствуетъ всякій нервный человѣкъ передъ заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившія всѣ горизонты: ночь опять будетъ ужасная, періодъ дождей собственно уже начался»... И, пожавъ плечами, подумавъ, капитанъ уступилъ. И черезъ минуту тонкіе, какъ ужи, сингалезы уже тащили по трапу сундукъ въ черной лакированной кожѣ, весь испещренный разноцвѣтными этикетами отелей и помѣченный красными иниціалами.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тѣсна и душна. Но англичанинъ нашелъ ее прекрасной. На скорую руку разложивши въ ней вещи, онъ вышелъ черезъ столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло въ темнотѣ. Пароходъ уже снялся и поворачивалъ къ открытому морю. Справа какъ-бы плыли на него другіе пароходы, огни на мачтахъ, огни Форта. Слѣва, изъ-подъ высокаго борта, зыбко неслась къ низменному берегу, къ складамъ угля и къ черной гущѣ тонкоствольныхъ

кокосовыхъ лѣсовъ за складами гладь темной воды, еще оражавшей тьму и печаль тучъ, и своимъ зыбкимъ стремленіемъ кружила голову. Все мѣняя направленіе, все туже дулъ откуда-то влажный, тошнотворно-благовонный, мягкій вѣтеръ. Внезапно молчаливыя тучи распахнулись такой бездной блѣдно-голубого свѣта, что въ самой глубинѣ лѣсовъ мелькнули озаренные имъ стволы пальмъ, банановъ и сингалезскія хижины подъ ними. Англичанинъ испуганно моргнулъ, оглянулся на плывущій уже слѣва отъ него блѣдный молъ съ краснымъ огонькомъ на концѣ, на свинцовую даль океана за моломъ — и быстро пошелъ назадъ, въ каюту.

Старикъ-лакей, человѣкъ злой отъ усталости, безъ нужды подозрительный и наблюдательный, нѣсколько разъ заглядывалъ передъ обѣдомъ за ея занавѣску. Англичанинъ сидѣлъ въ складномъ холщевомъ креслѣ, держа на колѣняхъ толстую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, писалъ въ ней золотымъ перомъ, и выраженіе его лица, когда онъ поднималъ его, блестя очками, было и тупо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно. Потомъ, спрятавъ перо, онъ задумался, какъ-бы слушая шумъ и шорохъ волнъ, тяжело несущихся за стѣной каюты. Лакей прошелъ мимо, мотая громко звенящимъ колокольчикомъ. Англичанинъ всталъ и догола

раздѣлся. Съ ногъ до головы обтершись губкой, насыщенной водой съ одеколономъ, онъ выбрился, подровнялъ короткіе толстые усы, тщательно причесалъ щетками свои черные прямые волосы на косой рядъ, надѣлъ свѣжее бѣлье, смокингъ и пошелъ къ обѣду съ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, солдатскимъ видомъ.

Моряки, уже давно сидѣвшіе за столомъ и бранившіе его за опозданіе, встрѣтили его преувеличенно любезно, другъ передъ другомъ щеголяя знаніемъ англійскаго языка. Онъ отвѣтилъ имъ сдержанной, но не меньшей любезностью и поспѣшилъ сказалъ, что ему очень нравится русскій столъ, что онъ былъ въ Россіи, въ Сибири.. что онъ вообще много путешествовалъ и всегда прекрасно переносилъ путешествія, чего однако нельзя сказать о его послѣднемъ пребываніи въ Индіи, на Явѣ и на Цейлонѣ: тутъ онъ захворалъ печенью, разстроилъ себѣ нервы, дошелъ даже до странностей — вотъ въ родѣ той, которую онъ проявилъ часъ тому назадъ, такъ неожиданно явившись на пароходѣ... За кофе онъ угощалъ моряковъ коньякомъ и ликерами, принесъ коробку толстыхъ египетскихъ папиросъ и поставилъ ее на столъ открытой, для общаго пользованія. Капитанъ, еще молодой человѣкъ съ умными и твердыми глазами, во всемъ

старающійся быть европейцемъ, завелъ рѣчь о колоніальныхъ задачахъ Европы, о японцахъ, о будущемъ Дальняго Востока. Внимательно слушая, англичанинъ возражалъ, соглашался. Говорилъ онъ складно и не просто, а такъ, точно читалъ хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкалъ, еще внимательнѣе прислушиваясь къ шороху волнъ за открытыми дверями. Отъ грозы ушли. Давно потонула въ черномъ бархатѣ долго переливавшая алмазами цѣпь огней Коломбо. Теперь пароходъ былъ въ безграничной тьмѣ, въ пустотѣ океана и ночи. Столовая помѣщалась на палубѣ, подъ капитанскимъ мостикомъ. И тьма рѣзко чернѣла въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, она какъ-бы стояла и глядѣла въ ярко освѣщенную столовую. Влажно дуло изъ этой тьмы — влажнымъ, свободнымъ дыханіемъ чего-то отъ вѣка свободнаго — и свѣжесть, доходя до сидящихъ за столомъ, давала имъ чувствовать запахъ табачнаго дыма, горячаго кофе и ликеровъ. Но порою свѣтъ электричества вдругъ падалъ — двери, окна мелькали блѣдно-синими квадратами: беззвучно и несказанно-широко распахивалась вокругъ парохода голубая бездна безднъ, блистала текучая зыбь водныхъ пространствъ, угольной чернотой заливало горизонты — и оттуда, какъ тяжкій ропотъ самого Творца,

еще погруженнаго въ довременный хаосъ, доходилъ глухой, мрачный и торжественный, все до основанія потрясающій гулъ грома. И тогда англичанинъ какъ-бы каменѣлъ на минуту.

— Въ сущности, это страшно! — сказалъ онъ своимъ мертвымъ, но твердымъ голосомъ послѣ одного особенно ослѣпительнаго сполоха. И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, зіявшей темнотой. — Очень страшно, — сказалъ онъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собой. — И страшнѣе всего то, что мы не думаемъ, не чувствуемъ и не можемъ, разучились чувствовать, какъ это страшно.

— Что именно? — спросилъ капитанъ.

— А вотъ хотя-бы то, — отвѣтилъ англичанинъ, — что подъ нами и вокругъ насъ бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой такъ ужасно говоритъ Библія... О, — строго сказалъ онъ, вглядываясь въ темноту: — и вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пѣны, и чернота вокругъ этой пѣны черно-лиловая, цвѣта воронова крыла... Это очень жутко — быть капитаномъ? — серьезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, почему-же, — отвѣтилъ капитанъ съ притворной небрежностью. — Дѣло скучное, отвѣтственное, но въ сущности несложное... Все зависитъ отъ привычки...

— Скажите лучше — отъ нашей притупленности, — сказалъ англичанинъ. — Стоять вонъ тамъ, на вашемъ мостикѣ, по бокамъ котораго мутно глядятъ сквозь толстое стекло два этихъ большихъ глаза, зеленый и красный, и итти куда-то въ тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокругъ, — это безумiе! Но, впрочемъ, не лучше, — прибавилъ онъ, опять заглядывая въ двери: — не лучше и лежать внизу, въ каютѣ, за тончайшей стѣной которой, возлѣ самой твоей головы, бьетъ и переливается эта бездонная хлябь...Да, да, разумъ нашъ такъ-же слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако кроты не плаваютъ по всему земному шару, — усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ. — Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, безпроволочнымъ телеграфомъ... Вотъ хотите — я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно, — сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика. — Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти и то не боимся по-настоящему: ни

жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти — ни своей собственной, ни чужой! Я полковникъ англійской арміи, участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями — и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда.

— А звѣри, дикари — думаютъ? — спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ, — сказалъ англичанинъ и замолчалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь тверже ступать своими бальными ботинками.

Сполохи отдаленной грозы, уже розовые, мелькавшіе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями шумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ непріятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимаетъ, потомъ валитъ на бокъ, разступается — и полъ все глубже уходитъ изъ-подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали браться за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ ку-

рилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ двери, раздражая своей чернотой, очками и серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убиравшагос со стола.

— Да, да, — сказалъ онъ: — намъ страшно только то,что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то разсудкомъ или же только остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушать себѣ эту боязнь, увеличить ее — и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ того непонятнаго и ужаснаго, чѣмъ полна человѣческая жизнь... вотъ, какъ не чувствую и я того, что самъ же назвалъ страшнымъ, — сказалъ онъ, показывая на открытую дверь, за которой шумѣла черная темнота, уже высоко поднимавшая съ носа и валившая скрипящій переборками пароходъ то на одинъ, то на другой бокъ.

— Это на васъ Цейлонъ такъ подѣйствовалъ, — машинально замѣтилъ капитанъ.

— О, несомнѣнно, несомнѣнно!—согласился англичанинъ. — Мы всѣ, — коммерсанты, техники, военные, политики, колониза-

торы, — мы всѣ, спасаясь отъ собственной притупленности и пустоты, бродимъ по всему міру, — вѣдь вы согласитесь, что число путешествующихъ европейцевъ растетъ со сказочной быстротой, что уже весь земной шаръ пестритъ плакатами и расписаніями, — и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, уцѣлѣвшимъ отъ какихъ-то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя въ Греціи, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлищѣ, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшеныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плывемъ въ Индію, въ Китай, въ Японію — и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно ограбляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ слабой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету, я не разъ чувствовалъ, что могъ

бы поклоняться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины, — сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ какъ глаголъ самого Маеусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только благодаря Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я сотнями убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ, отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ съ голоду, въ Японіи покупалъ дѣвочекъ въ мѣсячныя жены, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ обезьяноподобныхъ стариковъ, на Явѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго хрипа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнь печени, — только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что еще живутъ или младенчески-непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе, и смерть, и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ пути, мы, люди новаго желѣзнаго вѣка, стремимся поработить, подѣлить между собою, и называемъ это нашими колоніальными задачами.

И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, тогда въ мірѣ опять воцарится власть какого-нибудь новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непремѣнно повторится и то, что предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библіи, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму — Апокалипсисъ, а Индіи, арійскимъ племенамъ, поработившимъ ее, — Будда, говорившій: «О, вы, князья, властвующіе, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадность свою, ненасытно потворствующіе своимъ похотямъ!..» Будда понялъ, что значитъ жизнь Личности въ этомъ «мірѣ бываніе», въ этой вселенной, который мы не постигаемъ, — и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ, — и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человѣкъ въ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ этомъ страшномъ Все-Единомъ, — только тамъ понима-

емъ въ слабой мѣрѣ, что значитъ эта наша жалкая Личность... Знаете-ли вы, — сказалъ онъ, останавливаясь и блестя очками на капитана, — буддійскую легенду?

— Какую? — спросилъ капитанъ, уже тайкомъ зѣвнувшій и посмотрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны — и воронъ, томимый «желаніемъ», палъ за нимъ и, выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее; когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата — и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ Смерть... Ужасная легенда!

— Да, это очень значительно, — сказалъ капитанъ равнодушно.

Англичанинъ замолчалъ и опять пошелъ отъ двери къ двери. Изъ шумящей темноты слабо донеслись отрывистые и, какъ всегда въ океанѣ, печальные звуки второй склянки. Капитанъ, посидѣвъ изъ приличія еще минутъ пять, поднялся, пожалъ руку англичанину и пошелъ въ свою большую покойную каюту. Англичанинъ, что-то думая, продолжалъ хо-

дить. Лакей, протомившись въ буфетѣ еще съ полчаса вошелъ и съ сердитымъ лицомъ сталъ тушить электричество, оставилъ только одинъ рожокъ. Англичанинъ, когда лакей скрылся, подошелъ къ стѣнѣ, потушилъ и этотъ рожокъ. Сразу палъ мракъ, шумъ волнъ сразу сталъ какъ будто слышнѣе, и сразу раскрылись въ окнахъ звѣздное небо, мачты, реи. Пароходъ скрипѣлъ и лѣзъ съ одной водяной горы на другую. Онъ размахивался все шире, подымаясь и опускаясь, — и въ снастяхъ широко носились, взлетая то въ бездну кверху, то въ бездну книзу, Канопусъ, Воронъ, Южный Крестъ, по которымъ еще мелькали розовые сполохи.

Капри. II. 1914.

ПРИ ДОРОГѢ.

I.

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два безпріютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо зараставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ за большой дорогой терялся далекій дубовый лѣскокъ; въ той сторонѣ было и село — однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣцы, колеи, изрѣзавшія всю дорогу, затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ, — говорили, что онъ убилъ жену изъ ревности, — жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ

оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были однѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, потомъ какая-то нищенка, потомъ старшая дочь, Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ Володей. А самъ часто отлучался изъ дому — и росла босоногая, молчаливая Парашка одиноко.

Однажды, — ей шелъ тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселилась въ Баево, — гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлаютъ — покупаетъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика. Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и полыни. А за ними шли собаки съ высунутыми красны-

ми языками, запекшимися и запыленными за-день, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ, и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, прохожимъ, попрости у отца сѣрничка...

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ. Въ лохматьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштанникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно-блѣдный и съ запухшими глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце...

— Отца дому нѣтути, — отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ, — сказалъ старикъ. — Все катается, а ты одна растешь... «Вечоръ наша перепелушка, — сказалъ онъ, глядя на землю: — вечоръ наша

рябая всее ноченьку прокликала, всее темную, прорюкала...» Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подъѣхалъ верховой, по-степному поджимая ноги въ стременахъ подъ брюхо своего толстогрудаго киргиза, умореннаго, но все горячившагося, задиравшаго назадъ большую голову на короткой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, — знали его манеру разговаривать, — на Парашку внимательно. Малый былъ очень длиненъ и тонокъ, съ покатыми плечами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ арестантскомъ картузѣ. А верховой — сухощавъ, но широкъ, очень смуглъ и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю, — сказалъ онъ, глядя съ сѣдла на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и грязную сорочку. — Богатый плутъ... Ступай въ печуркѣ, либо за образами поищи, — прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго, плотнаго и легкаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣгала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣщанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго сухого и замасленнаго казацкаго сѣдла, расправляя короткія ноги. Малый отошелъ,

пристально смотрѣлъ куда-то въ поле. Взявъ спички, молча пошелъ прочь и мѣщанинъ, повелъ киргиза къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но Парашка навсегда запоминала его пропыленный пиджакъ, лоснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими носами и широкими голенищами, грязный воротъ вышитой рубахи и то, что все лицо его было, точно порохомъ, усѣяно синеватыми точками угрей, что на смуглыхъ скулахъ его вились рѣдкіе, жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, жесткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ на нее, уходя, и поразилъ ее красотою своихъ твердыхъ глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, опять сказалъ ей на прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители... Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Попомни, что сказалъ тебѣ страшный старый босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся...

А потомъ на парахъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночевалъ гуртъ, долго пылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла — отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доитъ на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. «Вечоръ наша перепелушка...»

— вспомнила она слова старика — и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую, одинокую перепелку, трюкающую въ темномъ, неоглядномъ разливѣ хлѣбовъ... Все краснѣй горѣлъ костеръ — и онъ, этотъ черноглазый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, и его горячій желтозубый киргизъ были тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подъѣхалъ къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ возлѣ печки.

— Батюшка! — негромко позвала Парашка.

— Аюшки? — отозвался отецъ вполголоса.

— Это какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты какая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ,

— Да онъ не босой Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка разсказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, балымашевскій гуртъ гонятъ, — сказалъ онъ, не слушая толкомъ и перевѣши-

вая наборную узду съ одного колка на другой.

— То-то, я гляжу, костеръ горитъ...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ

— А это оттого, что онъ киргицъ называется, — сказалъ отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ, хоть и старыми попадаютъ къ намъ. Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросаютъ... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на ляжкѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь, а изъ тавра, изъ косяка киргицкаго... Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ. — А я въ холодную пойду, тамъ закушу...

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра... И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминающаго, слушая отца, горячо, но негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ

погубитъ, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнялась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца... Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хороводахъ, пѣть и плясать съ ними, притворяясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгеніи. Евгенія тоже навѣщала ее, — она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Миловидную, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ сестрой Евгеніи: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; странно было видѣть ея скуластое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ оваломъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не проста, не спокойна была эта любовь.

Она любила отца застѣнчиво, той обостренной любовью, которой часто любятъ дочери вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печки было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью — вспоминалась однодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало понятномъ, что случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, разсказывала Евгенія, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣніе: да такъ-ли, правъ-ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣздчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной поддевкѣ. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ,

даже добръ, но всѣ его побаивались: ужъ очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивалъ головою, все приподнимая со лба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пытливо, поддакивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но вѣдь лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно проявляется у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Многое одинаково затаивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспринимали: какъ, напримѣръ, волновалъ ихъ обоихъ видъ цыганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы, къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было убегъ за цыганами, — сказалъ однажды Устинъ, усмѣхаясь.

— Да что-жъ? Одумался? — спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка, — сказалъ Устинъ уже безъ улыбки. — Сгоряча дѣлать не годится...

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего, — отвѣтилъ онъ не сразу — и поглядѣлъ въ сторону. — А то кровь въ глаза кидается, бѣду творитъ...

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только таинственностью отца, его прошлаго, его разъѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зимою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хоть три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ, по часамъ стояла она на немъ, чуть осѣвъ на одну ногу, чуть склонивъ къ плечу голову и держась сзади за отстающую отъ спины кофточку обѣими руками. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметавъ по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ мочальные, а гдѣ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагалъ стороной бродяга, отставляя на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хоть и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за подаяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣжала посединѣ дороги захудалая помѣщичья тройка: звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго тарантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно

всматривалась въ провожатыхъ, вспоминая бѣду, предсказанную ей... Морями разливались по полямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впереди, за дорогой, блестѣвшей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватые клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ ясной матовой лазурью небосклона... Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь — это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ Устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она шла на ярмарку — продавать свою больную, костлявую лошадь, которая съ повисшими поводами стояла передъ нею. Она разложила возлѣ себя спички, жестянку съ махоркой, курила, положивъ нога на ногу въ расчищенныхъ стоптанныхъ башмакахъ, и улыбалась, глядя на Парашку, возившуюся въ пыли возлѣ нея. «Что жъ, отецъ не прогналъ еще *любовницу-то?*» — сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наитіемъ угадала его сокровенный смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда случалось ей не во-время забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца однодворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснямъ. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: «Уснулъ, уснулъ мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...» Всѣ подруги готовились только къ одному — къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: «Батюшка распутный, онъ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!» А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ея мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. «Батюшка дома?» — глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входившаго и выходившаго Володю, высокаго худого мужика. Онъ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, картаво бормоталъ: «Сто-жъ не раздѣваешься?» А сестра медленно

мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: «Я на минутку...» Была она въ промерзлыхъ лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяжной корсеткѣ, туго застегнутой на полной груди, и крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, избянымъ дымомъ и ржанымъ хлѣбомъ, который она не спѣша жевала. «Охъ, что-жъ это я сижу-то!» — говорила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла, но не домой, а на варокъ, къ Володѣ. Парашка кинулась къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную муть въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала...

III.

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувствовать себя взрослой и порою заводила съ нимъ странныя бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лампочки, коптившей на столѣ, какія-то истертыя бумажки, вынимая ихъ изъ за пазухи, изъ кармана поддевки. Онъ напряженно соображалъ что-то, шевеля губами, и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по

бумажкѣ передъ тѣмъ какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печки, пряла: сучила, доила нитку лѣвой рукой, а правую отставляла — ловко пускала до самаго пола волчокъ веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ раскрытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была хороша: она сама чуяла это по тѣмъ страннымъ и ласковымъ взглядамъ, что порою, отрываясь отъ работы, кидалъ на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прялки и жужжала колесомъ.

— Батюшка, — сказала она вдругъ: — ты всегда былъ такой красивый?

— А что? — спросилъ онъ, по своему обыкновенію, вполголоса. — Всегда. А что?

— Чего-жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю, — отвѣтила она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы, — сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто. — Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что-жъ пытать? Я вся наружи...

— Толкуй! — сказалъ онъ. — Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей крови... А онъ, какъ-бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, высматривать человѣка хорошаго, красиваго...

— У тебя-жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое, — отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать...

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея

голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступилъ румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ нихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой-то непонятной радости и еще болѣе непонятнаго горя, Ахъ, да кто-жъ могъ быть красивѣе и лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянцевитѣе и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы... Шестнадцатая весна! Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ пріѣзжать сваты къ отцу, узаконится ея право любить и выбирать... хотя, конечно, никогда, ни за кого на свѣтѣ не выйдетъ она. Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ... Провожая сестру, она долго стояла на порогѣ. Пѣли пѣтухи — она слушала ихъ, закрывая глаза. Дремалъ сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волнующее карканье первыхъ грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная

дорога — и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капели, куры стояли подъ ними, тоже дремали — и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвивался на цѣпи подъ амбарами жарко дышавшій песъ... Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлилъ ея одиночество. Володя, живший уже пятый годъ, былъ страшенъ и противенъ ей — съ того самаго вечера, когда Евгенія вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ... Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его, — но вѣдь думала же она объ этомъ... И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недуренъ, — пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ. Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую вилъ, сидя на коникѣ, вертѣлъ цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ — онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она ни заводила рѣчь, онъ все сводилъ на то,

кто у кого живетъ въ работникахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хоросую, хоросую залованью получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались слюнявыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съѣдая таявшіе снѣга, и она дѣлалась красивѣе, тревожнѣе, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ оброть съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшкалъ, начиналъ шутками: «Гдѣ-й-то тутъ оброть покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку весть...» Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно посматривая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось — еще минута, и она будетъ въ его полной власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступитъ! Духу твоего тутъ не останется, побирушка чортъ!

IV.

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, пѣгими стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля; настала Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка поѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Непріютно гудѣли голыя лозинки на окраинахъ села, изъ-за нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли сине-бѣлесыя тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что дулъ изъ-подъ тучъ, была весна, свѣжесть. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ, который правилъ дорогой сытой лошадью.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, но бѣднымъ и чужимъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ раннихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши, — во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмурясь отъ снѣга,

Парашка и Устинъ отвернулись, нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала исподлобья — и сердце ея заходилось отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣпъ? Держи правѣе!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ — поднявшаго воротъ чуйки и тоже отвернувшагося отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее — и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ ему Устинъ веселымъ крикомъ. — Завтра праздникъ большой!

— Виноватъ, Устинъ Прокофичъ, — отозвался мѣщанинъ. — Ничего не видать...

И телѣги разъѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— Ай ты его знаешь?

— Кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ. — Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахнула лицо

шалью, задержала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. Эту неожиданную встрѣчу она приняла какъ должное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба.

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его горячіе глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаноромъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаетъ: не уѣхать-ли «на низы», въ Ростовъ, гдѣ кто-то нанимаетъ его. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Устинъ хмелѣлъ; но онъ не мѣнялся, хотя пилъ больше Устина, и много говорилъ. Она не вникала въ то, что онъ говоритъ, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не поднимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ-бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и побѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ днямъ стояла на порогѣ и

нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка, ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. «Какъ только онъ пріѣдетъ, — думала она, — повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ...» Но прошелъ почти мѣсяцъ, завернули майскіе холода съ дождями — его все не было. Наканунѣ Николы она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что смоклась вся подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно вставать, прибирать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ василька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба, за которыми

влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣнцахъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: «страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...», и стала ждать, пока самоваръ раскипится еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнущій дождемъ и затхло—мокрымъ армякомъ. Но только что хотѣлъ онъ подойти къ ней, почуявъ, что сейчасъ она податлива, какъ возлѣ рамы двери показалась голова высокой лошади и чей-то бодрый голосъ остановилъ ее. Володя твердо прошелъ дальше, отворилъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово! — смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогѣ. — Ловко попалъ, прямо подъ чай...

И, засмѣявшись, снялъ картузъ и отряхнулъ его. Черная поддевка лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперь совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что при отцѣ. Помолчалъ и онъ, — слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби, — потомъ покосился къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту, — отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой синѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко, — сказалъ онъ и похлопалъ кнутомъ по своимъ широкимъ голенищамъ. — Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила оан, слабо улыбнувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду, — сказалъ онъ. — Благо придирка есть... Я прямо самъ не свой, какъ соскучилсч по тебѣ, — добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣрищь? — сказалъ онъ, осторожно обнимая ее. — А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала, — съ трудомъ отвѣтила она. — Пусти, — безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и заговорилъ уже съ искренней горячностью:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери...

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнулъ голову, нашелъ ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыханіе отъ этого насильственнаго и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперь шабашъ мнѣ! — сказалъ онъ, садясь въ телѣгу. — Потерялъ я свой спокой навѣки...

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ, на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V.

Онъ заѣзжалъ еще раза два, но все не во-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгеніи. Съ женой, съ отцомъ и съ мачехой отъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новыми войлоками и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ солдата, коротконогій мужикъ въ черной бородѣ съ сѣдиной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдясь женатаго сына, женился въ третій разъ, на хромой бабѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудями. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, вѣрно, отъ неловкости. Отъ неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ѣли тоже неумѣренно, угощая другъ другъ съ излишней настойчивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками, намеками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боялась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро захмелѣли, кромѣ Евгеніи, которая только блѣднѣла отъ водки и грубо, властно вырывала стаканъ у своего пьянаго солдата, притворявшагося злобнымъ и серьезнымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка, когда онъ вполголоса, но твердо, перебивая все объяснявшагося ему въ любви солдатова отца, говорилъ ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство троеженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она тоже такъ и сыпала

пословицами, обрѣзая Устина. Володя пытался перевести безпорядочный и тревожный разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ, о жалованіи. Его никто не слушалъ. Онъ непріятно раскраснѣлся, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолкнулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ сани, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмелю всякій стыдъ, отецъ солдата, шатаясь, принесъ изъ своей телѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, требуя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдатъ, съ помутившимися глазами, въ растегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамьѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и бѣшено, отрывисто задергалъ «кабы курочка бычка родила»... Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромая и затрясла козьими грудями. Лицо Евгеніи окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запу-

стивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли его глаза.

— Дочка! Поди сюда! — крикнулъ онъ строго, не въ ладъ со словами сдвигая брови. — Поди поцѣлуй меня!

— Ты пьяный, — отвѣтила Парашка. — Глаза бъ мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужки, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки... Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый... Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе — растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь — свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились огромныя матовыя облака — небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избою, и солома въ ней серебрились.

Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата — боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестѣлъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестѣла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бормоталъ. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшетахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то разсказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, «присвоитъ» къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича. И некстати прибавлялъ:

— Теперь шабашъ, теперь Россія никуда... А раньше у насъ золото какъ рыбья шелуха валялась!

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сіяла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него — его высокая лошадь

подъ сѣдломъ. Лицо его отъ луннаго свѣта мѣняло выраженіе.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ. — Сейчасъ встрѣтилъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровитъ — «въ село иду», а Евгенія его назадъ тащитъ...

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ея ледяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянувъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, тупо глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падавшую сквозь дыру крыши въ темноту, притиснулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— Погоди, за ради Бога погоди... «Энтихъ нѣту ужъ денъ, что летѣли стрѣлой, что любовью насъ жгли, что палили огнемъ»... Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, вдаримся мы въ степи, на Кавказѣ, — на однихъ лошадяхъ тысячи наживемъ... Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые, — среди овецъ и собакъ, на старомъ, тавреномъ киргизѣ, — обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣж-

ности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками, притворяясь страстной. И онъ понялъ ее. Ей стало больно, гадко, захотѣлось дико закричать... Но она подавила въ себѣ этотъ крикъ отъ стыда, что онъ сочтетъ ее дѣвчонкой, что обнаружится, что она хотѣла только поиграть въ любовницу.

VI.

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ее, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала головой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что пріѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней... «Приду, приду», — отвѣтила она. «Смотри же, не обмани», — сказалъ онъ неестественно, понявъ, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стременемъ, поднимаясь на сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь... Она то глядѣла на полосу лунного свѣта, то опускала глаза

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ

ей: «смотри же, не обмани», — она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокъ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. «Да теперь все равно!» — подумала она. Володя скрылся. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать. Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это только во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и пріѣзжалъ. Казалось, что, посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отъѣздами и пріѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметъ; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось

все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; близилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ, — и некуда было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаяннаго праздника, что нарушилъ будни на хуторѣ, хуторъ сталъ какъ будто еще молчаливѣе. И напряженная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣтлыхъ поляхъ.

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда, имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустяковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя, былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только прекратилъ любовныя попытки. Что это значило? Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взялъ бы лучше да разсказалъ отцу все, что видѣлъ!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтоносномъ блескѣ млѣли въ высокомъ млѣющемъ небѣ, надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть видныя сіяющія обла-

ка, возлѣ амбара остановилась пара лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая, какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видъ у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и на крыльяхъ поса — пыль. Она, задумчиво говоря все одно и тоже, выражая сожалѣніе, что не застала Устина, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою оставленную ногу, барыня — не то въ землю, не то себѣ переносицу. Потомъ, пришурившись, стала разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова? — спросила она вдругъ подозрительно.

Парашка просто и твердо отвѣтила, что здорова: но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣлась въ зеркало, сидя на лавкѣ возлѣ окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить — какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу пойметъ все, что случилось — и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи жила она, какъ много думала все объ одномъ и томъ

же, сколько смутныхъ плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то... Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ — и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его! Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной неизлѣчимой болѣзнью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она незамѣтно для самой себя давала волю сердцу — и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то — и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: «я вся наружи передъ тобою» и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, ночевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истоп-

талъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. «Для тебя, дочка, для тебя одной» — вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Но вотъ разъ вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли, черныя стрѣльчатыя касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колеи и вошелъ въ избу.

— Здравствуй, — сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога. — Никого нѣту?

— Никого, — отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и

жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что паказалось ей первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокруженіе вызвало даже сознаніе преступности, какой-то противоестественности того,что сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и итти за нимъ. И она молча встала, пошла — и отдалась ему уже съ неподдѣльной страстью.

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ онъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми клосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ, особымъ вѣтромъ близкаго іюля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба, и мягко жужжали сухія, жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Не вѣря ни одному слову Никанора, Па-

рашка, ослабѣвшая послѣ страстнаго потрясенія, затихшая, съ опущенными глазами, опять мечтала о какой-то счастливой далекой странѣ — о той, гдѣ юго-восточный небосклонъ, съ дѣтства манившій ее непонятной прелестью своихъ красокъ, своей загадочной далью...

VII.

Никаноръ сказалъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устинъ уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщалъ Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что есть духу по проселкамъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Ночуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣдныхъ логахъ среди хлѣбовъ, куда ни одинъ чортъ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человѣкъ: ему-то они и сбудутъ кобылъ за три, за четыре сотни, и составится тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова

добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое? — спросила Парашка.

Никаноръ съ усмѣшкой сдвинулъ ей платокъ на лицо.

— Ну, ты по этой части еще тупорыла, — сказалъ онъ.

Парашка поправила платокъ.

— Лучше бы ночью, — сказала она серьезно.

— Да что ты! — насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая папиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя? — спросила Парашка, разглядывая свои маленькія бѣлыя ноги.

— Скоро дѣлаютъ, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чуетъ ея муки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ? — подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты? — спросилъ удивленный Никаноръ.

Она не отвѣтила и заплакала пуще.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ? — грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань! — крикнула она въ отвѣтъ съ такой ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, будя, будя, — сказалъ онъ смущенно. — Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она опять стихла, опять отупѣла.

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской, Устинъ, какъ нарочно, сидѣлъ дома. Приходила Евгенія — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совсѣмъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгеніи. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала — тупость, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Она даже загадочно и пристально поглядывала на Володю, какъ бы говоря: «Ты молчи о томъ, что знаешь, — будетъ и тебѣ кое-что»... И онъ, казалось, понималъ ее, онъ молчалъ. Злоба и отвращеніе къ Никанору не проходили, но воспоминаніе о томъ, что было въ послѣдній разъ подъ дубками, сладостно отнимало руки, ноги, при мысли о бѣгствѣ, — въ которое она все-таки плохо вѣрила, чувствуя невозможность разлуки съ отцомъ, — кололо въ сердце. Спала

она эту недѣлю очень много — и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то горячо говорилъ подъ окномъ отецъ... Ново было только то что теперь Парашка чувствовала себя женщиной, — о, какъ страшно было это чувство! — что какъ ледъ холодны были руки и ноги у нея, что дрожало мелкой дрожью сердце, чужое ей, а пустая, какая-то просторная голова напрасно пыталась поймать и задержать хоть единую мысль. Внезапно привставъ, она вынула лѣвую грудь и сквозь сумракъ долго силилась разсмотрѣть ее: не потемнѣла ли она? Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь? — негромко спросилъ отецъ, останавливаясь у порога.

— Нѣтъ... — съ трудомъ пробормотала она, поспѣшно пряча грудь.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса — и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ

возлѣ нея и положилъ на ея полуобнаженное плечо руку. Рука его дрожала.

— Дочка, что съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его пріятнаго дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки. — Ты не таись, — еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермягой поддевки. — Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. «Батюшка! — со слезами хотѣла крикнуть она — и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою муку и безпомощность. — Батюшка, — хотѣла она сказать, — онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю...» Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совсѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ-подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она забилась въ уголъ, протянула впередъ руки. а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что ты? Что ты? Да ты что подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянѣвшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

«А-а! Такъ вотъ оно что!»

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестественно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телѣги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала какъ они съ Володей сѣли и тронулись... Съ кашачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула...

А день насталъ глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и бѣлесы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тусклыя, засиженныя мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣснѣе обступило и дворъ и до-

рогу, тускло блестѣвшую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелые колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растерянно оглянулась и попыталась вспомнить: что это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ пріѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что придумала ночью и что надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Безпорядочно и тупо думая, она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подъ мышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась босой ногой горячаго камня у порога. Бѣлый песъ съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небосклонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ бѣлый картузъ, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ странный, какъ будто удивленный.

— Что же ты? — быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта. — Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась прямо къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечомъ и чувствуя что и ворота горячи отъ солнца, она со скрипомъ распахнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу она пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ въѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — «да что жъ ты не одѣлась-то?» — и повернулъ лошадь къ воротамъ. На двери денника висѣлъ большой замокъ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту, — сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ навѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей — и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ свой бѣлый картузъ, мокрый отъ пота, Никаноръ, съ тяжевой оброть ю въ рукѣ, вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ, гдѣ, отшатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка, сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко спотыкнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскакнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у вортъ, всхрапнула — и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка — въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь.

Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ.

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала — и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее далеко за городомъ, только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Анакапри. III. 1913.

СВЯТЫЕ.

Домъ былъ полонъ гостей, — гости бывали часто и гостили подолгу, — свѣтлая морозная ночь сверкала звѣздами за мелкими стеклами старинныхъ оконъ. Къ кафельнымъ печкамъ подойти было нельзя, — такъ накалили ихъ. По всѣмъ комнатамъ горѣли праздничныя лампы, въ самой дальней, диванной, даже люстра, мягко игравшая хрусталемъ, смуглозолотистымъ отъ времени. Въ гостинной сдавали на трехъ зеленыхъ столахъ, за высокими канделябрами, въ блескѣ свѣчей. Въ залѣ столъ былъ уставленъ закусками, посудой и разноцвѣтными графинами: гости то и дѣло со смѣхомъ выходили изъ гостиной, наливали рюмки, чокались и, потыкавъ вилками, возвращались къ картамъ. Въ буфетной кипѣлъ ведерный самоваръ: старикъ-буфетчикъ волновался, ссорился съ Агафьей Петровной, шипѣлъ и замахивался серебряной ложкой на Устю, накладывая граненыя вазы вареньемъ, наливалъ стаканы чернымъ чаемъ и посылалъ подносы въ гостиную. Вся лакейская

была завалена хорошо пахнувшими шубами, шапками и лисьими поддевками... А тамъ, въ дядиныхъ комнатахъ, сидѣлъ Арсеничъ.

Дѣти заходили и въ лакейскую и въ буфетную, стояли возлѣ играющихъ въ гостиной; отъ-нечего-дѣлать таскали со стола въ залѣ кружочки колбасы, смотрѣли въ нижнія стекла: видно было глубокое небо въ рѣдкихъ острыхъ звѣздахъ, снѣгъ, солью сверкавшій подъ луною, длинная волнистая тѣнь дыма изъ поварской; а дальше, за бѣлыми лугами — высокіе косогоры, густо поросшіе темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, сказочно посеребреннымъ сверху. Подражая гостямъ, дѣти говорили другъ другу «вы».

— Мить, а Мить, — сказалъ застѣнчивый Вадя, наглядѣвшись въ окно: — а вы нынче пойдете къ Арсеничу?

— А вы? — спросилъ Митя, какъ всегда, очень строго. — Я непремѣнно пойду.

И, оглянувшись на гостиную, на буфетную, — ходить къ Арсеничу запрещалось, потому что у него было очень холодно, — дѣти медленно, какъ будто гуляя, перешли залъ и вдругъ быстро шмыгнули за небольшую дверку возлѣ печки въ углу — въ тѣ необитаемыя комнаты, гдѣ жилъ и умеръ дядя-охотникъ и гдѣ теперь гостилъ Арсеничъ, раза два-три въ годъ приходившій повидать своихъ господъ.

Домъ жилъ своей жизнью, веселой, праздничной, эти комнаты своей — бѣдной, всѣмъ чужой. Но Арсеничъ наслаждался своей близостью къ той, первой. Два-три раза въ годъ, — и всегда зимой, при гостяхъ, — барынѣ докладывали, что онъ стоитъ у крыльца. Она приказывала сказать ему, чтобы онъ шелъ въ дядины комнаты, и Агафья Петровна посылала ему самоваръ, колбасы, бѣлаго хлѣба, графинчикъ водки. Арсеничъ, сидя весь день одинъ-одинешенекъ, пилъ чай, курилъ, сладко плакалъ и поздно ночью, — непремѣнно вмѣстѣ съ господами, — укладывался, усталый и растроганный, на соломѣ возлѣ печки. Проживъ такъ съ недѣлю, насмотрѣвшись съ задняго крыльца, какъ разъѣзжаются гости, онъ искалъ случая увидать барыню и, накланявшись ей, нѣсколько разъ поймавъ ея руку для поцѣлуя, удалялся на деревню, на свою квартиру у мужика. Это и называлось — повидаться со своими старыми господами.

Дядиныхъ комнатъ было всего двѣ. Теперь въ первой комнатѣ было темно, только на полу лежали и наполняли темноту таинственнымъ свѣтомъ два бѣлыхъ частыхъ переплета; пахло тутъ сѣдлами дяди и крысами. Въ другой сумрачно, дрожащимъ пламанемъ полыхала на кухонномъ столѣ возлѣ остывшаго самова-

ра толстая сальная свѣча въ черномъ жестяномъ подсвѣчникѣ и густыми волнами плавалъ дымъ: посылали Арсеничу и табаку, но слабаго, турецкаго, и Арсеничъ, чтобы накуриться, принужденъ былъ курить безъ передышки. Топили тутъ рѣдко, окно на четверть, съ верху до низу было запушено сѣрымъ иней, и отъ него несло морозомъ. Большая черная картина висѣла въ углу вмѣсто образа: на рукахъ чуть видной Богоматери деревянно желтѣлъ нагой Іисусъ, снятый со креста, съ запекшейся раной подъ сердцемъ, съ откинутымъ назадъ мертвымъ ликомъ. Арсеничъ, взлохмаченный, какъ кипень сѣдой, красный и небритый, въ истертомъ дядиномъ пиджакѣ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя одну ногу въ валенкѣ, на табуретѣ возлѣ стола. Онъ курилъ толстую вертушку и въ какой-то радостной задумчивости плакалъ горькими слезами, не стирая крупныхъ капель, катившихся по носу. Какъ всегда, дѣти, не спуская съ него любопытныхъ глазъ, подошли къ столу и стали пристально разглядывать сизыя отъ холода старческія руки, воротъ грязной ночной рубашки, тоже дядиной, и красное, измятое, въ колючемъ серебрѣ лицо. Арсеничъ, стыдливо отвернувшись, сталъ искать по карманамъ свой ужасный носовой платокъ.

— Вы опять свои дудки курите? — спро-

силъ Вадя, остановивъ большіе чистые глазки на этой ветошкѣ, давно и бережно хранимой.

— Опять, сударь, — покорнымъ шопотомъ, тихо и радостно улыбнувшись, отвѣтилъ Арсеничъ.

— И водку пили? — спросилъ Митя, какъ всегда, очень серьезно.

— Пилъ и ее, окаянную...

— Всю?

— Всю-съ, — прошепталъ Арсеничъ. — Только вы за ради Бога не сказывайте мамашѣ про мои слезы. Это я не отъ этого-съ. Сами изволите знать — не первый разъ...

— Я ни за что не скажу, — сказалъ Митя твердо. — А вы? — спросилъ онъ Вадю. — Вы вѣдь тоже не скажите?

Вадя, что-то думая, нѣжно покраснѣлъ, поспѣшно перекрестился и помоталъ головой. Изъ зала доносился смѣхъ, говоръ. Кто-то, на время освободившійся отъ картъ, игралъ на фортепьяно польку Анну. Слушать старинные звуки было и пріятно и грустно. Слушая и думая что-то, Вадя спросилъ:

— Вы бѣдные?

Арсеничъ вздохнулъ.

— Бѣдность не бѣда-съ, и въ богатствѣ, напримѣръ, пропадаютъ люди, — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ ваша мамаша мѣщину выдаютъ и рубль серебромъ денегъ, а за квартеру я не

Богъ вѣсть что плачу, всего четвертакъ въ мѣсяцъ... Въ этомъ случаѣ я на Бога не жалуюсь.

— Вы теперь умрете скоро, — сказалъ Митя.

— Сущая правда ваша-съ. Полагаю, даже нонѣшней зимой.

— А охотникомъ вы были?

— Нѣтъ-съ, этого не привелъ Богъ. Я у вашего дѣдушки буфетчикомъ былъ.

— Вы о дѣдушкѣ плачете?

— Ну, что-жъ о нихъ плакать-съ! — сказалъ Арсеничъ. — Они, напримѣръ, еще въ сорокъ осьмомъ году скончались. Да и прожили по нашему времю не мало — восемьдесятъ семь лѣтъ съ лишкомъ. Я нонче плакалъ по поводу блудницы и мученицы Елены, о судьбѣ ея несчастной...

Изъ-подъ постели Арсенича, изъ-подъ соломы, настланной на полу возлѣ печки, вынырнула мышь, метнулась-было къ столу и побѣжала въ темную комнату. Дѣти проволили ее заблестѣвшими глазами, потомъ, облокотившись на столъ, опять стали разсматривать глянцевитые рукава Арсенича, жилы на его сморщенной розовой шеѣ.

— Ее казнили? — спросилъ Вадя, вспоминая другихъ мученицъ и мучениковъ, о которыхъ постоянно разсказывалъ Арсеничъ.

— Это ужъ какъ водится, — отвѣтилъ Арсеничъ. — Только не мечомъ, не пыткой, а еще хуже того...

— Вамъ ее жалко?

— Понятно-съ, жалко. Только я вѣдь больше не отъ жалости плачу, а, напримѣръ, отъ своего привязчиваго сердца... Что-жъ казнь! Въ этомъ случаѣ не даромъ говорится: всякъ даръ къ дорителю сторицей ворочается... А тутъ даръ былъ не малый, награда-же — безмѣрная. Это дѣло-съ, по старому преданію, такъ было, — сказалъ Арсеничъ, стараясь не глядѣть на дѣтей, отводя отъ нихъ глаза, опять покраснѣвшіе. — Жила-была, напримѣръ, самая что ни на есть отпѣтая блудница, по имени Елена, дѣвушка богатаго роду, отмѣнная красавица и бездушная кокетка...

— А гдѣ она жила? — спросили дѣти, перхая отъ дыма. — Въ лѣсу?

— Нѣтъ-съ, это ей потомъ Господь привелъ жить и пострадать за свою вѣрную любовь въ лѣсу, а сперва она проживала въ столичномъ городѣ, въ пространной и чудной квартерѣ, въ пирахъ, въ веселіи, по баламъ да маскерадамъ, — попросту сказать, блудъ творила за большія деньги. Была же она, напримѣръ, все-таки не настоящая госпожа и называлась промежъ господъ Адель, а брала, конечно, съ кого попало, и съ пьянаго и съ тверезаго,

даже, можетъ, не побрезгала бы приказнымъ твореніемъ, будь у того средства. Ѣздили къ ней первые князья и графы, дѣлали ей подарки изъ послѣдняго, многіе даже руки на себя наложили изъ-за ней... ну только она въ этомъ случаѣ и бровью не вела и была ко всѣмъ, напримѣръ, безчувственна, какъ Ніоба, ни къ кому не питала привязчивости: была у нея вѣчная-безконечная тоска на душѣ. Такая-съ тоска, что и сказать не возможно!

— А вы у ней въ гостяхъ были? — спросилъ Вадя.

— Статочное ли дѣло-съ! — сказалъ Арсеничъ. — Я, сударь, холопъ простой, дворовый человѣкъ всего-навсего. Меня оттуда господа палками выгнали бы; да и подѣломъ было-бы!

— А дѣдушка?

— Дѣдушка — тѣ иное дѣло, но только они тогда, можетъ, и на свѣтъ не рожались еще. Это, сударь, въ старинныя времена было, и тому теперь никогда не бывать, теперь вѣкъ насталъ бездушный... Ну, такъ вотъ я и докладываю вамъ: была эта Елена просто алчная блудница, и множество господъ пропали, напримѣръ, изъ-за ея красы, какъ червь капустный. Только всходитъ однажды въ ея уборныя комнаты, ужъ этакъ поздно вечеромъ, главный ея камердинеръ и докладываетъ,

что желаетъ ее немедленно видѣть молодой и прелестный графъ изъ свиты самой государыни императрицы. Она сидитъ, напримѣръ, за своимъ туалетомъ въ одномъ капотѣ, чешетъ безподобнымъ черепаховымъ гребнемъ роскошныя волны кудрей и отвѣчаетъ, что, молъ, я бы весьма рада, да теперь слишкомъ поздно, я и такъ, говоритъ, изъ-за своей корысти день-денской какъ въ смолѣ киплю и, значитъ, принять его и осчасливить никакъ не могу, беру ванну съ духами, а потомъ спать ляжу, меня тоска съѣла, ненавижу всѣхъ, зрить не могу... Слуга удаляется, но только вскорости опять всходитъ и говоритъ, что, молъ, такъ и такъ... графъ проигралъ въ штосъ все свое состояніе и хочетъ на послѣднія свои средства... — Арсеничъ при этихъ словахъ съ трудомъ овладѣлъ голосомъ... — и хочетъ, говоритъ, на послѣднія свои средства провести ночь прекрасной любви... А будучи, напримѣръ, допущенъ къ ней, несказанно плѣнилъ ее своей младостью и томной грустью, и порѣшили они тутъ же умереть одной смертью въ одинъ часъ и даже мигъ. Да Господь-то, видно, не по-ихнему судилъ! Можетъ, на то вонъ Ея святая воля была, — сказалъ Арсеничъ, поднимая воспаленные глаза и указывая ими на Богоматерь. — Всякія тамъ богини никогда не могли по-нашему страдать и сердечность

имѣть, онѣ только страсть свою питали, а вѣдь Она Сама за Свою любовь къ кресту пошла скорбѣть... Но только Спаситель Ей такъ сказалъ: «Не плачь, Моя мать, дѣва Марія, Моя мука — животъ вѣчный отнынѣ и во вѣки вѣковъ»...

И Арсеничъ, заплакавъ, на минуту смолкъ, по-дѣтски взявъ себя за свой жалкій рукавъ концами пальцевъ и прижимая его къ лицу, облитому слезами.

— Все? — тихо спросили дѣти, подождавъ продолженія.

— Нѣтъ-съ, не все еще, — со вздохомъ облегченія сказалъ Арсеничъ. — Они, докладываю вамъ, умереть рѣшились, и, конечно, молодой графъ тотчасъ-же скончались, а ее этотъ ядъ не могъ взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще почитай на цѣльный годъ жить на бѣломъ свѣтѣ, чтобы, напримѣръ, пострадать и награду получить за свою первую и послѣднюю любовь... Мужское дѣло, конечно, иное... мужчина можетъ, и любя свой предметъ, прельщаться на другихъ, а ужъ женщина нѣтъ, никогда себѣ этого не позволитъ, она, можетъ, оттого и грѣхъ дѣлаетъ, что не нашла себѣ достойнаго... Ну, вотъ такъ и тутъ. Она, конечно, даже въ лицѣ измѣнилась, исхудѣла, стала еще прекраснѣе прежняго и совсѣмъ отвратилась, напримѣръ, отъ

бездушной свѣтской жизни, стала неглижировать своими обязанностями и ужъ ни за какія благи въ мірѣ не соглашалась предать свое тѣло любовной ласкѣ, полюбивши одного до гробовой доски. Тутъ, въ скоромъ-ли, въ долгомъ-ли времени, хозяйка оказалась ей недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякаго отвѣту собрала въ ночное время всѣ, напримѣръ, свои браліанты, злато и серебро, всякіе тамъ самоцвѣтные камни и брошки, какіе ей надарили, завязала ихъ въ узелочекъ да и удалилась въ садъ, а изъ саду — въ чистое поле, въ дремучій лѣсъ, гдѣ, можетъ, только одни орлы скрыжутъ да рыси по дубамъ прядаютъ. Взяла она, значитъ, съ собой лишь этотъ узелокъ, да, напримѣръ, материно благословеніе, образъ Николая угодника въ серебряной-вызолоченной ризѣ, идетъ по межамъ куда глаза глядятъ и плачетъ горькими слезьми, не хуже меня такого-то — конечно, ужъ отъ радости, что вырвалась, значитъ, на волю, подъ голубыя небеса, и доходитъ до большого стада. Пастухъ спрашиваетъ, кто она такая, а она безо всякаго страха подходитъ прямо къ нему, отдаетъ ему свой драгоцѣнный узелокъ, всякія свои рѣдкости, снимаетъ съ себя роскошные наряды и кринолины и проситъ его отдать ей свое нищее рубище. Тотъ, понятно, радъ-

радехонекъ, скинулъ поскорѣй свой пошлый зипунъ и прикрываетъ, напримѣръ, ея почесть нагое тѣло. А она, низко ему поклонившись, идетъ бѣдной странницей дальше и приходитъ въ тихій монастырь, въ прекрасную женскую обитель въ этомъ дремучемъ лѣсу, проситъ старицъ принять ее простой послушницей и начинаетъ вмѣстѣ съ ними спасаться, грѣхи свои, напримѣръ, замаливать и изо всѣхъ силъ просить себѣ у Бога вѣчной-безконечной жизни.

— Гдѣ тля тлитъ, — добавилъ Вадя, вспоминая прежніе разсказы Арсенича.

— Нѣтъ, сударь, не тля, — сказалъ Арсеничъ, — а напротивъ того, радость безмѣрная. И вотъ, по волѣ Божьей, происходитъ такой нечаянный случай: оказался въ той обители старецъ древній, живописецъ крѣпостной, пожелавшій къ монахинямъ на спокой удалиться. Писалъ онъ, напримѣръ, всякіе образа, всякія священныя живописи для ихней церкви и начинаетъ, видя ея красоту и муку, всякій ея самый низкій трудъ, умолять ее дозволить списать съ нея образъ Царицы Небесной всѣхъ скорбящихъ радостей. Она падаетъ въ ноги ему, заклинаетъ Христомъ Богомъ не дѣлать того... «Я, — говоритъ, — великая грѣшница, я предана вѣчному унынію — смертному грѣху, я имѣю на душѣ

страшную тайну», — ну, словомъ, почесть признается, что я, молъ, и до сихъ поръ не могу разстаться съ любовью къ одному человѣку и еще не знаю, не ношу ли подъ сердцемъ младенца... да, наконецъ того, просто и одежда моя не дозволяетъ, я, молъ, въ черной бѣдной рясѣ, а снять ее не могу ни на одну минуту — такой обѣтъ Богу дала... Но только тотъ старецъ остается, напримѣръ, непреклоненъ: говоритъ, эта одежда разрѣшается, ты блѣдна и прекрасна, какъ мраморный группъ, и черный цвѣтъ тебѣ какъ нельзя кстати... Жалуется, наконецъ, самой матери-игуменьѣ... А та возьми да и прикажи немедленно же снять этотъ портретъ съ нея. Старецъ, конечно, радуется несказанно, поспѣшно и регулярно дѣлаетъ свое дѣло — остается только вѣнчикъ золотой округъ головы подрисовать и въ церковь несть... И ужъ хотѣли было такъ и сдѣлать, какъ думали, — дописать и освятить этотъ образъ прелестный, чтобы въ церковь его, напримѣръ, поставить, какъ оказывается вдругъ страшное, несказанное дѣло: оказывается, эта дѣвица Елена... ну, просто сказать, тяжелая — и ужъ никакъ нельзя ей скрывать этого больше, сама природа не дозволяетъ... Боже мой, — воскликнулъ Арсеничъ, качая головой: — что тутъ было дѣлать монахинямъ! Свѣтъ вездѣ бездну-

шенъ, а вѣдь она плодъ любви понесла! Она никогда того положенія не знала, не могла, не любя, зачать дитя въ своей утробѣ, а тутъ полюбила какъ на грѣхъ, а ужъ разъ она стала не простая дѣвица, а мать беременная, какъ могла она блудъ въ этомъ случаѣ творить?

— Они ее убить велѣли? — спросилъ Митя.

— Нѣтъ-съ, хуже — онѣ ее, въ ночь-полночь, въ лѣсъ выгнали, — сказалъ Арсеничъ. — И вотъ извольте подумать: что она должна была прочувствовать въ этомъ случаѣ? Можетъ одна Ѳекла-старица то испытала въ сновидѣніи, въ хожденіи своей души по мукамъ. А вѣдь, однако, одинъ платочекъ бѣлый, какой она подала нищему страннику и какой ангелъ на вѣсы, въ посрамленіе бѣсамъ, кинулъ, и то спасъ ее, всѣхъ ея грѣховъ тяжелѣе оказался!

— А зачѣмъ ее выгнали въ лѣсъ? — спросили дѣти.

— А куда же-съ? — отвѣтилъ Арсеничъ. — Конечно, въ лѣсъ дремучій, непроходимый...

— Гдѣ орлы скрыжутъ, — добавилъ Вадя.

— Истинно-съ, гдѣ орлы скрыжутъ и всякій звѣрь необузданный съѣсть можетъ, — повторилъ Арсеничъ съ горькимъ торжествомъ. Гдѣ дивья темь лѣсная и одна скала-пещера могла служить ей пріютомъ! А она въ той пещерѣ принуждена была дитя родить, и

пеленаетъ его, напримѣръ, чѣмъ можетъ, деретъ въ этомъ случаѣ свою послѣднюю рубашку на свивальнички, а тутъ, можетъ, всякія рыси голосятъ, глядятъ съ дубовъ зелеными глазами и летитъ, шумитъ сама птица-Игра, — Арсеничъ крѣпко сдѣлалъ удареніе на первой буквѣ, — летитъ птица-Игра, вся бѣлая, съ черными крыльями, вьется, кричитъ, хочетъ его, напримѣръ, крыльями до смерти затрепать... И, конечно, не смогли они, беззащитный младенецъ съ матерью, стерпѣть такой муки, голоду-холоду, поруганія, и тутъ же и скончались, потому что у ней не только молока въ грудяхъ, а и хлѣба ни синь пороха не осталось для пропитанія... И что же тутъ случилось, какое внезапное чудо! Звѣри, птицы, и тѣ возрыдали, возскорбѣли о ней, и такой вихорь поднялся по лѣсу, что въ самую ночь-полночь проснулась вся обитель отъ такого шуму, а древній этотъ старецъ, живописецъ, вскочилъ, напримѣръ, съ ложа въ своемъ студіи, слышитъ въ этомъ страшномъ шумѣ чей-то голосъ, повелѣвающій ему поскорѣе въ лѣсъ итти, — и, какъ былъ, такъ и выбѣгаетъ вонъ, всѣхъ будитъ, зоветъ матерь-игуменью, зоветъ самую старую старицу-схимницу — и отправляются они, значитъ, въ трехъ лицахъ, съ огнями, съ фонарями, въ этотъ самый непроходимый лѣсъ.

А тамъ, напримѣръ, только ужъ бездыханное тѣло лежитъ! Стоитъ чаща дремучая — и лежитъ подъ ней, подъ сосной, которая певгъ называется, мать красы неописанной, вся какъ снѣгъ бѣлая, въ своей ризѣ черной, гробной, съ мертвымъ младенцемъ у безплодной груди — и горитъ округъ ея головы вѣнчикъ огненный, весь ликъ ея блѣдный и ризу озаряетъ: значитъ, тотъ самый, какой не насмѣлился старецъ-живописецъ на своей иконѣ подрисовать, узнавши о грѣхѣ Елены, про то, кто она такая въ міру была! — Это ли-съ не чудо великое, это ли не указаніе? — воскликнулъ Арсеничъ восторженно и горько, глядя на дѣтей вопрошающими красными глазами, отъ которыхъ еще бѣлѣе казалась его взлохмаченная сѣдина.

— Ее въ монастырь принесли? — спросили дѣти.

— Понятно-съ, куда же больше. И, конечно, съ великими почестями отпѣли и схоронили, какъ мощи, въ самой церкви, даже и съ младенцемъ вмѣстѣ, и къ ручкѣ ея со слезами прикладались... Вотъ тутъ-то, небось, и вспомнили, что апостолы-то святые намъ наказывали: помните, молъ, — великое, несмѣтное множество грѣховъ прикрываетъ любовь!

Темная свѣча полыхала, какъ лучина. Арсеничъ смолкъ и долго молчалъ въ какой-то думѣ.

глядя на свою руку и на ветошку, зажатую въ ней. Митя пристально и серьезно ковырялъ подсвѣчникъ, облитый застывшимъ саломъ. Вадя не сводилъ съ огня неподвижныхъ и уже дремотныхъ глазъ. Въ залѣ спять играли польку Анну, и кто-то, смѣясь, кричалъ: «Не пускать, не пускать!» Вдругъ Вадя очнулся и спросилъ охрипшимъ голоскомъ:

— А вы будете святой?

Арсеничъ закачалъ головой.

— Ахъ, сударь, какой вы грѣхъ великій говорите! Да я, какъ песъ какой, округъ господъ весь вѣкъ свѣковалъ, дня одного страданія не зналъ! За что же награждать-то меня?

— А вы это все сами выдумали?

— Боже избави! Я все это по народу слышу да изъ книгъ сличаю-съ. Сижу и читаю на гулянкахъ, — у меня книги безподобныя, старинныя есть... Душа у меня, правда, не нонѣшняго вѣку... Мнѣ Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дару старцы валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ, домогаются. Этотъ прелестный даръ слезный даръ называется. А ужъ какъ я стихи, напримѣръ, люблю, того и сказать даже невозможно!

И, глядя на дѣтей грустно-радостными

глазами, Арсеничъ, на старинный ладъ, пѣвуче растягивая тѣ гласныя, на которыя по размѣру падало удареніе, продекламировалъ:

И въ послѣдній мой часъ я завѣтъ вамъ даю:
Посадите вы ель на могилу мою!

За окномъ, по сугробамъ, скрипѣли полозья саней, со скрипомъ шли къ крыльцу лошади, громыхая бубенчиками: кто-то, счастливый, уѣзжалъ въ свѣтлую морозную ночь, въ тѣ туманно-серебристые лѣса, что сказочно темнѣли по косогорамъ за лугами.

Въ залѣ вприпрыжку кружилась полька — и Арсеничъ, закрывъ глаза, съ чуть замѣтной счастливой улыбкой, покачивалъ въ тактъ головою.

— Ахъ, но и свѣтская жизнь хороша-съ! — сказалъ онъ, вздыхая. — И кабы моя воля, прожилъ бы я на свѣтѣ тыщу лѣтъ!

— А зачѣмъ?

— А затѣмъ-съ, что все бы жилъ, смотрѣлъ, на Божій свѣтъ дивился... Очень я разстроился нонче, раздумавшись объ этой Еленѣ, вѣчной печальницѣ, а потомъ вспомнилъ, напримѣръ, великомученика Вонифатія — и залился въ три рѣки отъ радости! Тоже простого званія человѣкъ былъ... рабъ крѣпостной, только и всего-съ... И ужъ совсѣмъ иного

складу: отпѣтый бокутиръ, безпутная головушка, все ни по чемъ... Пишутъ его, напримѣръ, на образахъ русымъ... въ житіи такъ прямо и сказано: желтоволосъ былъ, — значитъ, весь, небось, въ веснушкахъ, ростомъ не великъ, и глаза веселые, наигранные, не то что у этой Елены страдалицы. Былъ онъ въ городѣ Римѣ у госпожи своей Аглаиды стольникомъ, при столѣ, напримѣръ, прислуживалъ — ну, и плѣнилъ ее... Въ житіи, конечно, ужъ очень бездушно сказано — молъ, не будучи замужней, жизнь свою протекала въ грѣхахъ, сдѣлалась преклонна своимъ похотямъ, проживала въ беззаконномъ сожительствѣ съ рабомъ своимъ Вонифатіемъ, а ежели судить въ этомъ случаѣ по человѣчеству, то, небось, такъ случалось: увидитъ его, глянетъ и усмѣхнется, — вотъ, молъ, счастливый, хорошій человѣкъ, а тамъ и полюбила и приблизила къ себѣ... Ну, живутъ они такимъ побытомъ годъ, живутъ другой, она за нимъ, небось, какъ за ребенкомъ заботится, — есть такія женщины ласковыя, прелестныя, богомольныя душой, хоть и въ грѣхѣ всегда, никому, напримѣръ, не умѣютъ отказать по своей добротѣ... Онъ день и ночь съ пріятелями, на гитарахъ тамъ на разныхъ играетъ и винцо пьетъ, — въ житіи такъ и сказано: былъ обуреваемъ страстями, погрязалъ въ грѣхахъ.

— а она все дома, шьетъ, небось, мѣтитъ ему, нѣжно о немъ думаетъ, всѣ измѣны прощаетъ ему, въ родѣ матери... Только-съ время-то не ждетъ, проходятъ, напримѣръ, ея лѣта, стала она надъ своей судьбой задумываться, иной разъ, небось, и поплачетъ тишкомъ... И, какъ говорится, насмѣлилась разъ. Дорогой, говоритъ, мой возлюбленный, есть у меня мечта завѣтная: я для тебя всѣмъ пожертвовала, ни людей ни Бога, напримѣръ, не боялась, а живемъ мы все-таки не вѣнчанные, не признанные — надо намъ въ домъ часть мощей внести, просвѣтить нашъ домъ, очистить. Умоляю тебя — снаряди корабль, возьми злата, серебра, дорогихъ благовонныхъ плащаницъ всякихъ, чтобы, напримѣръ, эти честныя мощи увить, и плыви ты въ Киликійскую страну, въ городъ Тарсъ, тамъ много святыхъ страстотерпцевъ свои главы за Христа сложили... Ну, онъ, конечно, на это соглашается, снаряжаетъ корабль парусный, устилаетъ его, напримѣръ, всякими коврами и шелками шамаханскими и отплываетъ въ путь съ друзьями-пріятелями, съ винами, съ музыкой, со всякой дворовой прислугой...

— А дорогой буря поднялась? — спросили дѣти.

— Нѣтъ-съ, напротивъ того, всѣ они пре-

благополучно достигли тѣхъ странъ. Опустили тамъ всѣ свои якоря, паруса — и отправляется онъ въ этотъ городъ Тарсъ, въ гостиный домъ, чтобы, значитъ отдохнуть, погулять, а съ утра и за дѣло взяться. Проходитъ, напримѣръ, градскія ворота, идетъ вверхъ по улицѣ, конечно, безпечный, беззаботный, напѣваетъ свою арію и вдругъ слышитъ страшный шумъ... Спѣшитъ, понятно, поскорѣй туда и видитъ безчеловѣчное смертоубійство: сгрудился народъ на площади, кричитъ, махаетъ руками и требуетъ казни, а посередь площади сидитъ жестокій судья и мучаетъ лютѣйшими муками святыхъ христіанъ, — кого велитъ на-двое рубить, кому глаза выколоть, кому голову отсѣчь, — а передъ нимъ старецъ на колѣняхъ, преклонился подъ острый обоюдный мечъ и восклицаетъ въ свой послѣдній часъ: «Да святится имя Господне, Христово, пречистое!» И какъ услыхалъ это Вонифатій, этотъ, напримѣръ, беззавѣтный бокутиръ, такъ и загорѣлся весь, — въ житіи такъ прямо и сказано: — возвеселился духомъ за имя Господне, — кинулся въ самый народъ, выскочилъ напередъ всѣхъ да и подхвати, даже не подумавши, тотъ старцевъ крикъ: «Да прославится, молъ, имя Господнее!.. Что вы, молъ, дѣлаете, язычники бездушные, пропустите меня — хочу и я пострадать за Спаси-

теля!» Тутъ всѣ, понятно, къ нему — ужасаются за него, уговариваютъ — побойся, напримѣръ, за жизнь свою, одумайся, ты — чужеземный гость, какое тебѣ дѣло... А онъ — все свое: «Знать ничего не хочу, недостойны вы меня склонить, прельстить — проклинаю вашихъ мраморныхъ боговъ, сѣките мнѣ голову!» Разорвалъ единымъ махомъ всѣ свои одежды разноцвѣтныя, палъ на колѣни середь площади, уронилъ свою головушку...

— И принялъ мечное сѣченіе — добавилъ Вадя тихо.

— Да-съ, и принялъ мечное сѣченіе, ненаглядная моя дѣточка! — воскликнулъ Арсеничъ и, поймавъ его ручку, крѣпко прижался къ ней своими холодными губами, на которыя закапали горячія слезы. — Ну, да что! — прошепталъ онъ потомъ, отвертываясь и ловя по столу свой платокъ. — Никуда я сталъ, совсѣмъ никуда!

Утершись, онъ досталъ изъ кармана осьмушку табаку, сталъ, облегченно вздыхая, вертѣть толстую папиросу... Дѣти долго смотрѣли то на его сѣдую голову, то на большую дрожащую тѣнь ея на стѣнѣ, слушая нестройный, уже застольный говоръ и смѣхъ въ залѣ.

— Вамъ Вонифатій больше нравится? — строго спросилъ Митя.

— Грѣшный человѣкъ, — прошепталъ Арсеничъ, поспѣшно наклоняясь, чтобы языкомъ заклеить свою вертушку, — больше-съ!

Капри. 23. I. 1914.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

На Ѳоминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только-что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій — конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разлившагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шелъ, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, заркальнотѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивъ былъ, хотя еще плавала на немъ одна бутылочнозеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ

въ упоръ низкимъ солнцемъ, — гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко, — плакалъ ребеновъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачъ... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бобочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой троипнкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазками, въ разнолоскутномъ чепчикѣ, и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притоптывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку дамъ, — заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки: —

Ппайду плясать,
Альни полъ хрустить...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно-ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку — и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговоривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавщемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачекъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку наотлетъ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ногами злая хрипучая шавка — и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ луньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами... Подойдя въ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, допахивали многіе, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормитъ... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыя постуки-

валъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ грудным на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большой. Ничуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голыя каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ. — «Богъ дастъ, не прогнѣвайся!» — говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщилась, непримѣнно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада-бъ радостью подать, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали... Нищій соглашался, говорилъ: — «Ну, прости за ради Бога» — и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день верстъ тридцать и ничуть не уморился: только одеревянѣли, притупились, стали неладно вилять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кое-какимъ добришкомъ; а подъ снизками, подъ армякомъ въ большихъ заплатахъ, подъ овчиной курткой и заношенной рубахой, давно висѣла на крестѣ ладанка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Ко-

нечно, старъ, худъ, вывѣтрился, — ротъ стянутый, пересохшій дочерна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая, — но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльмами; да все-таки видѣли — и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ на томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачъ, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ бережку и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, расщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хоть куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ пошелъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взмотами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притышую

деревушку гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимоннаго цвѣта старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ, — еще щепа валялась кое-гдѣ, — мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на выѣздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ, подъ висячей жестяной лампой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и пал-

ку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшего спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ — нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня, — негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь. — Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣлъ-было спѣть «Христосъ воскресе», да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту... Жалко...

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкимъ вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнула въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полусапожками и виляя задомъ, къ печ-

кѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако... — какъ-бы про себя сказалъ нищій — и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшагося къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголъ стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ, — передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ,—и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все-же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Что-жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ поднялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался? — грубо и шало спросилъ мужикъ. — Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать? — ровно и скромно отозвался нищій. — У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харцызскихъ десять лѣтъ работалъ...

— Энто не работа. Энто...

— Ты лишняго не говори, — не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку. — Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня! — сказалъ мужикъ. — Низвините... Я тебя вспрашиваю, — сказалъ онъ, нахмуриваясь, нищему: — какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть, къ примѣру...

— Погоди, я тебѣ умнѣй! — сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу. — Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ десятаго гренадерскаго малороссійскаго генералъ-фитьмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ-же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провиненъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу? — Это я его испытываю, — сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь габачный дымъ закатомъ. — Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангеліемъ преклонялся?

— Такъ точно, — отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ? — спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога, — отмахнулся мужикъ и повторилъ: — Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей-Богу... — забормоталъ-было нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ! — крикнулъ мужикъ. — Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что-ли...

— Молчи, не смѣй такъ со мной балакать! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ вытащилъ завернутую въ красный платокъ бумагу.

— Подай сюда, — отрывисто сказалъ мужикъ.

И, развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ, — съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами. — Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ за

лялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ! — крикнулъ онъ свирѣпо. — Я все знаю, все пріѣзжалъ... самъ въ смолѣ кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ ее всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разбяру. Я свою ревизію сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна... — пробормоталъ онъ: — Ахъ, да разнесчастная субботушка, нельзя въ полѣ работать... Дѣлай! — крикнулъ онъ кому то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить, — сказала она, поднимаясь съ мѣста. — Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спьяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи! — воскликнулъ онъ обиженно. — Хозяюшка! Да неужто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль, — сказала хозяйка. — Онъ въ городѣ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься! — сказалъ мужикъ. — Что-жъ мнѣ, ай подъ дорогу теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подойникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цыгарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь? — спросилъ мужикъ.

— Пью, — послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой, — сказалъ онъ хмуро и задумчиво. — Сволота несчастная... побирушки... Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю, — опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ. — Не держитъ, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ-бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хочется... Закусилъ-бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка,

хороша лицомъ! Мнѣ-бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, человѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ — поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ и покланяются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи человѣки? Я этотъ стихъ долюбаю. Бери чашку, — своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нкщаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватитъ, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошому барану прокуриваю... Ага! Накололся на мужичка, понялъ, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичеръ, ни путя ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю? — спросилъ мужикъ горько, и глаза его налились слезами.

— Нѣтъ вешнее время ничего, хорошо, — тихо сказалъ нищій. — Идешь полемъ,

большакомъ... одинъ, какъ есть... Опять-же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Полъ-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ, — сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапоть. — Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я-бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ! — сказалъ мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на нихъ. — Мои! А лапоть гдѣ другой? Совсѣмъ новый, — значитъ, обязательно укралъ... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже человѣка стоитъ... Ай я не пахарь, не косецъ? — А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ! — крикнулъ онъ. — Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣлъ изъ темноты:

Жили-были братья родные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и сводная! — высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣденъ-сиротенъ,
У .ною-проказѣ...

— А другой бога-атый! — не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ. — Сердитѣй! — крикнулъ онъ, срываясь. — Мине горе съѣло, у всѣхъ людей проздникъ, у всѣхъ людей сѣвы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, розавая заря потухла, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонныя жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, родный мой братецъ! — сказалъ мужикъ, протягивая нищему полную чашку. — Оба мы съ тобой... Только что ты передо мной? Бродяга! А я рабочій чело-

вѣкъ, всѣхъ страдащихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву сѣлъ и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это что у тебя такое? — спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали, — сказалъ нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить, и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ — такъ? Брешешь! — крикнулъ мужикъ, ударяя кулакомъ по столу. — Это саванъ — ввижу! Это гробный саванъ! — со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакалъ: — Возгордился я на Бога! — горько сказалъ онъ, плача.

И, натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Всѣ муки пріизашелъ,
Всѣ печали пріизашелъ,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы..

— Душа моя грѣшница, веретенница! — дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопалъ въ ладоши: — Нищій человѣкъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебѣ насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую — отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было, — отдай за ради самого Господа-Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумеркахъ, было безумно.

— Отдай! — повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ. — За ради Царицы Небесной — отдай! Вижу, вижу — за грудь, за пельки ухватился, — значитъ, есть, — у васъ у всѣхъ есть! Отдай — тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ, — братъ, родный, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ, — тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь? — сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ... — едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучали сердца.

— Хорошо, — съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ. — Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ, — видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула — и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю... — пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ. — Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо, металлически пахло землей. Совсѣмъ

трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладанку, сорванную съ креста ни-щаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. По-томъ отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову, — шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго, — обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Капри, 31.I.1914.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Этотъ потѣшный старичокъ, по фамиліи Фисунъ, состоялъ въ нашей земской управѣ архиваріусомъ. Насъ, его молодыхъ сослуживцевъ, все потѣшало въ немъ: и то, что онъ архиваріусъ, и не только не находитъ смѣшнымъ это старомодное слово, а, напротивъ, понимаетъ его очень высоко, и то, что его зовутъ Фисуномъ, и даже то, что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

Онъ былъ очень малъ ростомъ, круто гнулъ свою сухую спинку, носилъ престранный костюмъ: длинный базарный пиджакъ изъ чего-то сѣраго и громадные солдатскіе сапоги, въ прямыя широкія голенища которыхъ выше колѣнъ уходили его тонкія, на ходу качавшіяся ножки. Онъ очень плохо слышалъ, — «сего Хвисуна хоть подъ колокола подводи!» — говорили управскіе сторожа, съ хохлацкой насмѣшливостью поглядывая на его большія и всегда холодныя восковыя уши; трясъ отъ старости головой, голосъ имѣлъ могильный, ротъ впалый, и ничего, кромѣ великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе гла-

за. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій башлыкъ, конусомъ котораго зиму и лѣто украшалъ себя Фисунъ на улицѣ во избѣжаніе полной потери слуха, прибавьте толстыя морщины на сапогахъ, всегда, какъ жаръ, горѣвшихъ отъ ваксы, — фигура-то получится и впрямь потѣшная. Но мало того, — такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харономъ. Фисунъ, какъ я уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архиваріусъ. Служить онъ началъ лѣтъ съ четырнадцати и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человѣкъ въ этихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не семьдесятъ лѣтъ прошмыгалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подшивалъ да присургучивалъ, подшивалъ да присургучивалъ, гробовыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что шла гдѣ-то наверху при свѣтѣ дня и солнца, а въ должный срокъ нисходила долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудами пыльнаго и уже ни единой живой душѣ не нужнаго хлама загромождая полки! Но самъ-то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немыслимо безъ архива.

— А ежели справка понадобится? — говорилъ онъ — и твердо былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземельѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, библіотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ въ нѣкоторомъ родѣ. Но вѣдь я сидѣлъ всего третій годъ, а не шестьдесятъ пятый; я получалъ, ничего не дѣлая, почти тридцать девять рублей и все былъ недоволенъ. А Фисунъ изнурялся въ трудахъ и заботахъ съ ранняго утра до самого вечера, получалъ за вычетомъ въ эмеритуру тринадцать съ полтиной и даже терялся, на зная, куда дѣвать такую уйму золота, — настолько были ограничены его житейскія потребности. Два рубля въ мѣсяцъ зарабатывалъ онъ при началѣ своего служебнаго поприща въ архивѣ опекунскаго сѣвѣта, и то благодарилъ Бога, а если и «не чуялъ ногъ подъ собой отъ радости», достигнувъ послѣ десятилѣтней службы въ сиротскомъ домѣ четырехъ рублй съ копейками, то не чуялъ вовсе не изъ корысти: единственно потому, что это былъ окладъ уже не мелкой сошки, а полнаго господина архивныхъ нѣдръ, окладъ архиваріуса.

Въ управѣ онъ служилъ чуть не съ перваго дня своего существованія. И какъ служилъ! Не знаю, когда онъ просыпался. Но думаю,

что не позднѣе четырехъ утра, потому что жилъ онъ очень далеко, не въ городѣ, а за городомъ, въ голубой хаткѣ среди овраговъ предмѣстья, шаркалъ своими расчищенными сапогами и переставлялъ костыль очень медленно, и все-таки являлся въ управу ровно въ шесть. Бывало, еще солнце не успѣетъ нагрѣть тѣнистыхъ и росныхъ садовъ, еще плавно и гордо вихляются по деревяннымъ «пѣшеходамъ» грудастыя хохлушки съ коромыслами черезъ плечо, съ махотками молока и кошолками вишень, еще пустъ базаръ и по-утреннему чисты, бѣлы улицы, а онъ, въ своемъ башлыкѣ и болотныхъ сапогахъ, уже поспѣшаетъ. Сторожа, которыхъ будилъ онъ стукомъ въ дверь управы, не разъ выскакивали на подъѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ надавать ему въ шею, да вѣдь все-таки былъ онъ не простой человѣкъ, не свой братъ мужикъ, а архиваріусъ. Сторожа ругались, плевали, стыдили его; но онъ былъ упрямъ — и такидобился, что они смирились, привыкли къ его стуку ни свѣтъ ни заря.

При такомъ служебномъ рвеніи, можете себѣ представить, когда онъ покидалъ управу. Вотъ уже кончается долгій лѣтній день, ушли изъ управы не только столоначальники, но даже самые послѣдніе писцы, и гулко раздаются въ пустыхъ отдѣленіяхъ

свободные голоса сторожей, грохотъ передвигаемыхъ столовъ и стульевъ; а Фисунъ все еще бродитъ въ своихъ темныхъ владѣніяхъ, въ дугу согнувъ свою худую спину, держа въ блѣдной, обезображенной ревматизмомъ рукѣ пылающій огарокъ и заботливо осматривая полки съ кипами дѣлъ; плаваетъ надъ городомъ, въ блескѣ опускающагося солнца, дрожащій басъ соборнаго колокола, призывая инвалидовъ и старухъ къ вечернѣ: ложатся тѣни отъ крышъ и садовъ, и усаживаются благодушествовать у раскрытыхъ оконъ пообѣдавшіе и вздремнувшіе горожане; а Фисунъ только голову башлыкомъ закутываетъ и стучитъ костылемъ въ полъ, распекая своего подчиненнаго за то, что тотъ опять явился сегодня въ управу чуть не въ семь часовъ, чуть не на цѣлый часъ позднѣе своего прямого начальства.

— Я бачу, бачу ваше поведэніе! — глухо кричитъ онъ, стоя возлѣ входа въ архивъ, подъ широкой лѣстницей, ведущей во второй этажъ, и глядитъ съ тоской, злобой и старческой растерянностью.

Да, какъ это ни смѣшно, у Фусина тоже былъ подчиненный! И этотъ подчиненный не мало терпѣлъ отъ него и пресерьезно называлъ его иногда тираномъ, и, что всего страннѣй, не безъ основанія, характеръ у Фисуна былъ,

дѣйствительно, не легкій. Всѣ управскіе старики, кое-что знавшіе о личной жизни Фисуна, въ одинъ голосъ утверждали, — со смѣху помирая, конечно, — что онъ и въ семьѣ тиранъ: что онъ весь вѣкъ держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ свою жену, робкую и беззавѣтно преданную ему старушку, кое-чѣмъ торгующую на базарѣ: что она слова лишняго не смѣетъ пикнуть при немъ и все-таки съ самой трогательной заботливостью, до седьмого пота начищаетъ каждое утро его сапоги на порогѣ своей хаты. Боялся Фисуна и его единственный подчиненный, Луговой. Фисунъ шамкаетъ, горбится отъ раздраженія еще круче, почти касаясь хвостомъ пиджака сапожныхъ голенищъ, и крѣпко стучитъ костылемъ, а тотъ, хотя и хмурится, да все-таки молчитъ, не поднимаетъ глазъ. Это былъ большой угрюмый хохолъ, коренастый мужикъ въ люстриновомъ костюмѣ, долго работавшій на почтѣ по части зашиванія и штемпелеванія посылокъ и наконецъ попавшій въ управу на постъ «помощника архиваріуса». Онъ однимъ щелчкомъ могъ пришибить Фисуна, да вѣдь давно извѣстно, что сила-то не въ самой силѣ, а въ той власти, съ которой связана она. А что Фисунъ облеченъ былъ властью, что Фисунъ чувствовалъ себя начальникомъ и заражалъ Лугового своимъ чувствомъ, —

въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Говоря по совѣсти, дѣла, и совсѣмъ не спѣшнаго, было въ архивѣ очень мало. Но Фисунъ отличался удивительнымъ умѣніемъ находить его и работалъ такъ кропотливо, что работы и заботъ оказывалось всегда по горло. И онъ упивался ими, онъ замучивалъ Лугового, особливо осенью, передъ земскими собраніями, когда въ управѣ шли вечернія занятія, въ которыхъ для архива, конечно, не было ни малѣйшей надобности и которыя, тѣмъ не менѣе, Фисунъ «назначалъ» неукоснительно.

Само собой разумѣется, что далеко не всегда, — и, прежде всего, по причинѣ своей глубокой старости, — ощущалъ онъ себя носителемъ власти, тѣмъ болѣе, что умалялась она сторожами, которые часто орали на него, находя, что онъ вѣчно мѣшаетъ имъ подъ лѣстницей, вѣчно «вертится подъ ногами». Не всегда, конечно, трепеталъ передъ Фисуномъ Логовой. А про тѣ часы, когда нужно было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и подкрѣпить силы для дальнѣйшихъ, я уже и не говорю: отдыхъ, закуска, а потомъ чаепитіе, куреніе тютюна и совсѣмъ уравнивали Фисуна съ Луговымъ. Тутъ, сидя подъ лѣстницей за столикомъ, они бесѣдовали, рѣзали житный хлѣбъ, чистили тарань и заваривали фруктовый чай въ жестяномъ чайникѣ совсѣмъ

какъ простые, одинаковаго ранга люди. Да объединяла ихъ и ненависть къ сторожамъ, которые и Лугового не очень то жаловали, объединяла отчужденность архива ото всѣхъ прочихъ отдѣленій управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисунъ, конечно, особенно твердо, — того убѣжденія, что низъ и верхъ суть два совершенно разныхъ міра, что во вѣки вѣковъ не расти двумъ колосьямъ въ уровень, что до скончанія временъ пребудутъ большіе и малые, власть и подчиненіе, что напрасно молокососы потѣшаются надъ ними, и вѣрой-правдой служили этому убѣжденію, одинъ — властвуя, а другой — подчиняясь, не всегда, повторяю, но въ должные моменты — обязательно.

Упрямы были они, эти темные люди! Знать не хотѣлъ Фисунъ того новаго міра, въ который попалъ онъ, старозавѣтный человѣкъ. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смѣшенъ и страненъ былъ въ нашемъ мірѣ этотъ выходецъ изъ міра опекунскихъ совѣтовъ. Правда, времена тогда были глухія, «желѣзная лапа реакціи давала себя знать», но вѣдь все-таки мы были земскіе люди. А наше земство къ тому же было не простое: оно на всю Россію славилось свободолюбіемъ и демократичностью. Я въ ту пору тоже находился внизу,

но я уже былъ на порогѣ, на выходѣ изъ своего подземелья, и не куда-нибудь, а въ самое горнило управы — въ стастистику. Я былъ не великъ господинъ, но я былъ вхожъ въ тотъ чуждый, заповѣдный и непонятный для Фисуна и Лугового міръ, гдѣ жизнь питалась совсѣмъ не тѣми идеями «временъ Очакова и покоренья Крыма», что въ архивѣ, — гдѣ со стѣнъ предсѣдательскаго кабинета глядѣли лица украшенныхъ великолѣпными бакенбардами дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», гдѣ въ двухсвѣтной залѣ собранія, передъ очами красавца Царя -Освободителя, во весь ростъ изображеннаго стоящимъ на зеркально-лаковомъ полу, отъ самого начала шестидесятыхъ годовъ и до дней глубокой старости Фисуна смѣло звучали голоса «послѣднихъ изъ стаи славной», гдѣ съ устъ одного Станкевича, могикана этой стаи, раздалось столько бодрыхъ и краснорѣчивыхъ призывовъ къ «забытымъ словамъ», «къ добру, къ правдѣ, къ гуманности», къ самой широкой общественности, «къ неуклонному слѣдованію по пути предначертаній, возвѣщенныхъ съ высоты Престола на зарѣ русской гражданственности»... И, повторяю, досадно и смѣшно было мнѣ, подымавшемуся въ этотъ міръ и на обратномъ пути проходившему подъ лѣстницей, глядѣть на своихъ архаическихъ сос-

луживцевъ! Бывали минуты, когда даже не смѣятся мнѣ хотѣлось, а подойти къ Фисуну и Луговому и какимъ-нибудь однимъ словомъ, однимъ жестомъ, въ родѣ крѣпкаго рукопожатія, заставить воспрянуть духомъ этихъ людей, добровольно гнувшихъ свои выи, дать имъ почувствовать, какъ неправы они въ своемъ страхѣ передъ тѣмъ міромъ, что наверху. Но нужно было видѣть, какими холодными взглядами провожали меня Фисунъ и Луговой, когда я, развязно спустившись изъ этого міра, проходилъ мимо нихъ въ библіотеку! Да впрочемъ, холодные-то взгляды были-бы еще туда-сюда, — дѣло обстояло еще хуже. Не одну враждебность ко мнѣ, не одно презрѣніе къ моей развязности чувствовалъ Фисунъ: нѣтъ, несмотря на мой низкій чинъ, онъ непремѣнно поднимался съ мѣста, когда я проходилъ мимо, и вытягивалъ руки по швамъ, старался разогнуться и получше уставить свои качающіяся ножки, до колѣнъ погруженныя въ прямыя и широкія голенища. Ему чудилось сіяніе вокругъ головы того, кто спустился въ эту темную архивную юдоль съ горнихъ высотъ, онъ зналъ, что самъ предсѣдатель почему-то подаетъ мнѣ руку, что я какъ равный курю и болтаю съ секретаремъ, — и чувствовалъ, что вмѣстѣ со мною какъ-бы доходитъ до него нѣкое вѣяніе

оттуда, гдѣ обитала сама власть, у подножія которой столько лѣтъ пресмыкался онъ, и чьей ипостасью, хотя и очень малою, сознавалъ онъ порою и себя самого.

И такъ вотъ и шли рядомъ двѣ совершенно разныхъ жизни — наша и архивная. Такъ и стояли мы съ этимъ упрямымъ и потѣшнымъ старичкомъ каждый на своемъ, коснѣя въ своихъ совершенно разныхъ убѣжденіяхъ... какъ вдругъ старичокъ взялъ да и умеръ! Смерть его, какъ и всякая смерть, конечно, не могла быть потѣшной, — вѣдь все-таки горько плакала старушка на порогѣ хаты въ предмѣстьѣ, нагрѣвая щеткой солдатскіе сапоги и не желая разстаться съ надеждой, что хозяинъ ихъ поднимется и опять поплетется въ архивъ, — но что эта смерть была не менѣе странной, чѣмъ и жизнь Фисуна, съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій. Призошла она, правда, отчасти по нашей винѣ, мы таки на нѣкоторое время сломили его упрямство, заразили его своей вѣрой въ торжество свободы и равенства, — да вѣдь кто-же могъ знать, что онъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ управы, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы и въ силу давней привычки трепетать передъ верхами, вдругъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончит-

ся смертью? Произошла эта смерть слѣдующимъ образомъ.

Служилъ я первый годъ, служилъ второй, третій... а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное, — недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человѣкъ, старшій врачъ губернской земской больницы говорилъ: «Бывали хуже времена, но не было подлѣй»; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что «чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды», что «самая густая тьма — предрасвѣтная». И мы вѣрили въ этотъ «грядущій разсвѣтъ» и все болѣе укрѣплялись въ его близкомъ пришествіи. А Фисунъ попрежнему твердо держался своего — того косного убѣжденія, что двумъ колосьямъ въ уровень никогда на расти. Однако буквально каждый годъ приносилъ пораженіе за пораженіемъ этому Ѳомѣ невѣрному: съ каждымъ годомъ вся бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ наконецъ чуть не поголовно всѣми, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтный залъ нашей управы, овладѣли знаменитыя весеннія мечтанія А когда изъ-за рѣдѣющихъ зимнихъ облакъ выглянуло и само весеннее солнце, когда полетѣли въ поднебесьѣ первыя весеннія птицы и крѣпко затрещалъ кое-гдѣ ледъ, сковывавшій до-

толѣ вольныя воды, — эти мечтанія, прихлынувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей. И случилось истинное чудо: самъ Фисунъ, самъ вѣтхозавѣтный Фисунъ сдался! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ, хотя и растерялся немного отъ этого свѣта, невольно зажмурилъ свои старые глаза, но уже не могъ не видѣть, не могъ отрицать того, что стало зримымъ, явнымъ и несомѣннымъ для всѣхъ. Управа въ тотъ ноябрь подобна была вешнему улью: съ верху до низу гудѣла она народомъ, среди котораго было и огромное количество постороннихъ, начиная съ курсистокъ, студентовъ, врачей и кончая даже обывателями, и, казалось, уже не стало никакого различія между низомъ и верхомъ, между большими и малыми: всѣ, отъ первыхъ земскихъ магнатовъ до послѣдняго сторожа, отъ предводителя дворянства да Лугового, жаждали заключить другъ друга въ объятія, чтобы уже однимъ потокомъ, къ одной цѣли двинуться впередъ. «Свобода! свобода!» — звучало повсюду. И вотъ на этотъ-то кличъ и двинулся, къ изумленію всѣхъ, Фисунъ: повязался по холодномъ, восковымъ ушамъ свернутымъ краснымъ платкомъ, выползъ,

горбясь и осѣдая на ноги, касаясь хвостомъ пиджака голенищъ, изъ своихъ подземелій, добрелъ до лѣстницы, во всю ширину крытой краснымъ сукномъ, — и, хоть и очень медленно, но упрямо, сталъ подниматься наверхъ, къ тѣмъ огромнымъ зеркаламъ, туманно-голубымъ отъ табачнаго дыма и отражающимъ въ себѣ цѣлое море народа, что были по бокамъ главнаго входа въ двухсвѣтный залъ собранія. А поднявшись, смѣшался съ шумными, воедино слитыми въ одну массу народными толпами, вольно сталъ бродить по коридору, по отдѣленіямъ, по кабинетамъ — и узрѣлъ-таки наконецъ самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ахъ какъ говорилъ Станкевичъ въ этотъ день! Смѣлое и гордое рѣшеніе итти на приступъ уже созрѣло, — оставалось только уронить въ полную чашу ту драгоцѣнную каплю, что переливаетъ влагу черезъ край. И звучно провозгласилъ предводитель дворянства, предсѣдатель собранія, терявшійся за моремъ головъ въ туманно-голубомъ залѣ, у блистающаго залотомъ, лакомъ и красками царскаго портрета, что принадлежитъ слово Алексѣю Алексѣевичу Станкевичу, и среди благоговѣйной тищины поднялась изъ среды сидѣвшихъ за безконечно-длиннымъ столомъ могучая и сѣдовласая фигура «льва русской

гражданственности». Да онъ и наружностью похожъ былъ на льва! Правда, уже согбенъ годами и думами, лицомъ очень красенъ, взоромъ важно-печаленъ и тусклъ; поднялся медленно, концами дрожащихъ красныхъ пальцевъ оперся на столъ, крытый зеленымъ сукномъ, заговорилъ сперва тихо, раздѣльно... Но какая увѣренность звучала въ этихъ тихихъ, раздѣльно произносимыхъ словахъ, какая буйная грива сѣдыхъ кудрей возвышалась надъ высокимъ челомъ, ниспадая на плечи, облеченныя въ простой черный сюртукъ! А какъ потомъ окрѣпъ голосъ оратора, какъ зазвучалъ сталью, призывая безъ страха и сомнѣнія впередъ, на борьбу, во славу демократіи, какъ повергъ этотъ голосъ всю залу, вплоть до переполненныхъ хоръ, сперва въ жуткое молчаніе, а послѣ въ неистовый восторгъ, прорвавшійся бѣшенными кликами, — того и описать невозможно!

Самъ потрясенный своей рѣчью и разбитый усталостью, но торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ, опустился Станкевичъ на свое мѣсто и долго, блѣдный и важный, какъ-бы ничего не видящій, сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ кресла. Потомъ снова приподнялся и среди почтительно разступающагося земскаго и иного

люда со старческой неспѣшностью прослѣдовалъ вонъ изъ зала...

А гдѣ-же былъ въ это время Фисунъ? А Фисунъ прослѣдовалъ къ той-же цѣли, которая подняла съ мѣста Станкевича, еще раньше. Фисуну, долго стоявшему у входа въ залъ, за плечами сгрудившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, уставъ стоять, чувствуя дремоту, онъ медленно, но довольно свободно опять побрелъ по коридору. И, дойдя до конца его, постоялъ въ раздумьѣ, сонно глядя на дверь, за которую смѣли прежде заглядывать только предсѣдатель, гласные да высшіе чины управы, — и, ничтоже сумняшеся, взялся за ея скобку: можетъ-быть, даже не въ силу прямой потребности, а просто отъ скуки. И, затворившись на крючокъ, долго, долго пробылъ за этой дверью.

Не будь онъ глухъ, не завяжи онъ платкомъ ушей, слышалъ-бы онъ, несчастный, что чья-то рука нѣсколько разъ дергала за скобку, тянула къ себѣ дверь, и что чей-то недовольный, тоже старческій голосъ борматалъ что-то. Но онъ былъ глухъ, глухъ и повязанъ платкомъ! Былъ онъ, кромѣ того, очень неспоръ въ движеніяхъ, потребныхъ дя приведенія своего костюма въ порядокъ... Когда-же одолѣлъ все это и распахнулъ дверь, то увидѣлъ, что передъ нимъ — самъ Станкевичъ!

И застыли, замерли два старика другъ передъ другомъ, — первый отъ изумленія и негодованія, а второй отъ ужаса.

— Какъ? — медленно выговорилъ первый, выкатывая глаза и нагибаясь. — Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ?

— Никакъ нѣтъ, — хотѣлъ выговорить второй, тоже выкатывая глаза, — и не могъ: и отъ страха, и отъ того, конечно, что уже слишкомъ-бы это не соотвѣтствовало истинѣ.

— Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господскую уборную? — еще медленнѣе выговорилъ первый, наливаясь подъ своей бѣлоснѣжной сѣдиной кровью и наступая.

— Никакъ нѣтъ, — безсмысленно пролепеталъ второй, блѣднѣя, какъ смерть, и прижимаясь къ стѣнѣ, осѣдая на свои голенища, на свои отнявшіяся отъ ужаса ноги.

— Да ты кто такой? — бѣшенно крикнулъ первый, затопавъ въ ярости ботинками.

Но второй, выпучивъ глаза, ставъ похожимъ на зайца, благодаря хвостикамъ краснаго платка, торчавшимъ на его макушкѣ, уже и лепетать не могъ...

Конецъ этой трагикомической исторіи вы, разумѣется, уже знаете: будучи черезъ часъ послѣ этого доставленъ въ безсознательномъ состояніи домой, Фисунъ слегъ въ постель, а черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ, въ первый

и послѣдній разъ въ жизни побывавъ во второмъ этажѣ управы, въ первый и послѣдній разъ проѣхавшись на извозчикѣ... Смерть его, равно какъ и другія нѣкоторыя событія, послѣдовавшія вслѣдъ за весенними мечтаніями, конечно, не измѣнили нашихъ «идеаловъ», не угасила нашей «вѣры въ грядущее торжество» этихъ идеаловъ. Но что она отчасти смутила кое-кого изъ насъ, — въ томъ числѣ и меня, — въ этомъ я не могу не признаться... Идутъ дни, годы, а я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню эту смерть. И какъ уже не мало прошло этихъ дней и годовъ, то не мало и сомнѣній закралось въ мою душу. Все-таки не тотъ я теперь, какимъ былъ когда-то, въ управѣ славнаго на всю Россію земства! Я, напримѣръ, всецѣло прприсоединился къ тому великому почтенію, какое питалъ покойный Фисунъ къ архивамъ. Равенство-то равенствомъ, а правъ онъ былъ, что не мыслима безъ архивовъ жизнь, и что надо, надо оберегать ихъ, ибо, если-бы ихъ не было, если-бъ не существовало Фисуновъ, какъ-бы сохранился вотъ хоть этотъ листокъ, на которомъ пишу я бѣдную и жалкую повѣсть Фисуна? А при Фисунахъ онъ, конечно, сохранится и, конечно, попадется кому-нибудь на глаза, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше: рѣзче ударятъ въ глаза новаго человѣка

строки этой старой исторіи. Фисунъ говорилъ: «А ежели справка понадобится?» Такъ вотъ, если понадобится справка о нашемъ времени, пригодится, можетъ-быть, и моя справка, и мой святочный разсказъ въ старомъ, добромъ стилѣ.

VII. 1914.

ПЫЛЬ.

Высокіе запыленные тополя шумѣли отъ знойнаго вѣтра возлѣ большого бѣлаго вокзала. Въ тяжелыхъ вагонахъ длиннаго почтоваго поѣзда, поравнявшагося съ навѣсомъ, потемнѣло и стало тѣсно, всѣ поднялись съ мѣстъ, разбирая вещи. Ворвались въ вагонъ рослые мужики въ бѣлыхъ фартукахъ. Хрущевъ отдалъ одному изъ нихъ сакъ и приказалъ взять билетъ на курьерскій поѣздъ, отходящій въ двѣнадцать съ половиной.

Газетчики, стойки съ тульскими пряниками, апельсинами и водами, запахъ кухни и многолюдство, — все по эту сторону вокзала было знакомое, московское. Но по другую — совсѣмъ другое, забытое: глубокая провинція, край просторный, хлѣбный, богатый и скучный. Пыльное солнце пекло пустую ухабистую площадь. Нѣсколько запыленныхъ извозчиковъ стояло вдали. Сѣрый отъ пыли вагонъ трамвая долго поджидалъ кого-то. И Хрущевъ вспомнилъ Востокъ, Турцію...

Сутулый мещанинъ, въ рыжей, выгорѣвшей

чуйкѣ, въ тепломъ картузѣ, надвинутомъ на уши, въ истертыхъ, съ пылью въ складкахъ, сапогахъ, грызъ на площадкѣ вагона подсолнухи. Грызъ и кондукторъ, поводя голубыми хмельными глазами. Неодиданно для всѣхъ и разсѣяно онъ дернулъ за темный ремень, и впереди щелкнулъ звонокъ. Вагонъ покатился внизъ, завернулъ къ трактиру въ угловомъ двухъэтажномъ домѣ, тоже ветхомъ, деревянномъ, напоминающемъ турецкіе дома, и навстрѣчу цѣлой тучи бѣлой пыли понесся подъ изволокъ — по широкой и безконечной улицѣ съ горбатой шоссейной дорогой посрединѣ и мѣщанскими хижинами по сторонамъ.

Тусклое солнце жарко свѣтило сквозь тусклое стекло. Хижины мелькали все нищія, съ высокими и гнилыми, почернѣвшими тесовыми крышами. Навозъ сушился передъ ними. Надъ воротами торчали шесты съ желтосѣдыми пуками ковыля. Хрущевъ съ радостью почувствовалъ, что всю жизнь будетъ любить все это. Но далеко впереди виднѣлись каменныя тріумфальныя ворота. За ними начинался городъ чиновничій и купеческій, весь бѣлый, каменный. Хрущевъ вспомнилъ себя юношей, корректоромъ губернскихъ вѣдомостей, вспомнилъ холеру, запахъ хлористой извести на вокзалѣ, серебристое отъ

пыли и зноя небо за его бѣлымъ фасадомъ и торжественные проводы губернатора, важнаго опять-таки по-турецки, однимъ видомъ своимъ повергавшаго въ столбнякъ вытянутыхъ городовыхъ, ѣхавшаго на бунтъ, пороть мужиковъ. «Ахъ, будь она проклята, эта моя молодость», — подумалъ Хрущевъ...

Остановились въ центрѣ города. Тутъ на площади, передъ думой, биржей и старыми колоніальными магазинами, надо было ждать пересадки: Хрущеву хотѣлось побывать на окраинахъ, на Пушкарной улицѣ, гдѣ онъ жилъ когда-то у сапожника Мухина. Былъ табельный день. Въ солнечномъ блескѣ дрожащій звонъ старыхъ колоколовъ былъ густъ и тяжелъ. Толпами шелъ и ѣхалъ народъ изъ церквей, трещали извозчики, мелькали шитые мундиры и труеголки. Хрущевъ прошелся по каменистому тротуару мимо пекарни Чаева, мимо столѣтняго виннаго магазина братьевъ Шафоростовыхъ, мимо подъѣзда гостиницы «Парижъ», въ красныхъ, помпейскихъ сѣняхъ которой круто поднималась лѣстница, покрытая истоптаннымъ половикомъ. Запахъ пекарни былъ скученъ. Запахъ лимоновъ, бакалеи изъ прохладнаго, полутемнаго магазина съ политыми полами снова пробудилъ молодыя чувства — еще тѣхъ дней, когда Хрущевъ ѣздилъ съ отцомъ въ городъ

на лошадяхъ, и отецъ покупалъ у Шафоростовыхъ карты, мѣлки, стеариновыя свѣчи и хересъ, — темныя бутылки, оплетенныя тонкой проволокой. Мимо шли какъ-будто все тѣ-же черные салопы со стеклярусомъ, все тѣ-же лоснящіеся на солнцѣ купеческіе сюртуки, и заунывно, по-восточному, кричали все тѣ-же квасники въ красныхъ рубахахъ, что кричали двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выбритый, рыжеусый, краснолицый городовой, стоя среди площади, оправлялъ нитяныя перчатки на толстыхъ рукахъ.

Пришелъ вагонъ съ Карачевской. Онъ направлялся какъ разъ на тѣ пустынныя улицы, куда двадцать пять лѣтъ тому назадъ Хрущевъ попалъ изъ-подъ родительскаго захудалаго крова, изъ деревни. Опять неожиданно щелкнулъ звонкомъ кондукторъ. Опять стало припекать спину сквозь тусклыя стекла, и понеслась навстрѣчу пыль... Жилъ Хрущевъ на Пушкарной улицѣ среди чужой, грязной семьи. Застѣнчивый барчукъ, какъ не шелъ онъ къ ней! Но какъ, значитъ, счастливъ онъ былъ своей молодостью, если и теперь еще запахъ сапожнаго товара, герани и гнили мѣщанскаго угла волнуетъ его, если отъ его хожденія въ казенную типографію остались въ памяти только раннія солнечныя утра и свѣжесть городского сада, мимо котораго

проходилъ онъ, перейдя по деревяннымъ лавамъ мелко-широкую рѣчку и поднявшись на гору!

«Пушкарная!» — крикнулъ кондукторъ. Вагонъ остановился на половинѣ широкой немощеной улицы: здѣсь путь обрывался, рыжіе рельсы упирались въ песокъ, поросшій кое-гдѣ муравой. Вагоновожатый сталъ переводить желѣзный лукъ, соединяющій вагонъ съ проволокой, убѣгающей отъ столба къ столбу назадъ, въ городъ... Тишина и жаркій, ослѣпительный свѣтъ. По правому тротуару, по каменистымъ колчамъ, Хрущевъ долго шелъ мимо всяческихъ мѣщанскихъ домишекъ — и сѣрыхъ, и голубыхъ, и бѣлыхъ, но одинаково нищихъ. Онъ внимательно глядѣлъ на нихъ, читалъ надписи на дощечкахъ надъ калитками... Чуть не вся улица принадлежала женщинамъ: рѣдко-рѣдко гдѣ владѣлецъ, а то все владѣлицы, — странная черта русскаго захолустья! Онъ разспрашивалъ встрѣчныхъ старухъ, далеко ли домъ Мухина, — онѣ не знали и робѣли, отвѣчая; сидѣлъ, отдыхалъ на скамеечкахъ и снова шелъ. Ладный, коротконогій, чѣмъ-то довольный солдатъ, шедшій навстрѣчу, отиралъ рукавомъ губы отъ мокрой шелухи подсолнуховъ. Хрущевъ хотѣлъ спросить и его, гдѣ домъ

Мухина, — и не могъ. Усталость онъ чувствовалъ смертельную.

Лицо его горѣло подъ тѣнью соломенной шляпы, въ головѣ мутилось отъ жары. Онъ опять остановился. Хижину Мухина трудно было найти, слишкомъ она была похожа на другія. Онъ сталъ искать глазами того дома, что когда-то бѣлѣлъ напротивъ Мухина, далеко выдѣлялся среди этой бѣдной улицы своей желѣзной крышей и садомъ за заборомъ. Но и этого дома не было. А улица точно на край свѣта шла. И вдругъ вся эта затѣя — шататься въ жару, ломать ноги по песку и камнямъ, вызывать удивленные взгляды встрѣчныхъ своей легкой одеждой и шляпой — — показалась Хрущову глупой и безцѣльной. Навстрѣчу медленно ѣхалъ извозчикъ, молодой парень на ободранной пролеткѣ, на клячѣ съ кривыми, опухшими ногами. Хрущевъ крикнулъ, замахалъ руками, испугавшись, что онъ скроется куда-нибудь въ переулокъ.

«На вокзалъ, да поскорѣе!» — сказалъ онъ, садясь. И кляча понесла его съ такой неожиданной прытью, что онъ не чаялъ живымъ остаться, ныряя по пустырямъ и буеракамъ, которые избралъ извозчикъ для сокращенія пути на вокзалъ.

Курьерскій поѣздъ подходилъ. Хрущевъ

торопливо соскочилъ съ пролетки. Радость оживила его. Онъ прошелъ пахнущій самоваромъ вокзалъ и черезъ минуту уже сидѣлъ въ купэ международнаго вагона. Осмотрѣвшись, онъ улыбнулся: «Боже, обрадовался хорошему поѣзду и привычной обстановкѣ, точно Стэнли послѣ центаральной Африки!» Но какъ легко и плавно тронулся поѣздъ! Какая чистота въ этой маленькой каютѣ, сіяющей заркалами, мѣдью, краснымъ лакированнымъ деревомъ и темно-зеленымъ рытымъ бархатомъ дивана!

Вагонъ уже мотало. Приноравливаясь къ его качкѣ, Хрущевъ снялъ шляпу, поглядѣлъ въ зеркало на свое блѣдное, непровинціальное лицо, сѣлъ... Полуденное солнце, свѣтившее за большимъ пыльнымъ стекломъ, горячей полосой ходило по дивану. Хрущевъ протеръ стекло; раскачиваясь отъ бѣга ревущаго на станціонныхъ путяхъ поѣзда, онъ долго разглядывалъ огромную низменность, въ тускломъ блескѣ которой лежалъ городъ. Потомъ наполовину спустилъ кожаную занавѣску, — и сердце его сжала тоска, тоска какъ-бы послѣдней разлуки съ этимъ уходящимъ изъ глазъ городомъ и съ бѣдными воспоминаніями молодости.

Въ дверь осторожно постучали: лакей съ карточкой завтрака заглянулъ въ купэ. —

Прекрасно, оставьте мнѣ мѣсто, — сказалъ Хрущевъ съ той пріятной легкостью, съ которой, вѣроятно, говоритъ на своемъ языкѣ иностранецъ, переѣхавшій границу своей страны послѣ Россіи. На минуту онъ сладко захмѣлѣлъ, вспомнивъ, что сейчасъ будетъ сидѣть за столикомъ съ букетомъ цвѣтовъ, за бутылкой вина, и что впереди — сѣро-сиреневыя горы, бѣлый городъ въ кипарисахъ, нарядные люди, зеленыя морскія волны, длинными складками идущія на гравій, ихъ лѣтній атласный шумъ, тяжесть, блескъ и кипень... Лакей деликатно притворилъ дверь. Хрущевъ легъ на диванъ, — и мысли его опять возвратились къ молодости, къ началу его бездомной жизни, къ этому большому мертвому городу, вѣчно заносимому пылью, подобно оазисамъ среднеазіатскихъ пустынь, подобно египитскимъ каналамъ, засыпаемымъ песками...

«Пыль, пыль, пыль!» — думалъ онъ съ какой-то ѣдкой и сладкой тоской, глядя на тончайшую сухую мглу, наполнявшую его жаркое купэ. — «Азія, Азія!»

Вагонъ мотало...

Капри. 1913.

II.

ЗОВЪ.

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ, — какъ вѣрятъ моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новыя скитанья
Велятъ они вставать—въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда-бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду:
Въ родныя гавани во-вѣки я не вниду,
Но знаю, что и мнѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ сниться сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

НОЧЛЕГЪ.

Міръ — лѣсъ, ночной пріютъ птицы.
Брамины.

Въ вечерній часъ тепло во мракѣ лѣса,
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса —
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ —
Вернись на родину, душа!

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
Мука Бреннеръ! Вымотало душу
По мостамъ, ущельямъ и туннелямъ,
Но зато какой глубокій отдыхъ!
Всякій разъ, когда вокзалъ минуешь
И на пристань выйдешь, удивляетъ
Тишина Венеціи, пьянѣешь
Отъ морского воздуха каналовъ...
Эти лодки, барки, маслянистый
Блескъ воды, огнями озаренной,
А за нею низкій рядъ фасадовъ
Какъ бы изъ слоновой грязной кости,
А надъ ними синій южный вечеръ,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видѣть!
Плыли мы съ Энрико, — онъ женился,
Сталъ серьезнѣй, — у дверей отеля
Я сказалъ: «Энрико, если помнишь,
Я люблю осеннія сырыя

Мѣсячныя ночи, надо завтра
Побродить по городу, на взморье,
На лагуны выплыть: завтра въ полночь
Выйду я, какъ прежде, на пьяцетту,
Паперть нашей церкви, — дожидайся
Вонъ подъ тѣмъ палаццо, что напротивъ,
Съ выбитыми стеклами, съ желѣзной
Ржавою рѣшеткой въ дырахъ оконъ...»

Восемь лѣтъ... Я спалъ въ давно знакомой
Низкой, старой комнатѣ, подъ бѣлымъ
Потолкомъ, расписаннымъ цвѣтами,
На широкой дѣдовской кровати.
Утромъ, слышу, — колоколъ... И звонко
И пѣвуче, но не къ намъ взываетъ
Этотъ чистый, одинокій голосъ,
Голосъ давней жизни, отъ которой
Только красота одна осталась!
Утромъ косо розовое солнце
Заглянуло въ узкій переулокъ,
Озаряя отблескомъ отъ дома,
Отъ стѣны напротивъ... И опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутилъ, увидѣвши надъ крышей,
Надъ бѣльемъ, что по вѣтру трепалось,
Облаковъ сиреневые клочья
Въ жидкомъ, влажно-бирюзовомъ небѣ...
А потомъ на крышу прибѣжала

И бѣлье снимала, напѣвая,
Дѣвушка съ раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнилъ
Капри, Граціэллу Ламартина...
Восемь лѣтъ назадъ я былъ моложе,
Но не сердцемъ, нѣтъ, совсѣмъ не сердцемъ!

Въ полдень, возлѣ Марка, что казался
Патріархомъ Сиріи и Смирны,
Солнце, улыбаясь въ свѣтлой дымкѣ,
Перламутромъ розовымъ слѣпило.
Солнце пригрѣвало стѣны Дожей,
Площадь и воркующихъ кипящихъ
Сизыхъ голубей, клевавшихъ зерна
Подъ ногами щедрыхъ форестьеровъ.
Лоснились цилиндры, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы;
Женщины, весну напоминая
Свѣтлыми нарядами, раскрыли
Кружевные зонтики, чтобъ шелкомъ
Озаряло лица, и съ перчатокъ
Голубей кормили, подставляя
Плечи имъ и губы... Въ галлереѣ
Я сидѣлъ, спросилъ газету, кофе
И о чемъ-то думалъ... Тотъ, кто молодъ,
Знаетъ, что онъ любитъ. Мы не знаемъ,
Цѣлый міръ мы любимъ... И далеко,
За каналы, за лежавшій плоско

И сіявшій въ тускломъ блескѣ городъ,
За лагуны Адріи зеленой,
Въ голубой просторъ глядѣлъ крылатый
Левъ съ колонны... Въ ясную погоду
Онъ на югѣ видитъ Апеннины,
А на сизомъ сѣверѣ — тройныя
Волны Альпъ, мерцающихъ надъ синью
Плàтиной горбовъ своихъ ледяныхъ...

Вечеромъ — туманъ, молочно-сѣрый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленѣютъ въ немъ огни, столбами
Фонари отбрасываютъ тѣни.
Траурно Большой каналъ чернѣетъ
Въ розсыпи огней, туманно-красныхъ,
Маркъ тяжелъ и древенъ. Въ переулкахъ —
Слякоть, грязь. Идутъ посерединѣ,
Какъ на сценѣ ходятъ. Сладко пахнутъ
Крѣпкія сигары. И уютно
Въ свѣтлыхъ галлереяхъ — ярко блещутъ
Ихъ кафэ, витрины. Англичане
Покупаютъ кружево и книжки
Съ толстыми шершавыми листами,
Въ переплетахъ съ золоченой вязью,
Съ грубыми застежками... За мною
Дѣвочка пристряла, — все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: «Mi d'un soldo!»
Долго я сидѣлъ потомъ въ тавернѣ,

Долго вспоминалъ ея прелестный
Жаркій взглядъ, лучистыя рѣсницы
И лохмотья... Можетъ-быть, арабка?

Ночью, въ часъ, я вышелъ. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьяццеттѣ
Камни мокры. Нѣжно пахнетъ моремъ,
Холодно и сыро — вонью скользкихъ
Темныхъ переулковъ, отъ канала —
Свѣжестью арбуза. Въ свѣтломъ небѣ
Надъ пьяццеттой, противъ папскихъ статуй
На фасадѣ церкви, — блѣдный мѣсяцъ:
То сіяетъ, то за дымомъ таетъ,
За осенней мглой, бѣгущей съ моря.
«Не заснулъ, Энрико?» — Онъ беззвучно,
Медленно на лунный свѣтъ выводитъ
Длинный, черный катафалкъ гондолы,
Чуть склоняетъ станъ — и вырастаетъ,
Стоя на кормѣ ея... Мы долго
Плыли въ узкихъ коридорахъ улицъ,
Между стѣнъ высокихъ и тяжелыхъ...

Въ этихъ коридорахъ — баржи съ лѣсомъ,
Барки съ солью: стали и ночуютъ.
Подъ стѣнами — сваи и ступени
Въ плѣсени и слизи. Сверху — небо.
Лента неба въ мелкихъ блѣдныхъ звѣздахъ...
Въ полночь спитъ Венеція, — быть-можетъ,
Лишь въ притонахъ для воровъ и пьяницъ

За вокзаломъ, свѣтятъ щели въ ставняхъ,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохотъ, споры и удары
По столамъ и столикамъ, залитымъ
Марсалой и вермутомъ... Есть прелесть
Въ этой поздней, въ этой чадной жизни
Пьяницъ, проститутокъ и матросовъ!
«Но amato, amo, Desdemona...» —
Говоритъ Энрико, напѣвая,
И, быть-можетъ, слышитъ эту пѣсню
Кто-нибудь вотъ въ этомъ темномъ домѣ —
Та душа, что любитъ... За оградой
Вижу садикъ; въ чистомъ небосклонѣ —
Голыя, прозрачныя деревья,
И стекломъ блестятъ они, и пахнетъ
Садъ виномъ и медомъ... Этотъ винный
Запахъ листьевъ тоньше, чѣмъ весенній!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знаетъ счастья — видѣть
Слезы на рѣсницахъ Дездемоны,
Любящей другого...
Вотъ и свѣтлый
Выходъ въ небо, въ лунный блескъ и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!
Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млѣющаго взморья

И огни чуть виднаго экспресса,
Золотой бѣгущіе цѣпочкой
По лагунамъ къ югу! — Нѣтъ, не сердцемъ
Были мы моложе: сердце стало
Драгоцѣнной сказочною скрипкой,
Зазвучавшей золотомъ пѣвучимъ
Только послѣ многихъ скорбныхъ пѣсенъ!

РИТМЪ.

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой, —
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ безвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Завороженъ ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ —
И слышу сердца ровное біенье
И этихъ строкъ размѣренное пѣнье
И мыслимую музыку планетъ.

Все ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье!
Но страшенъ мигъ, когда стремленья нѣтъ.

ВЕЛИКІЙ ЛОСЬ.

Ночь зимняя мутна и холодна.
Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
Изъ радужнаго блѣднаго кольца
Глядитъ она на лыжи у крыльца,
На тѣнь мою, на молчаливый домъ
И на кустарникъ въ инеѣ густомъ.
Еще блеститъ оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло:
На сѣверѣ огни полночныхъ звѣздъ
Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
Заиндивѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены,
И вся душа — во власти тишины,
Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
Туманъ плыветъ, — и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена.
И кажется, вотъ-вотъ и я пойму
Незримое — идущее въ дыму
Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
Гдѣ, наступивъ на ледяную Ось,
Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось —
И отражаютъ блѣдные снѣга
Стоцвѣтные горящіе рога.

ТУЧА.

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна — рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдыя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали,
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И вырастали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью —
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

— «Дай мнѣ звѣзду, — твердитъ ребенокъ сонный: —
Дай, мамочка...» — Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

«Дай, мамочка...» Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико: — «Что, милый?»
— «Вонъ ту звѣзду...» — «А для чего? Играть?»
— «Какая же ты глупая! Конечно!»

Лепечутъ листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣнѣ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!

ДѢДУШКА.

Дѣдушка ѣстъ грушу на лежанкѣ,
Деснами кусаетъ спѣлый плодъ.
Поднялъ плечъ костлявые останки
И втянулъ въ нихъ черепъ, какъ уродъ.

Глазки — что коринки, со звѣриной
Пустотой и грустью. Все забылъ.
Ужъ запасся гробовой холстиной,
Но къ ѣдѣ — какой-то лютый пылъ.

Чуетъ: отовсюду обступила,
Смотритъ на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спѣшитъ, спѣшитъ онъ — дожевать.

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА.

Опять знакомый домъ...
Огаревъ.

Могильная плита, желѣзная доска,
Въ густой травѣ врастающая въ землю —
И мнѣ ея печаль понятна и близка,
И я роднымъ преданьямъ внемлю.
И я «люблю людей, которыхъ больше нѣтъ,»
Любовью всепрощающей, сыновней.
Послѣдній ихъ побѣгъ, я не забылъ ихъ слѣдъ
Подъ старой, обветшалою часовней.
Я молодымъ себя, въ своемъ простомъ быту,
На бѣдномъ ихъ погостѣ вспоминаю.
Послѣдній ихъ побѣгъ, подъ эту же плиту
Приду я лечь — и тихо лягу — съ краю.

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Туманъ прозрачный по полямъ
Идетъ навстрѣчу мнѣ,
Луны касаясь по краямъ,
Мелькая въ вышинѣ.
Въ поляхъ не мало бороздъ, ямъ,
Невидныхъ при лунѣ.

Что тамъ? Не рѣчки-ль полоса?
Нѣтъ, это зеленя.
Блеститъ холодная роса
На гривѣ у коня —
И дышатъ ладаномъ лѣса,
Раскрытые до пня.

Сбивался я и молодымъ,
Какъ сбился я теперь,
Да не пугалъ ни лунный дымъ,
Ни часъ ночной, ни звѣрь.
Мнѣ-ль привыкать къ полямъ пустымъ?
Къ тоскѣ разлукъ, потерь?

Но, видно, надо: не привыкъ.
Да и не тѣ года:
Глазамъ мѣшаетъ то башлыкъ,
То темная вода...
— А, можетъ, слезы? Ты, старикъ
Брось лучше повода!

НОЧНЫЯ ОБЛАКА.

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріилъ, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ ѳиміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ.

ДАЛЬНЯЯ ГРОЗА.

Мелькаютъ дали, черныя, слѣпыя,
Мелькаетъ океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубыя,
Но лишь на краткій мигъ.

«Да будетъ свѣтъ!» Но свѣтъ угасъ — и сонный,
Тяжелый гулъ растетъ вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

НА КАМНЯХЪ.

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду въ оливковомъ лѣсу.
Вижу въ небѣ бѣлый, ясный мѣсяцъ
И домой сырую сѣть несу.

Свѣтъ и тѣнь по мнѣ проходятъ сѣтью.
Рѣдкій лѣсъ похожъ на сѣрый садъ.
За Коринѳомъ, надъ горой высокой
Двѣ звѣзды полночныя лежатъ.

На камняхъ живемъ мы; ясный мѣсяцъ —
Противъ бѣлой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звонъ цикадъ журчитъ среди камней.

МОНАСТЫРЬ ВЪ СИЦИЛІИ.

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя —
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плѣсени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

МАТРОСЪ.

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось.
Измотало зыбью нашу барку,
На носу — угодника Николу,
На кормѣ — малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу — разсвѣтаетъ,
Море заштилѣло, зеленѣетъ,
На востокѣ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговыя горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ —
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться — и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА.

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей ко-
рявыхъ
Ползетъ молочный дымъ: окуриваютъ садъ.
Всѣ яблони въ цвѣту — и вотъ, въ зеленыхъ
травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожатъ.

Безцвѣтный западъ чистъ — жди къ полночи
мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.

ПОСЛѢ ОБѢДА.

Сквозь рѣдкій садъ шумитъ въ туманѣ море —
И тянетъ влажнымъ холодомъ въ окно.
Сирена на туманномъ косогорѣ
Мычитъ и мрачно и темно.

Лишь гимназистка съ толстыми косами
Одна не спитъ, — одна живетъ инымъ,
Хватая жадно синими глазами
Страницу за страницей «Дымъ».

ПСКОВСКІЙ БОРЪ.

Вдали темно и чащи строги.
Подъ красной мачтой, подъ сосной
Стою и медлю — на порогѣ
Въ міръ позабытый, но родной.

Достойны-ль мы своихъ наслѣдій?
Мнѣ будетъ слишкомъ жутко тамъ,
Гдѣ тропы рысей и медвѣдей
Уводятъ къ сказочнымъ тропамъ,

Гдѣ зернь краснѣетъ на калинѣ,
Гдѣ гниль покрыта ржавымъ мхомъ
И ягоды туманно-сини
На можжевельникѣ сухомъ.

ПРАЩУРЫ.

Голоса съ берега и съ корабля:

«Лицомъ къ туманной зыби хорошите
На берегу песчаномъ мертвецовъ...»

— Плывемъ въ туманъ. Надъ мачтою, въ зенитѣ —
Туманный ликъ... Чей это слабый зовъ?

«Мы дышимъ ночью, моремъ и туманомъ,
Намъ хорошо въ его сыромъ пару...»

— А! На холмѣ, пустынномъ и песчаномъ,
Полночный вихрь проносится въ бору!

«Мы-ль не любили зыбь и наши юмы?
Мы-ль не крѣпили въ бурю паруса?»

— Въ туманъ холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса...

ГРОБНИЦА.

Глубокая гробница изъ порфира.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки — желѣзная сѣкира,
На черепѣ — вѣнецъ изъ серебра.

Надвинутъ онъ на черныя глазницы,
Сквозитъ на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ.

СТЕПЬ.

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣлъ.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣлъ, шелестѣлъ.

Синій воронъ пьетъ глазки до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань...
Сторона-ли моя, ты сторонушка,
Вѣковая моя глухомань!

СВЯТОГОРЪ.

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Будитъ конь Святогора-богàтыря:
  Грудью палъ на колчанъ Святогоръ.
Воронъ по полю плаваетъ, каркая.
Свѣтъ-заря помутилася жаркая.
  Мѣсяцъ всталъ на полночный дозоръ.

Ой, не спитъ Святогоръ, — притворяется!
Конь легонько копытомъ касается
  До плеча въ золоченой рѣзьбѣ:
«Я-ль не сытый пшеницею яровой?
Я-ль не крытый попоною жаровой?
  Мнѣ-ль Ивана носить на себѣ?»

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Свѣтитъ мѣсяцъ по шлему богàтыря:
  Принялъ Божію смерть Святогоръ.
Конь вздыхаетъ, реветъ по-звѣриному:
Онъ служилъ господину единому!
  А Иванъ распахнулъ бѣлъ-шатеръ —

Онъ ползетъ по росѣ, подкрадается,
Онъ татариномъ дикимъ гоняется,
Онъ за гриву хватаетъ коня.
Ночь за ночью идетъ, воронъ каркаетъ,
Вѣтромъ конь вкругъ Алàтыря шаркаетъ,
Стременами пустыми звеня.

МАЧЕХА.

У меня, сироты, была мачеха злая.
Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолола я — куры не пѣли,
Слышу — дверные крюки заскрипѣли.

Глянула — вижу желѣзные роги,
Черную Мати, косматыя ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку.

За темные лѣсы, за синіе боры,
За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!

НЕВѢСТКА.

Свекровь-госпожа въ терему до полденъ заспалась:
Спи, рòдная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черенъ и смоленъ зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщетъ подъ лавкой топоръ:
«Сынокъ, не буди меня: клонитъ старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева — ель да рудую сосну».

Инъ, ель на постель, а сосну? — «А ее на кровать:
На бархатѣ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы»...

Ужъ какъ же я буду за церковью выть,
голосить!
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ кораллъ, въ костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

ПѢСНЯ.

Два голоса — матери и сына.

— Ночь мутна и не мѣсячна,
А дорога глуха...

— Троепераго знахарю
Я отнесъ пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Теменъ съ давнихъ временъ...

— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточенъ!

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спятъ...

— За рѣкой вѣтеръ высушитъ
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Ужъ давай мы какъ слѣдуетъ
Попрощаемся, мать!

МУШКЕТЪ.

Видѣлъ сонъ Мушкетъ.
Видѣлъ онъ азовскія подолья,
На бурьянѣ, на татаркахъ — алый цвѣтъ,
А въ бурьянѣ — ржавыхъ копій колья.

Чортъ повилъ въ жгуты,
Засушилъ въ крови казачьи чубы.
Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-колъ.
Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградъ —
И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убилъ,
Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
И пошелъ въ туретчину, и былъ
Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
Отрубилъ ему башку сѣдую,
И швырнули ту башку въ лиманъ,
И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь, —
Къ Господу глаза ея глядѣли.
И Господь отвѣтилъ: «Не журись,
Не тужи, Мушкетъ, — тебя отпѣли».

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ.

Ѣдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга.
Въ тѣхъ ли лугахъ все чемеръ да цвѣты,
Вешней водою низы налиты.
Бѣлый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
Конь богатырскій шатнулся слегка.
Плеткой стрѣлокъ по Оленю стебнулъ,
Крѣпкой рукой самострѣлъ натянулъ.
Да опустилась на гриву рука:
Бѣлый Олень, погубилъ ты стрѣлка!

— Ты не стебай, не стрѣляй, молодецъ,
Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ.
Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
Съ луга къ веселой приду я избѣ:
Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ —
Будешь ты дома сидѣть, молодецъ.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
Чтобъ не мочила слезами лица,
Чтобъ не боялась кольца и вѣнца.

СВѢТЛЯКЪ.

Лѣса, пески, сухой и теплый воздухъ,
Напѣвъ сверчковъ, таинственно простой.
Надъ головою — небо въ блѣдныхъ звѣздахъ,
Подъ хвоей — сумракъ, мягкій и густой.

Вотъ и она, забытая, глухая,
Часовенка въ бору: издалека
Мерцаетъ въ ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка свѣтляка.

Когда-то озаряла намъ дорогу
Другая въ этой сумрачной глуши...
Но чья святѣй? Равно угоденъ Богу
Свѣтъ и во тьмѣ немеркнущей души.

АЛИСАФІЯ.

На песокъ у моря синяго
Золотая верба клонится.

Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что-жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?

— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попрощаемся!

— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во всѣ стороны клонилася.

На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.

Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спитъ, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.

Тяжелѣетъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилась:

— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на̀ берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣиные:

— Ой, проснись, — не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спитъ, покоится.
И заплакала, закрылася

Алисафія — и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася.

И упала на Егорія,
На лицо его, какъ олово,

И вскочилъ Егорій на ноги,
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется.

Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

НОЧНАЯ ЗМѢЯ.

Глаза козюли, медленно ползущей
Къ своей норѣ ночною сонной пущей,
Горятъ, какъ угли. Сумрачная мгла
Стоитъ въ кустахъ, — и вотъ она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подъ колючей хвоей
Влачитъ свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ... А ночь темна въ іюлѣ,
А врагъ вездѣ — и страшенъ онъ козюлѣ
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлитъ, чтобъ преграду обойти,
Головку приподыметъ водитъ жаломъ
Надъ мухоморомъ сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащіе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

ПОТОМКИ ПРОРОКА.

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ.
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети —
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай,
Но и очей не подымай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты — въ зеленомъ.
Когда придутъ, гляди на кипарисъ,
Гляди въ лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

ЗАВѢСА.

Такъ говоритъ Господь: «Когда, Мой рабъ
любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшонъ врагамъ Мой сладкозвучный
стихъ».

И сокровенныхъ чувствъ и тайныхъ мыслей
много
Отъ васъ я утаилъ. Никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога, —
Онъ Самъ насъ раздѣлилъ завѣсою своей.

ВЪ СКУТАРИ.

Шипитъ и не встаетъ верблюдъ,
Ревутъ, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поютъ
Въ разсвѣтѣ аломъ муэззины.

Стамбулъ жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью,
И вами, бѣлые сады,
И кизякомъ, и росной пылью.

Выноситъ красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонятъ на базаръ,
Проснулись нищіе за ханомъ...

Пора итти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку.
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжитъ по выжженному дроку.

УГОЛЬ.

Моголъ Тимуръ принесъ малюткѣ-сыну
Огнемъ горящій уголь — и рубинъ.
Онъ мудрый былъ: не къ камню, не къ рубину
Въ восторгѣ дѣтскомъ кинулся Иминъ.

Моголъ сказалъ: «Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнущій огонь».
Но Богъ мудрѣй: Богъ пожалѣлъ ребенка —
Онъ самъ подулъ на дѣтскую ладонь.

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударитъ ангелъ Израфилъ —
И саранчой вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могилъ.

Щитъ загудетъ — и Ты возстанешь, Боже,
И тѣнь Твоя падетъ на судный долъ,
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

ЗАВѢТЪ САДИ.

Будь щедрымъ, какъ пальма. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, прямымъ и простымъ — благороднымъ.

МАГОМЕТЪ И САФІЯ.

Сàфія, проснувшись, заплетаетъ ловкой
Голубой рукою пряди черныхъ косъ.
«Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой»,
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя,
Отвѣчаетъ кротко: «Ты скажи имъ, другъ:
Авраамъ — отецъ мой, Моисей — мой дядя,
Магометъ — супругъ».

ІАКОВЪ,

Іаковъ шелъ въ Харанъ и ночевалъ въ пути,
Затѣмъ что пала ночь надъ той пустыней древ-
ней.
Царь говоритъ рабамъ: «Вотъ долженъ другъ
прійти.
Гасите всѣ огни, — во мракѣ мы душевнѣй».

Такъ повелѣлъ Господь гасить свѣтило дня,
Чтобъ тайную вести съ Іаковомъ бесѣду,
Чтобъ звать его въ ночи: «Возстань, бори
Меня —
И всей землѣ яви Мой знакъ, Мою побѣду!»

ТОРА.

Былъ съ Богомъ Моисей на дикой горной кручѣ,
У вратъ небесъ стоялъ какъ въ жертвенномъ дыму:
Сползали по горѣ грохочущія тучи —
И въ голосѣ громовъ Богъ говорилъ Ему.

Мѣшалось солнце съ тьмой, основы скалъ дрожали,
И видѣлъ Моисей, какъ зиждилась Она:
Изъ бѣлаго огня — раскрытыя скрижали,
Изъ чернаго огня — святыя письмена.

И стиль, — незримый стиль, чертившій ихъ узоры,
Богъ о главу Вождя склоненнаго отеръ,
И въ пламенномъ вѣнцѣ шелъ воспріемникъ Торы
Къ народу своему, въ свой станъ и свой шатеръ.

Воспойте пѣснь Ему! Онъ радостнѣй и краше
Свѣтильника Седьми предъ Божьимъ алтаремъ:
Не отъ него-ль зажгли мы пламенники наши,
Ни свѣта, ни огня не уменьшая въ немъ?

ГОСПОДЬ СКОРБЯЩІЙ.

Воззвалъ Господь, скорбящій о Сіонѣ,
И Ангеловъ Служенія спросилъ:
«Погибли стяги, воинство и кони, —
Что сдѣлалъ Царь, покорный Богу Силъ?»

И Ангелы Служенія сказали:
«Онъ вретищемъ завѣсилъ тронный залъ,
Онъ потушилъ свѣтильники въ томъ залѣ,
Онъ скорбь свою молчаніемъ связалъ».

Воззвалъ Господь: «И Я завѣшу тьмою,
Какъ вретищемъ, Мной созданную твердь.
Я потушу въ ней солнце и сокрою
Лицо Свое, да правитъ въ мірѣ Смерть!»

И отошелъ съ покинутаго трона
Къ тѣмъ тайникамъ, чье имя — Мистаримъ
И плакалъ тамъ о гибели Сіона,
Для Ангеловъ Служенія незримъ.

ПЛАЧЪ НОЧЬЮ.

Плакала ночью вдова:
Нѣжно любила ребенка, но умеръ ребенокъ.
Плакалъ и старецъ-сосѣдъ, прижимая къ глазамъ рукава,
Звѣзды свѣтили, и плакалъ въ закутѣ козленокъ.

Плакала мать по ночамъ.
Плачущій ночью къ слезамъ побуждаетъ другого:
Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного,
Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Съ Іосифомъ Господь бесѣдовалъ въ ночи,
Когда Святая Мать съ Младенцемъ почивала:

«Іосифъ! Близокъ день, когда мечи
Перекуютъ народы на орала.
Какъ нищая вдова, что плачетъ въ часъ ночной
О мужѣ и ребенкѣ, какъ Пророки
Мой древній Домъ оплакали со Мной,
Такъ проливаетъ міръ кровавыхъ слезъ потоки
Іосифъ! Я расторгъ съ жестокими завѣтъ.
Исполни въ радости Господнее велѣнье:
Встань, возвратись въ Мой тихій Назаретъ —
И всей землѣ яви Мое благоволенье».

МАТЬ.

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вкругъ меня,
Каменистая долина
Съ юга шла — и по долинѣ
Сѣменилъ ушастый осликъ
Межъ колосьевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликѣ, сидѣла

Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,
Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты-ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ Твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,
Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ.
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почіютъ
Короли, святые, папы, —
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.
Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,

Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты-же — въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотсй вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя — я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,
Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,
Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты — Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держатъ парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безумiемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибоя
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ.
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горъ,
Озаренная лампадой,
Ты, какъ лилiя, бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ приносимъ мы:
Сирота-служанка — ленту.
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святыя слезы,
Запоньяръ — свои псалмы.

Человѣчество не помнитъ,
Какъ творитъ оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣснь Пѣсней —
Отчего возведена
На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Позабытая, простая
Галилейская жена.

Человѣчество, вѣнчая
Властью божеской тирановъ,
Обагряя руки кровью
Въ жаждѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:

О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

Это Мать послала Сына:
— Дай мнѣ миръ и радость въ мирѣ.
Встань, иди. Скажи, какъ нѣжно
Я люблю свое дитя,
Какъ усталъ, какъ добръ Іосифъ,
Какъ онъ ноющей, дрожащей
Отираетъ потъ рукою,
Улыбаясь и шутя.

— Разскажи о Назаретѣ,
О простомъ и бѣдномъ бытѣ,
О колодцѣ, гдѣ я мыла
Твой заплатанный хитонъ,
И о томъ, что, если булешь
Ты хотя владыкой міра,
Багряницы и виссона
Будетъ мнѣ дороже онъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Чаша жизни	9
Братья	47
При дорогѣ	94
Святые	142
Весенній вечеръ	165
Святочный разсказъ	185
Пыль	204
Стихотворенія	215

Книгоиздательство „РУССКАЯ ЗЕМЛЯ".

Вышли изъ печати:

„ДАРЪ ЗЕМЛѢ", сборникъ новыхъ стихотвореній К. Д. Бальмонта. Цѣна: **7 фр. 50.**

„ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО" и другіе разсказы И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„СУЛАМИѲЬ" и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„НАВОЖДЕНІЕ" и другіе разсказы гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **12 фр**

„НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША", повѣсть И. Шмелева. Цѣна: **7 фр. 50.**

„ДЕРЕВНЯ" и „СУХОДОЛЪ" И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„14 ДЕКАБРЯ", романъ Д. С. Мережковскаго. Цѣна: **15 фр.**

„ХРОМОЙ БАРИНЪ," романъ гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **10 фр.**

„ПУТНИКИ" и другіе разсказы Бориса Зайцева. Цѣна: **12 фр.**

„НЕБЕСНЫЯ СЛОВА" и др. разсказы З. Н. Гиппіусъ. Цѣна: **12 фр.**

„ГАМБРИНУСЪ" и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ" В. А. Маклакова. Цѣна: **2 фр. 50.**

„СБОРНИКЪ ИЗБРАННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ" Н. А. Тэффи. Цѣна: **12 фр.**

„ЧАША ЖИЗНИ" и другіе разсказы И. А. Бунина. Цѣна **10 фр.**

Печатаются:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. — «Письма къ г-жѣ Віардо». Первое полное собраніе. 2 тома.

И. А. БУНИНЪ. — «Храмъ солнца».

А. И. КУПРИНЪ. — «Гранатовый браслетъ».

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — «Земныя сокровища»

Имѣются на складѣ:

1. «РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ», подъ редакціей ак. И. А. Бунина: Т. I. Фонвизинъ — Капнистъ — Грибоѣдовъ Цѣна: 8 фр.
2. «РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ», народныя сказки, пѣсни, шутки. Рисунки кн. Шервашидзе. Цѣна: 3 фр. 75 с.
3. КОТЪ-МУРЛЫКА. — «Папа-Пряникъ», сказка. Рисунки г-жи Щербачевой. Цѣна: 3 фр. 75 с.
4. ПРОФ. В. Ф. ТОТОМІАНЦЪ. — «Исторія экономическихъ и соціальныхъ ученій».
5. СОЛОМОНЪ РЕЙНАКЪ. — «Орфей». (Всеобщая исторія религій). Цѣна: 12 фр.
6. ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. — «Сонъ». Цѣна: 2 фр.
7. СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ (ежемѣсячный журналъ) №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 цѣна по **10** фр. каждый.
8. ДІОНЕО. — «Первый Устой». Цѣна: 11 фр.
9. ГИНСЪ — «Сибирь, Колчакъ и Союзники». Цѣна: I т. 18 — фр; т. II 20 — фр.

Продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы.

По первому письменному требованію ("ROUSSKAIA ZEMLIA", 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижѣ.

T[illegible] 4-1-49

459194
LR
B9423ch
Bunin, Ivan Alekseevich
Чаша жизни.
[Translitérated: Chasha zhizni]

DATE. | NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET